

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

**ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И ТЕОЛОГИИ

АНТРОПОЛОГИЯ МАСС В ФИЛОСОФИИ ПОСТМАРКСИЗМА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки 47.04.01 Философия
очной формы обучения, группы 10001723
Орехова Федора Игоревича

Научный руководитель
к. филос. н., доцент
Майданская И.А.

Рецензент
д.филос.н., проф. кафедры
общеобразовательных дисциплин
МИРБИС
Мареева Е.В.

БЕЛГОРОД 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
I. ВЛАСТЬ МАСС И ЕЁ ПРОИСХОЖДЕНИЕ	20
§ 1. Эволюция представлений о массе в западной философии XX века	20
1.1 Источники возникновения массы: перелом эпох, атомизация и отчуждение	20
1.2 Масса как индикатор кризиса традиционной модели общества	34
1.3 Масса как целенаправленно формируемая антропологическая сущность	41
§ 2. Антропология массы в постмарксистских классовых концепциях А. Грамши и Х. Арендт	49
2.1 Тенденции ревизии марксистской концепции массы постмарксистами	49
2.2 Теория культурной гегемонии А. Грамши как способ характеристики массы	53
2.3 Базовые условия возникновения массы согласно концепциям, Х. Арендт	60
§ 3. Антропология массы и глобальная Империя в постмарксистской концепции М. Хардта и А. Негри	81
II. МАССА КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ	97
2.1 Место, статус и значение массы в организации мир-системы в постмарксистской экономической концепции Валлерстайна.	97
2.2 Факторы, определяющие формирование массы, и её качественные характеристики в постмарксистской концепции Х. Арендт	110
2.3 Факторы, определяющие формирование массы, и её качественные характеристики в постмарксистской концепции М. Хардта и А. Негри	120
III. ДИАЛЕКТИКА РАЗВИТИЯ МАССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	135
3.1 Масса как среда, порождающая сопротивление власти масс, в постмарксистской теории Множества и множеств М. Хардта и А. Негри	135

3.2 Евреи как модельный образец множества и модель группового сопротивления власти массы в постмарксистской классовой концепции Х. Арендт	146
3.3 Масса как источник перманентного кризиса и трансформации современного общества	152
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	160
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	175

Введение

Актуальность темы исследования.

Актуальность темы определяется, прежде всего, статусом массы в современном обществе. Введённое Ортегой-и-Гассетом определение «власть масс» вполне конкретно его характеризует этот статус. Широко признанным в современных общественно-гуманитарных исследованиях фактом является то, что именно масса определяет антропологическое содержание по многим базовым признакам совершенно новой, невиданной ранее формации человеческой цивилизации. Той самой цивилизации, не имеющей пока своего имени и определяемой в первую очередь в термине «пост»- – и «постиндустриализма», и «пост-капитализма», и «постмодерна», которая складывается на наших глазах в ходе уже происшедших, но одновременно идущих на наших глазах научно-технической и информационно-коммуникационной революций.

По определению философов постмарксистских школ, именно масса является «живой плотью» современного общества, а состояние массового сознания и массовой культуры задаёт, детерминирует и предопределяет базовые принципы всей системы социальных взаимоотношений во всемирном, глобальном человечестве. Масса, как антропологическая сущность, определяемая особенностями уникального сознания и характера, в современном – «ультраиндустриальном» – обществе, сложившемся, в том числе, и в результате научно-технической революции в XIX и в XX веке, определяет содержание подавляющего большинства экономических, политических и культурных процессов, идущих в развитых и развивающихся странах, складывающихся в больших нациях и народах-цивилизациях. В экономике именно массовый спрос, запросы и потребности человека масс определяют цели и задачи экономического развития. Мировоззренческие стереотипы массы, её желания создают новые политические движения, определяющие политическое лицо мира. А «массовая культура», вкусы массы определяет лейтмотивы, формы и содержание практически всех,

сколь-нибудь заметных явлений современной культуры, оказывает решающее значение на формирование и её этики, и её эстетики.

В этой ситуации изучение источников формирования и особенностей сознания такой антропологической сущности как масса, исследование факторов, влияющих на её поведение, мировоззрение, качественных антропологических признаков массы и путей её эволюции, обусловленной внутренним и внешним воздействием на неё, становится предельно актуальным. Ведь именно масса, а не её антипод – идентичный народ, складывающийся из самоидентифицированных и самоопределившихся личностей, формируют современную картину мира.

Причём, что показательно, несмотря на большой массив научных работ по философскому, культурологическому, политологическому и даже психологическому осмыслению явления, феномена, сущности массы, тема изучения особенностей её характера, сознания, всего многогранного концепта массы не только не близка к исчерпанию, но сама собой порождает всё новые и новые открытия особенностей её существования – как частицы сущего. И открывает такие неожиданные стороны её происхождения, её бытия и путей эволюции её сознания, о которых сравнительно недавно ещё в научном мире и не подозревали. Такое неисчерпаемое состояние объекта исследования, в свою очередь, порождает повышенный интерес к тематике массы, к новым и новым исследованиям различных формам, уровням, признакам массы, отдельных и общих аспектов и тенденций её эволюции.

Проведённое автором данного исследования при защите степени бакалавра философии исследование генезиса древнегреческой цивилизации в историко-философской концепции М.К. Петрова показало, что масса, как антропологическая сущность, является историческим явлением и фактическим ровесником современной – то есть не традиционной, а творческой, основанной на идентичностях, самоидентификации и самоопределении человеческой цивилизации. И, таким образом, имеет свою историю, насчитывающую уже, как минимум, три тысячи лет. Данная

ситуация предоставляет исследователю возможность проследить складывание типовых черт массового сознания и массовой культуры, уникального характера массы в продолжительной исторической перспективе. Что, в свою очередь, потенциально позволяет разглядеть устойчивые, повторяющиеся в различных исторических условиях алгоритмы в возникновении массы, её актуализации в те или иные этапы истории, выявить, в том числе путём исторических аналогий, устойчивые общие черты массы, присутствующие в её характере и в её сознании на всём протяжении истории нашей цивилизации.

При этом проверка – путём своеобразного «перекрёстного допроса» – высказанного рядом исследователей массы предположения о том, что масса всегда возникает, актуализируется «на переломе эпох», что масса является и признаком, и свойством, и индикатором кризиса общественно-экономической формации, позволяет получить представление и о характере кризиса, ставшего ныне привычным состоянием современного общества, и на широкой научно-философской базе спрогнозировать наиболее вероятные формы, способы и методы его преодоления путём трансформации определяющей его «лицо» и содержание массы.

Поиск объективных предпосылок возникновения и эволюции массы, в свою очередь, заставляют обратиться к работам исследователей массы в традициях постмарксистской философии. Причём под термином постмарксизма здесь понимается большая, всемирная философская постмарксистская школа не в узком, терминологическом смысле, объединяющем пару десятков ныне действующих западных и российских философов левого толка, а, в самом широком смысле, вся большая философская постмарксистская «семья», сложившаяся на осмыслении наследия марксизма в условиях бесконечного «конца капитализма» в эпоху научно-технической революции, которая кардинально меняет «бытие» человечества и, таким образом, формирует серьёзные изменения во всём комплексе его «сознания». Актуальность обращения именно к таким концепциям

подчёркивается тем очевидным фактом, что именно марксистская школа материалистической философии сумела полтора века назад наиболее точно спрогнозировать нынешнее базовое состояние современного человечества – как посткапиталистического общества, как общества, стремящегося в своём объективном развитии к учреждению «бесклассовости», логичной и закономерной «отмене классов» как продукта нарастающего обобществления солидарного всемирного общественного производства.

Собственно, именно осмысление и развитие системных, в том числе классовых, принципов постижения действительности, заложенных в основе марксизма, позволяет постмарксистам, философам-материалистам XX и XXI веков разрабатывать свои философские концепции довольно логично и гармонично, без глубоких внутренних противоречий в их содержании, с опорой на базовый принцип материалистической философии, где основным критерием истины является практика.

Актуальность темы исследования также обусловлена потребностью в формировании методик оценки и понимания, ежедневно влияющих на каждого члена современного общества невероятного разнообразия невероятно переменчивых факторов человеческого существования в условиях торжества массовой культуры – как комплексного явления. Исследование качественных характеристик массы и устойчивых факторов, обеспечивающих её эволюцию и вычисляемых путём философского и предметно-исторического анализа, позволяет понять как работает, как на самом деле, на каких принципах и на каких алгоритмах её сознания и поведения, вытекающих из особенностей характера массы, устроено современное нам общество – всё более и более глобальная и от этого всё более и более унифицированная, стандартизированная и стереотипизированная, одним словом, «массовая» цивилизация.

Полученное в ходе исследования знание и понимание фундаментальных черт массы при этом делает тему исследования актуальной также и для других многих видов научного знания – в том числе, истории,

политологии, экономики, социологии, других наук. И, в свою очередь, требует при проведении исследования использования методов междисциплинарных исследований.

Таким образом, высокий исследовательский интерес к проблеме антропологии массы вызван,

во-первых, резким ростом удельного веса, роли и значения фактора массы в очень многих сферах жизни современного человеческого общества;

во-вторых, далеко не полной исследованностью такой сущности как масса, вероятно, определяющем базовое состояние современного непрерывно меняющегося человеческого общества;

в-третьих, необходимостью выработки методик оценки такой сущности как масса с точки зрения антропологии, путём изучения её исторической «биографии»;

в-четвёртых, потребностью, с одной стороны, в установлении способов воздействия на такую сущность как масса, а, с другой стороны, поиском способов защиты от негативных сторон влияния массы на личность и общество;

в-пятых, потребностью в прогнозировании эволюции массы.

Выводы, сделанные в ходе исследования, с одной стороны, способны позволить проанализировать суть массы как целостной антропологической сущности. А, с другой стороны, анализ отдельных антропологических сторон этой сущности может стать способом научно обоснованной проверки полученных в ходе исследования результатов и выводов.

Актуальность рассмотрения сущности масс обусловлена еще и тем, что в современном, непрерывно меняющемся мире в массах закономерно и логично происходят постоянные внутренние изменения. Увидев, рассмотрев эти изменения, можно увидеть, рассмотреть контуры будущего. Как будущего массы, так и будущего современной цивилизации, в котором масса играет весьма значительную, по многим вопросам определяющую роль.

Степень научной разработанности проблемы.

Тема, так или иначе связанная с массой в целом, берет свое начало уже в античности. В политологическом контексте о массе, как новой антропологической сущности, существующей в форме «толпы», писали Гераклит и Платон. Массы как антропологическое явление описаны в работах Аристотеля. Интерес к массе у античных философов неудивителен и логичен – в генезисе древнегреческой цивилизации высока роль массы, как системообразующей цивилизацию антропологической сущности, возникающей при распаде традиционного общества и складывающейся из выпавших из традиционного общества человеческих существ нового типа – «личностей», индивидов-«атомов». А именно такие люди и были главными героями невиданной ранее, до них, творческой цивилизации «пиратов Эгейского моря»¹. Новый интерес к массе возникает при новом «переломе эпох», в эпоху распада устоявшегося на протяжении тысячелетия общества, которое принято называть «феодальным» и которое в работах современных историков часто характеризуется как «общество служения». В базовых для современной политологии, истории, философии работах английского философа XVII века, времён английской буржуазной революции, Томаса Гоббса концептуально описывается массовое общество, представляемое им в противопоставлении обладающего единой волей и действенного «народа», и «толпы», называемой Гоббсом «multitude», «множество»². Тема массы – как в смысле всё того же противопоставления «толпы» и «народа», так и в смысле подробного детального описания характеристик сознания и поведения массы, её социальных движителей – была продолжена французскими просветителями, среди которых у современных исследователей массы особый интерес вызывают работы Ж.Ж. Руссо.

---

¹ Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. 224 с.

² Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1989.

Новое научное прочтение и новый, уже непрерывный и целенаправленный научный интерес масса начинает вызывать при возникновении индустриального общества. Если большинство работ, предшествующих этому времени и посвящённых массе, носили, по большей части, характер оценочно-описательный, и, как правило, не содержали выводов о какой-то особо важной роли массы в общественных процессах (и тем более не содержали попыток анализа качественных характеристик и состояний массы), то в новое время ситуация с научным исследованием массы изменилась. Собственно, сам факт признания массы как антропологической сущности, с резко отличающимися особенностями сознания и характера, с правом даже на «антропологический исход»³, в этом смысле предельно показателен. Именно в это время, начиная со второй половины XIX века, понятие массы в работах философов, политологов, культурологов, других учёных, занятых исследованием процессов и состояний человеческого общества и человека в нём, избавляется от упрощенного (по сравнению с современным) понимания массы – прежде всего, от понимания массы как всего лишь «податного населения», как того, что «неэлита».

Именно в этот период в исследовании массы начинают применять самые передовые для того времени концепции и методы исследования, в том числе и фрейдовский психоанализ. При этом следует отметить, что одновременно с интересом к массе, как антропологическому явлению, сохранялись и прежние, по своей сути, подходы к исследованию массы. Так, в работах К. Маркса масса сама по себе как будто бы не существует – её заменяют «массы трудящихся», а массовые революционные выступления, тем не менее, являются делом не антропологическим, «массовым» в современном понимании, а узкосоциальным, узкоклассовым делом.

---

³ Хардт М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.

Своеобразной границей, отделяющей досовременный и современный подход к исследованию массы – как явления, феномена, концепта, антропологической сущности – стали работы французских исследователей массы Г. Тарда, заявившего о наступлении эры масс – «века толпы»⁴, и Г. Лебона, открывшего «Психологию масс»⁵. Довольно логично предположить, что серьёзное научное осмысление массы напрямую связано с утвердившимися во Франции изменениями в жизненном устройстве – торжестве индустриального подхода в организации всей жизни, оказывающем всё нарастающее давление на общество, во многом остающемся ещё прежним, весьма традиционным «обществом служения». В этом-то конфликте, между старым и новым, отчуждённые от жизни «старого» общества массы и возникают, и начинают всё ярче проявляться. Причём, уже первые теоретики социально-психологического подхода, появившегося в конце века во Франции задолго до глобализма, рассматривали массу как рассеянную по миру «толпу», по каким-то причинам действующую в унисон – даже вопреки своим личным и классовым интересам.

Психологи З. Фрейд и К. Юнг, развивая открытие Г. Лебона и Г. Тарда о существовании в современном им западном обществе некоей влиятельной и невиданной ранее сущности – массы, пришли к выводу, что масса – это культурная, психологическая общность людей, скреплённая определёнными психофизическими установками. Комплекс таких, совершенно антропологических по своим признакам, обладающих собственной психологией признаков массы позднее получили характеристику «массовой культуры» и «массового сознания».

Оформленное представление о массе как явлении, возникающем из изменения условий «бытия» на «переломе эпох», и как о сущности,

---

⁴ Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М., Институт психологии РАН; Издательство КСП, 1999.

⁵ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002.

обладающей вполне конкретными алгоритмами сознания и поведения, представил в 20-х годах XX века испанский публицист и философ Х. Ортега-и-Гассет. Его работы, опубликованные до всемирного жесточайшего экономического кризиса – Великой Депрессии, кардинально изменившего экономические и идейные ландшафты существования человечества и проявившего подлинную силу массы, стали весьма точным предсказанием ближайшего будущего. Такого будущего, в котором бессубъектная и безличностная, социально аморфная масса начнёт стремительно теснить в общественном пространстве, пространстве экономическом и культурном, идентичные классы. Это оправдавшееся предсказание Ортега-и-Гассета, данное на основе глубокого анализа массы, сделанного испанским философом в работе «Власть масс» и других, стало прямым научным доказательством – как реального существования новой антропологической сущности, так и возможностей её научного постижения.

Новый этап интереса к массе – как явлению и как сущности – предопределило возникновение обществ нового типа, основанных по представлению ряда исследователей, на тотальной власти массы. К таким обществам, а, скорее, видимо, государствам-цивилизациям, принято относить нацистскую Германию, фашистские Италию и Испанию, коммунистический Советский Союз. Серьёзный научный вклад в исследовании характеристик массы, существующей в своеобразных «пиковых» и «экстремальных» для неё условиях, внесла Х. Арндт. Её весьма спорная и получившая множество оправданной критики книга «Истоки тоталитаризма»⁶, основанная на постмарксистском классовом подходе к описанию социально-антропологических процессов, тем не менее, стала базовым пособием по изучению массы: как антропологической сущности, возникающей в кризисном состоянии трансформирующегося общества и, несмотря на

---

⁶ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

принципиальную бессубъектность, происходящую от базовой обезличенности массы, находящуюся в непрерывном социальном взаимодействии с уходящим и возникающими классами и социальными группами. Таким образом, в этом взаимодействии, масса, бесструктурная по своей природе, структурирует и институализирует себя.

Одновременно, в одно время с Х. Арндт (на работы которой, следует признать, всё-таки оказали негативное влияние условия развернувшейся в идейно-мировоззренческом мировом пространстве «холодной войны»), к изучению сущности массы обратились философы-постмарксисты Франкфуртской школы. Так, представители этой школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно утверждают в работе «Диалектика Просвещения»⁷, что в реалиях современного массового общества даже «мысль неизбежно становится товаром, а язык – средством его рекламирования»⁸. При этом, принципы индустриализма, распространённые на все сферы жизни общества, неизбежно порождают и «индустрию культуры», которая становится массовой. По М. Хоркхаймеру, индустриальный технологический проект, в котором рождается масса, своей конечной целью имеет победу над природой. В том числе и над таким природным явлением как человек. Г. Маркузе, продолжая эту мысль, утверждал, что массовый человек – всегда противник культуры. Потому что культура накладывает ограничения на главный принцип существования массового человека – поиск удовольствия.

Утвердившийся во второй половине XX века ультраиндустриализм, с присущими ему ультра-монополизацией и ультра-стандартизацией – в том числе уже даже не культурного, а «биополитического» пространства существования человечества, породил новый уровень интереса и, соответственно, глубины исследования сущности массы. Торжество массы,

---

⁷ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М.-Спб., 1997.

⁸ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.-Спб., 1997. С. 7.

со всеми её фундаментальными, базовыми антропологическим признаками массового сознания и массового поведения, приводит к рождению и развитию целой системы социометрических наук, занятых изучением интеллектуальных и поведенческих стереотипов массы. Применяемая – среди человеческих сообществ и социальных групп – только к универсально стандартизированной массе математическая стереотипизация становится научной нормой для целого ряда гуманитарных наук. Более того, британскими социологами У. Уорнером, Дж. Голдторпом, Энтони Гидденсом для определения типологии «власти массы» даже вводится специальное социологическое понятие – «средний класс», совершенно абсурдное с точки зрения марксизма с его теорией «классовой борьбы» как основного источника развития общества.

Среди тех, кто занимался изучением свойств, качеств, характеристик, как массы, так и её «атома» – человека массы были Д. Белл, О. Шпенглер, Э. Фромм, М. Вебер, М. Маклюэн. В СССР теме массы и массового сознания были посвящены работы Б.А. Грушина. Одной из важнейших, базовых для современного российского общества работ по исследованию массового сознания стала книга «Манипуляция сознанием»⁹ С.Г. Кара-Мурзы, где концепт массы, особенности массового сознания и массовой культуры, исследованные методами науки, были чуть не впервые представлены массовому читателю в трансформирующемся российском обществе, осуществившему в начале 90-х годов XX века в своей стране, по определению публициста А. Проханова, «революцию сумасшедших масс».

Перманентный кризис уже ультра-индустриального общества, остро проявившийся на рубеже тысячелетий в форме тотального торжества массовой культуры, вызвал к жизни новые теории эволюции массы. Среди тех, кто исследует массу в настоящее время в философском, а не технологическом смысле – а технологиям взаимодействия с массовым

---

⁹ С.Г. Кара-Мурза Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003. 830 с.

сознанием посвящены уже даже не отдельные или комплексные исследования, а целые университетские курсы по маркетингу, связям с общественностью, другим прикладным гуманитарным дисциплинам – особое место занимают такие философы-постмарксисты как С. Жижек, Б. Кагарлицкий, Ф. Джеймисон, М. Кастельс. Работы «Империя» и «Множество» постмарксистов М. Хардта и А. Негри, подробно рассмотренные ниже, предлагают свою теорию происхождения и эволюции массы в обществе, где идёт трансформация от общества «модернити» к глобальной Империи массы, победившей всё и вся и остановившей само историческое время, соединив и, таким образом, отменив внутреннее и внешнее.

При этом следует отметить, что тема исследования различных аспектов массы, массового сознания, как объекта внимания исключительно философов только среди кандидатских и докторских диссертаций, защищённых в России в последнее десятилетие, составляет более сотни крупных научных монографий. Так в ходе подготовки этой работы были изучены более тридцати их них: посвященные «человеку-массе» и концепту глобальной Империи как воплощения власти массы, антропологии множественности в концепте французской философской традиции XX века и анализу форм и проявлений множественности массы, феномену массы и историографическому осмыслению традиций её изучения, роли явления массы в познании глобализирующегося мира и бессубъектности массы. При этом, статистика свидетельствует о том, что, несмотря на значительный объём уже проведённых исследований массы, колоссальным остаётся количество «белых пятен» в научном понимании и постижении принципов и алгоритмов возникновения и развития массы.

Таким образом, следует отметить, что степень научной разработанности не только высока, но и имеет двухтысячелетнюю историю своего изучения. Что, однако, вовсе не позволяет утверждать, что тема

разработана исчерпывающе – здесь именно тот случай, когда чем больше узнаешь, тем яснее становится масштаб пока существующего незнания.

Основная проблема исследования может быть выражена в следующих вопросах: Что такое масса? Как и почему она возникает? Кто составляет массу? Является ли масса в современном нам человеческом обществе единой антропологической сущностью, обладающей сознанием, характером, массовой, то есть присущей этой сущности уникальной культурой, другими признаками, позволяющими её суть изучать и постигать? Каково значение этой антропологической сущности для исторического существования и эволюции цивилизации? Является ли современный человек частью массы или идентичной и самоопределяющейся личностью? Каковы, согласно концепциям философов-постмарксистов, возможные пути трансформации массы в стремительно меняющемся современном мире, определяемом приставкой «пост-» глобальном мире?

Основная цель диссертационного исследования – анализ явления массы с точки зрения концепций философов-постмарксистов для осмысления массы как единой целостной антропологической сущности, обладающей закономерно возникшими, сложившимися и эволюционно изменяющимися характерными признаками, с высокой степенью вероятности, определяющей основное содержание жизни современного человека и пути развития человеческой культуры и человеческого общества.

На основании поставленной цели в исследовании формулируются и решаются **следующие задачи**:

- проанализировать историческую эволюцию философского понимания массы как закономерно возникающей в период трансформации социально-экономических формаций антропологической сущности;

- проанализировать концепции философов-постмарксистов, описывающих характерные признаки массы, в том числе опираясь на историческую ретроспективу действий массы в XX веке;

- раскрыть понятие массы как целостной антропологической сущности, обладающих рядом устойчивых структурных антропологических признаков, в том числе таких, как массовое сознание, массовая культура, массовые стереотипы;

- исследовать и проанализировать систему социальных взаимоотношений массы с другими социально-антропологическими сущностями - классами различных социально-экономических формаций, государственно-политическими системами, описанную с точки зрения философов-постмарксистов;

- рассмотреть массу как особый способ существования человека, выпадающего из привычных социальных, мировоззренческих, профессиональных статусов;

- проанализировать пост-марксистские концепции вероятных путей и форм трансформации массы в изменяющихся условиях перманентного кризиса современной общественно-экономической формации;

- провести анализ массового сознания и массовой культуры с точки зрения философских концепций философов постмарксистских школ;

- выявить и рассмотреть основные причины возникновения массы и детерминанты её существования и эволюции поведения массы в индустриальном обществе XX века и в ультра-индустриальном обществе XXI века,

- проанализировать особенности механизма «биополитического» - в том числе информационно-коммуникационного и культурно-психологического, «внешнего» управленческого воздействия на массу.

- обосновать возможность изменения состояния массы в силу внутренних особенностей её бессубъектной и безличной структуры, институализирующейся только при условии такого воздействия.

Объект исследования - антропологическая проблематика масс в философии постмарксизма.

Предмет исследования - интерпретация и осмысление особенностей антропологии масс в философии постмарксизма.

Методологическая основа исследования. Основными методами исследования являются анализ философских постмарксистских концепций массы, междисциплинарный синтез, историко-логический анализ.

Научная новизна исследования.

Научная новизна исследования определяется следующими положениями:

1) В исследовании раскрывается явление массы как антропологической сущности со своим сознанием, характером, поведенческими стереотипами, возникающей «на переломе эпох» - в трансформирующейся социально-экономической формации, и складывающейся из отчуждения от общества выброшенных им «за борт» индивидов;

2) В исследовании выявляются качественные характеристики антропологической сущности масс и её структурные особенности, обеспечивающие внутреннее развитие за счёт субъективации и институционализации безличной массы с помощью внешнего воздействия, и её эволюционную трансформацию, стирающую границы между внешним и внутренним, приватным и общественным, частным и общим;

3) В исследовании выявляются особенности массы как антропологической сущности, определяющей качественное состояние современных государств, глобальной экономики, всемирной информационно-коммуникационной системы, всего культурного комплекса современной человеческой цивилизации, и одновременно являющейся

индикатором их предельно кризисного состояния, предшествующему их, по исторической традиции, радикальной трансформации.

Научная и прикладная значимость исследования

Полученные в ходе исследования результаты позволяют углубить философское понимание новых антропологических сущностей, которые возникают и могут возникать в ходе продолжающихся научно-технической и информационно-коммуникационной революций.

Положения и выводы диссертационной работы о качественных характеристиках массы, массового сознания, особенностей массовой культуры могут найти применение в маркетинге, рекламе, системе общественно-массовых коммуникаций, теории и практике функционирования общественно-политических систем и наук, культурологи, социологии, различных видах государство- и обществоведения.

Апробация работы.

Основные положения работы в виде докладов представлены на научных конференциях и в научных публикациях автора.

I. Власть массы и её происхождение

§ 1. Эволюция представлений о массе

1.1 Источники возникновения массы: перелом эпох, атомизация и отчуждение

Историческая ретроспектива довольно ясно и весьма настойчиво демонстрирует устойчивый факт – новые явления возникают в том обществе, где идут какие-то перемены. И чем больше масштаб перемен, чем выше их значение для жизни данного общества, тем значительнее и такие новые явления.

Другим очевидным фактом является то, что перемены в обществе – это всегда знак распада, как минимум – кардинального изменения, прежней, прежде существовавшей системы социального взаимодействия. Изменений, которые, в итоге, затрагивают практически все значимые стороны жизни такого общества и, в итоге, неизбежно приводят к качественно другому, резко отличающемуся от предыдущего системному состоянию общества,

Исследуя такое, казалось бы, сравнительно новое социально-философское явление как «масса», с его «массовым сознанием» и «массовой культурой», тем не менее никуда не уйти от понимания того, что у этого, как будто бы, весьма нового по историческим меркам явления, есть и свои понятийные аналогии, и, главное, своя история. История, которой уже много веков.

Перемены, хоть резкие и обвальные, хоть идущие тихим, но уверенным нарастающим итогом, как правило, свидетельствуют о том, что предыдущая, как принято говорить «старая», система – со всем её комплексом мировоззренческих, понятийных, социально-бытовых, культурных и множества других норм, связей, базовых положений и принципов – более не отвечает, не соответствует внутренним потребностям составляющих её

людей. Больше не способна давать адекватные вызовам времени ответы, больше не способна обеспечить должное, требуемое, продиктованное всей логикой внутреннего развития такого общества качество его существования.

Содержание подобных новинок, как правило, предельно наглядно демонстрирует, с одной стороны, чего же на самом деле «старому» обществу недоставало, а с другой стороны, какие факторы, какие принципиальные идейные и понятийные противопоставления – дихотомии окажутся наиболее значимыми для будущей жизни общества «нового».

Так, принято считать, что для понимания что такое «масса» важнейшей дихотомией, чётко разграничивающей оба понятия, является противопоставление «элита»-«масса». Представители «теорий элит», в первую очередь, Вильфредо Парето¹⁰ утверждают, что именно трансформация некоего «высшего класса» управленческих элит детерминирует и существование, и развитие современного человеческого общества. Под «массой» же они понимают «остальных» – весь тот, ныне многомиллиардный человеческий конгломерат, людей, которые не обладают формальной, а точнее строго формализованной властью – не впущены, то есть в «высший свет». Тех людей, социальный статус не позволяет им осуществлять некие формальные, а точнее строго формализованные функции – в силу происхождения или по занимаемой должности – по управлению жизнью общества.

При этом довольно очевидно, что в такой теории нет места никакому «массовому обществу», да ещё со своим «массовым сознанием» и со своей «массовой культурой». Ведь вся она, такая теория построена на крайне смелой гипотезе раздельного существования любых общественных групп. Что, в целом, никак не соответствует и жёстко противоречит и реальности с действительностью, и самому понятию «социология», используемому В.

---

¹⁰ Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 208 с.

Парето в своих книгах. Понятию социологии, которое изначально предполагает, что в этой науке объект исследования – непрерывно взаимодействующие друг на друга социальные группы – всё-таки есть. Интересно здесь и признание В. Парето, что на современном ему этапе жизни общества, в первой половине двадцатого века, происходит «смещение массовых и элитарных слоев», а нормативным стало «проникновения членов массы на места, традиционно занимаемые представителями элиты». То есть при такой, становящейся перманентной расплывчатости статусов уже не остаётся, по сути, ни замкнутой «элиты», ни той самой ни на что как бы не влияющей «массы».

Действительно же определяющей современные процессы дихотомией, позволяющей нам вести исследование понятия «масса», является заданная четыреста лет назад, в период английской революции, местным философом Томасом Гоббсом. Дихотомия сформулирована так – «народ» и «толпа».

Разделение сущностей, формирующих социум, на объективно, в силу своей внутренней структуры способные к осознанному самоопределению и на прочие – к ценностной и рациональной самоидентификации и, как следствие, самоопределению частично и полностью не способные – и было замечено ещё Томасом Гоббсом. Британский философ-материалист уже в XVII веке отмечал опасность «недостаточно четкого отличия «народа (populus) от толпы (multitudo)»¹¹. По словам Гоббса, принципиальное различие между ними состоит в том, что именно народ, а не толпа, способен к самоидентификации и самоопределению. Как писал Гоббс, «Народ есть нечто единое, обладающее единой волей и способное на единое действие. Ничего подобного нельзя сказать о толпе»¹². Причём, и само самоопределение, и прямо вытекающая из самоопределения и самоидентификацию подтверждающая воля к власти у народа проявляется

---

¹¹ Гоббс Томас. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1989. 395 с.

¹² Гоббс Томас. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1989. 395 с.

даже в такой, вроде бы мало «народной» форме устройства государства, как монархия. «Народ правит во всяком государстве, ибо и в монархическом государстве повелевает народ, потому что там воля народа выражается в воле одного человека»¹³, - пишет Гоббс. Продолжая эту мысль, он подчёркивал: «Как это ни парадоксально, царь есть народ»¹⁴.

И именно понятие такого – постоянно самоидентифицирующегося и поэтому непрерывно самоопределяющегося – классического гобсовского «народа» является наиболее точной антитезой к понятию «толпа». Именно это противостояние – «народа» и «толпы» и становится основным содержанием эпохи «нового времени» в человеческой, эпохи, получившей название «модерн».

Причём и у «народа», и у «толпы» был один источник – человек-«атом», индивид, навсегда выпавший из прежнего общества – патриархального тёплого привычного общества, которое принято определять, как «общество традиций», традиционное общество. Этаким «человек без паспорта» – индивид, лишённый статуса: человек не из сельской общины, не из городского цеха, не из дворянского рода. Индивид, в силу каких-то причин утративший самоидентификацию с прежними общественными институтами. Индивид, для которого единственным общественным институтом отныне является он сам.

Основной причиной такого положения дела, при котором подобных индивидов появилось так много, что они начали превращаться в реальную силу, стал «перелом эпох». Изменение социально-экономической формации. Происходящий в XVI-XVII веках в силу внутренней эволюции в близких, родственных по строю духовно-материальной культуры европейских странах переход от общества, которое принято обозначать как «феодалное», при всём его разнообразии, к обществу, которое, например, И. Валлерстайн

---

¹³ Гоббс Томас. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1989. 396 с.

¹⁴ Гоббс Томас. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1989. 396 с.

определял как «общество свободного рынка»¹⁵. А как раз «атомизация» человека, его высвобождение из общества прежнего, и является бесспорным и обязательным условием существования такого общества. Иначе откуда взяться свободному рынку?

При этом следует отметить, что «атомизация», порождающая и индивидов-«граждан», и «народ», это, вероятно, объективный процесс, неизменно сопровождающий распад общества традиций. Такого общества, которое советский философ-марксист М.К. Петров, называл «олимпийской цивилизацией».

Согласно его теории, ультрастабильным сельскохозяйственным цивилизациям – типа сверхстабильного и глубококонтинентального Китая, фараонского Египта, обязательно присущ некий «НИИ «Олимп»¹⁶. То есть такой своеобразный не столько научно-исследовательский, сколько научно-архивный институт, обеспечивающий непрерывное воспроизводство традиций, доведённых до цикличного и непоколебимого ритуала. То есть до той ситуации, которую описывает Фукидид: «следующая история свойственна лакедемонянам и египтянам: их глашатаи, флейтисты и повара наследуют занятия отцов так, что сын флейтиста обязательно станет флейтистом, сын повара – поваром, а сын глашатая – глашатаем; другие при всей звучности голоса не могут их вытеснить, так как свои обязанности они выполняют по праву наследства»¹⁷.

«Прежде всего, Олимп — мнемонический институт, который помогает обществу ориентировать своих членов в мире-космосе и воспитывать новые поколения в преемственной связи с уходящими: формировать, уподоблять и

---

¹⁵ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 415 с.

¹⁶ Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. 224 с.

¹⁷ Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. 105 с.

стыковать поколения в тех «своеобразных» условиях, когда не было ни всеобщего и обязательного образования, ни газет, ни даже телевизора»¹⁸, объясняет Петров. В «олимпийской цивилизации» существует монополия над человеческого, надличностного Олимпа на технологии, а сам этот Олимп эталонен в любом виде деятельности – настолько, что аналогичная эталонность человеку обычно недостижима.

Олимп, по Петрову, феноменологичен и настолько самодостаточен, что в таком обществе невозможна технологическая революция – ведь обязательным условием здесь является целостность устоявшегося технологического ритуала. А революция по своей сути – это всегда разрушение такой целостности, учреждение нового «ритуала».

Главной причиной такой важности традиций, столь тщательного соблюдения ритуала, является острота и тематика угроз. Например, с точки зрения опасности внешнего вторжения, скажем, Китаю практически нечего бояться, здесь намного важнее стихийные колебания природных явлений – наводнения и засухи. А вот для открытых в любую минуту для внешних пиратских вторжений берегов Крита, эллинских островов или восточной Эллады решение задачи отражений непрерывных именно морских набегов соседей является первоочередной проблемой.

То есть именно потребность в элиминации, нейтрализации угроз на каком-то этапе требует революции. Ресурсов традиционного общества, «олимпийской цивилизации»¹⁹ становится недостаточно для их эффективного отражения. Это и становится ему приговором – пусть иногда и отсроченному, растянутому на века.

Традиционное общество, «олимпийская цивилизация», хоть доисторическое, хоть многовековое феодальное, на пике своего развития всегда жёстко иерархично и предельно централизовано. И по-другому быть

---

¹⁸ Петров М. К. Историко-философские исследования. М.: РОС-СПЭН, 1996. 134 с.

¹⁹ Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. 224 с.

не может – такова внутренняя сущность традиции. Ей для передачи необходима и структурность, и порождённая, вытекающая из структурности адресная, для каждого уровня иерархии, сегментация распространения информации. Значит, новое, антитрадиционное общество должно исповедовать «децентрализацию». Свободный рынок, самоуправление, обмен идеями и технологиями вместо воспроизводства традиции. Всё это, собственно, только человек-«атом», свободный индивид и способен обеспечить.

Однако основной проблемой такого, «оторванного от корней», индивида как раз и есть его оторванность от традиционных культурных кодов, тех самых, то есть «корней». Свою индивидуальную культуру он, понятно, вынужден теперь создавать сам – в отрыве от «корневого» опыта, в лишении себя возможности его каким-то образом использовать. Но для совместных действий с другими индивидами он обязан созидать какое-то общее культурно-понятийное поле. На этом поле, собственно, и растут и гоббсовский «народ» и гоббсовская «толпа».

Причина, по которым новый «народ» действителен, а «толпа» на продуктивную работу не способна, довольно подробно описана М.К. Петровым – пусть по отношению к другой исторической эпохе. Другой новый «народ» – древние греки, как подчёркивает Петров, теперь могут «в любой момент раскалывать единство теоретического и практического отношений к миру и активно отчуждать через слово практическое отношение к миру для исполнения другими людьми, оставляя за собой монополию на теоретическое и на продукт отчуждения практических отношений»²⁰.

Философское осмысление этой способности, или, вернее, философия как осмысление этой способности, придёт к ним позже: пока она диагностируется как «хитроумие». То есть способность, по выражению из басен Эзопа, «говорить одно, а делать другое». Но, с другой стороны, оно

---

²⁰ Петров М. К. Историко-философские исследования. М.: РОС-СПЭН, 1996. 106 с.

уже совершенно конкретно, на уровне устойчивого навыка формируется как практически невозможное в «олимпийской» цивилизации творчество. Да ещё к тому же творчество по абстрактному, ничего прежде не значащему простому устному и письменному слову. Слову, как раз которым творчество теперь и управляется, и направляется, и контролируется, и проверяется.

Именно непрерывное творчество свободных «атомов» приводит сначала к гражданской войне (а английская революция времён Гоббса как раз открыла почти трёхвековую историю социальных революций, происшедших уже в самых традиционных уголках планеты), а затем – и к возникновению «народа». Народа победителей. Людей, много заплативших за свою победу.

В этой, как правило, кровавой, плате, в постоянно чувствуемой победителями цене победы состоит и одно из главных отличий «народа» от «толпы». «Народ», по всей логике своего возникновения и существования, знает истинную меру вещей, а «толпа» нет. «Народу» нужна тщательная точность в определениях, смыслах, словах – ведь именно из точного разграничения и возникает суверенитет народа. Как внутри него, для составляющих народ индивидов, так и по отношению к внешним силам. В работе «Империя» Хардт и Негри так описывают ситуацию, явно подразумевая под «массой» гоббсовскую «толпу»: «если масса представляет собой неопределенное конститутивное отношение, то народ является конституированным синтезом»²¹.

Показательно, что на переломе эпох и в Древней Греции, и в Европе XVI-XVII веков, в Европе Нового времени, связующим звеном между индивидами становится текст. Новый «атомизированный» статус, положение постоянного самоопределения и самоидентификации неизбежно выталкивали в добровольно-принудительные творчества. «Этим, кстати, объясняется духовное богатство и неисчерпаемость античного арсенала идей, та огромная

---

²¹ Хардт М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 124 с.

избыточность готовых фраз, постановок вопросов, связей идей, которая и для нас остается неисчерпаемым кладом мудрости и неиссякаемым источником формального сырья для новых построений»²², - поясняет Петров, говоря о древнегреческих писателях и их текстах, в то же время, вольно и невольно, иллюстрирует и происходящее в Европе в Новое время. «Письменность как универсальный навык, как грамотность есть сама по себе слепая творческая способность, которая поднимает все поголовье грамотных, хотя бы они того или нет, к теоретическому творчеству, ... запрещает им повторять друг друга и требует от каждой грамотной головы нового текста, нового индивидуального отношения к любому предмету»²³ – заявляет Петров. Прямо совпадая в этом случае с Берtrandом Расселом²⁴, так же как Петров, обращавшего внимание на то, что переход в Древней Греции от узкопрофессиональной письменности во всеобщую грамотность фактически означал почти автоматический переход к уникально-новой психологической установке – к установке каждому члену общества на то, чтобы он находился в постоянном творческом режиме. То есть самом продуктивном для развития личности и общества режиме непрерывного анализа наличного опыта и событий и творческого синтеза из такого анализа принципиально новых решений.

При этом в новом, «атомизированном» мире единственным способом установки истинности становится сам текст. Текст анализируют с помощью текста, посредством производства многих уникальных текстов. Текст доказывает, развенчивает, убеждает и опровергает. Это значение текста приводит к принципиально новому явлению – как в новой Древней Греции, так и в европейском Новом времени: возникает новая частная собственность

---

²² Петров М. К. Историко-философские исследования. М.: РОС-СПЭН, 1996. 186 с.

²³ Петров М.К. Язык и предмет истории философии. М.: Наука, 1991. 91 с.

²⁴ Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. В 3 кн. / Издание 7-е, стереотипное. М: Академический проект, 2009.

– на мысль и ее продукты. Поэтому вспыхивает неугасающий «раздор», та самая интеллектуальная война «всех против всех», главным призом в которой становится новый статус индивида, личности. По-новому – с помощью тестовой текстовой оценки некой интеллектуальной силы – теперь определяются и статус народа в отношении других народов.

Новую жизнь в европейском Новом времени находит и другой важный принцип жизни «народа», сложившегося из индивидов-«атомов» – права на равнооударённость и равноосведомлённость при участии в политической жизни. И хотя в гоббсовские времена, в силу исторически оправданных ограничений, это право выглядит всего лишь как нереализуемое в реальности желание, но, согласно всей закономерной внутренней логике своего развития, со временем естественно становится нормой в европейских странах. Здесь конституционно, на уровне «базовой практики» за любым взрослым гражданином автоматически, на уровне рефлекса, закрепляется способность исполнять любую государственную должность. «Достаточно поразмыслить о том, почему, например, когда речь заходит о формировании футбольной команды, никто не требует ни «футбольных прав» по достижении какого-то возраста, ни жребия, ни прямого, равного и тайного голосования. Тогда как в политике, которая, казалось бы, более основательно затрагивает судьбы каждого, несравнима с футболом ни по ответственности, ни по сложности, никому и в голову не приходит требовать каких-то особых политических талантов или владения политическим искусством в том смысле, в каком футболист обязан владеть мячом. Мы просто признаем нормой, хотя и редко формулируем эту посылку, что все виды деятельности, кроме политики, требуют признания и таланта, политика же — дело всех и всякого. Вот почему, чтобы стать футболистом, нужно уметь играть, а чтобы стать политиком, ничего, кроме возраста, не требуется»²⁵, - отмечает по этому поводу Петров.

---

²⁵ Петров М. К. Историко-философские исследования. М.: РОС-СПЭН, 1996. 188 с.

Довольно очевидно, что принцип политической равнооударённости указывает на то, что «общий ход процесса можно представить, как согласование-упрощение государственности до микромонархии, до «человека-государства», где глава такой структуры сам себе законодатель и исполнитель». Причём, без постановки общих, организующих пространство вопросов и совместного поиска ответов на них практически невозможен второй обязательный процесс – объединения этих «микромонархов» в «народ».

То есть сама по себе «атомизация», в современном коммуникативном пространстве проклинаясь ныне чуть ли не на каждом углу, отнюдь не является тем самым непрерывно негативным процессом, который приводит к отмене «народа», к созданию на его месте «толпы». Собственно, данная здесь подробная характеристика основных черт «народа», вырастающего из свободных индивидов-«атомов», не только доказывает это, но и демонстрирует, что ничего другого при распаде традиционного общества ожидать не стоит: процесс «атомизации», высвобождения энергии личности при трансформации общества из традиционного, устоявшегося, привычного в новое, каждый раз – современное, закономерен и объективен, происходит ли он в Древней Греции или в ещё не имперской Британии. Причиной же толпообразования, возникновения массы становится отчуждение.

Разнообразны формы и виды отчуждения индивидов-«атомов» – например, от собственности, от народа и государства, от естественных прав личности, в первую очередь, права на её индивидуальную цельность. Исторический опыт показывает, что там, где отчуждение становится нормой, вместо созидającego народа возникает крушащая всё на своём пути толпа.

Основа современного феномена отчуждения на примере взаимоотношений капиталиста и наёмного промышленного рабочего подробно описана Карлом Марксом. По его мнению, фактически отчуждение представляет собой отделение индивида от создаваемого им и принадлежащего ему. Во-первых, пролетарий, вроде бы составная часть

созидающего народа, начисто отделен от собственности: ему «нечего терять, кроме своих цепей»²⁶. Во-вторых, пролетарий отделён от продукта своего труда – тот полностью принадлежит капиталисту. В-третьих, капиталист отчуждает у пролетария в свою пользу часть его пролетарской жизни: пролетарий тратит её, эту часть своей жизни, на производство прибавочного продукта в пользу капиталиста.

Индивид-«атом» перестаёт быть целым. Перестаёт быть, в силу различных личных причин, цельной, нераздельной личностью, расставаясь даже с самым правом на распоряжение собственной уникальной жизнью. Вновь, как когда-то в обществе традиционном, человек не является целостным, самодостаточным индивидом, «вещью в себе», а винтиком чего-то, функцией, частью чего-то большего. Но, в отличие от традиционного общества, такого традиционного «большого» больше нет. И такое состояние – разделённого, ущербного и потерявшегося во времени и пространстве «атома», полностью противоречит базовым принципам формирования народа. А, значит, в означенной дихотомии, максимально соответствует базовым принципам возникновения «толпы», а точнее, исследуемой здесь массы.

Всякая нация эпохи модерна обязана была превратить массу индивидов-«атомов» в народ. В новую антропологическую сущность, главным признаком характера которой становилась полновластная, диктуемая всем его внутренним содержанием и сложившимися в ходе формирования и развития особенностями характера исторически-логичная и природно-закономерная суверенность. Суверенность в каждом поступке, в каждой идее, в каждом культурном и даже бытовом явлении. Суверенность, которая является прямым следствием цельности личности.

---

²⁶ Энгельс Ф., Маркс К. Принципы коммунизма. Манифест коммунистической партии. М.: ИТРК, 2016. 68 с.

При этом обязательным признаком суверенного и аутентичного характера того самого гоббсовского «народа», становится его обособленность, инаковость с чувством превосходства, своеобразный «расизм» по отношению к окружающему миру. Причём, такими «расистами» внутри народа становится подавляющее большинство составляющих его личностей – и именно он, этот «расизм», фундаментально, на уровне базового функционирования всей сущности народа, неизбежно стирает социальные перегородки внутри него, делает обязательным – хотя бы и для простого выживания этой новой антропологической сущности – постоянно происходящее открытие внутренних «социальных лифтов», обязательность непрерывного обновления социальной структуры и культурной иерархии.

Довольно очевидно, что структурная аморфность и краткосрочность существования «толпы», противопоставляемой действенному «народу», даже не предполагает её действий хоть в какой-либо системе координат. Потому что в её структуре, а точнее – бесструктурности, даже само понятие «верха» и «низа», а, значит, и направлений социального движения, системно отсутствует. «Тот, кто не умеет владеть собой, осуждён скоро попасть под власть других»²⁷, - так описывает самые очевидные последствия отчуждения Гюстав Лебон в «Психологии масс».

Таким образом, выделению массы в отдельную сущность, появлению её на исторической сцене обязательно предшествует несколько условий. Во-первых, в традиционном, привычном и устоявшемся обществе отдельно существующей массы нет – каждый член общества является не свободно движущимся по личным траекториям «атомом»-индивидом, а, скорее, общественно-полезной функцией. И, значит, не может существовать вне этого статуса. Масса как явление возникает только при распаде такого – основанного на «длинных» традициях общества.

---

²⁷ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 127 с.

Во-вторых, обязательным условием для появления массы – как в форме «народа», так и в форме «толпы», её, так сказать, предшественником является появление нового для традиционного общества человека – свободного индивида-«атома». Свободного от культурно-бытовых традиций, свободного от традиционного статуса, не встроенного в существовавшую прежде, в традиционном обществе, социальную иерархию. Масса может сложиться только из таких, «отдельных» людей.

В-третьих, отчуждение части «массы» от прямого участия в экономической, духовной, политической жизни «народа» приводит к исключению этой части из состава «народа». Нормативным способом совместного существования для такой отчуждённой части становится объединение её в «толпу». Именно отчуждение, исключение части «народа» из нормального – то есть солидарного и равноправного режима совместных действий – и становится главным источником формирования «толпы», массы. Лишённые возможности на что-то реально повлиять в жизни «народа» (и часто в своей собственной жизни), отчуждённые от здорового социального солидарного действия, собственности, продуктов своего труда, многих совершенно естественных прав свободной личности, такие индивиды-«атомы» в создании безответственной «толпы» созидают такую – единственную из возможных для них – форму своих солидарных действий. Которая, что особенно показательно для изучения генезиса массы, всегда утрированно имитирует «народ». То есть то, чего они, люди «толпы», масса, в новой структуре нового общества лишены.

Показательно то, что для исследователей массового сознания и массовой культуры (как правило, смотрящих на массу со стороны) эти понятия становятся, в целом, тождественными – «толпа» и «масса», и противопоставляются самоидентифицированному, самоопределившемуся и самоуправляющемуся «народу».

1.2 Масса как индикатор кризиса традиционной модели общества

Резкий рост роли массы в жизни общества является однозначным атрибутивом кризиса такого общества. И при образовании, трансформации рассеянной массы в концентрированную в пространстве и времени «crowd»-толпу, способную на решительные до безумия действия, явно выходящие за пределы господствующей на тот момент этики и морали. И, что может быть особенно интересно, в том смысле, что чем больше становится в пространстве общества «толпы», тем меньше там остаётся созидающего «народа». «Толпа заканчивает процесс распада устаревших цивилизаций»²⁸, – так описывает подобную логичную тенденцию один из первых исследователей массы француз Гюстав Лебон в своём труде под показательным названием «Психология масс».

Это, в целом, доказывает и проведенная выше историческая ретроспектива. Когда «на переломе эпох» возникновение толпы, резкий рост влияния массы на все стороны жизни становится одним из самых ярких признаков «конца времён». «Конца времён», естественно, в категориях жизни уходящего общества, уходящей, трансформирующейся цивилизации.

Так было и во времена начала мира нынешнего, когда-то «свободно-капиталистического». Предшествовавший череде революций, бунтов, ужасов Тридцатилетней войны, уполовинившей население Европы, распад иерархий запустил процесс «отмены старого мира». Разрушая всю держащую его пирамиду, на земле и на Небе, протестанты, другие силы наступающего Нового времени, фактически начали «секуляризацию Бога»: Бог перестал быть Вседержителем, а стал лишь моральным правилом. И именно масса, с её кровавыми метаниями и духовными нелепицами, была на тот момент не то, что основным, а решающим антропологическим движителем, наполнителем и содержанием эпохи крушения того «старого» мира. Дикая

---

²⁸ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 190 с.

Варфоломеевская ночь, невозможная ни до того, ни после, стала наиболее наглядным, пиковым событием «власти масс» того времени.

Показательно, что, характеризуя современное ему время, начало XX века, такой точный в формулировках исследователь, как Г. Лебон совершенно однозначно указывает на абсолютно аналогичные современные условия, в которых растёт влияние уже современной массы. «Современная эпоха представляет собой один из таких критических моментов, когда человеческая мысль готовится к изменению. В основе этого изменения лежат два главных фактора. Первый – это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам нашей цивилизации; второй – это возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области наук и промышленности. Идеи прошлого, хотя и на половину разрушенные, все еще достаточно сильны; идеи же, которые должны их заменять, находятся пока еще в периоде своего образования – вот почему современная эпоха есть время переходное и анархическое»²⁹ – утверждает Лебон.

Говоря о внезапном и неожиданном для многих подлинном могуществе массы, Г. Лебон пишет: «Эта сила возникла на развалинах многих идей, считавшихся некогда истинными и теперь исчезнувших, многих сил, разрушенных последовательно революциями, и, по-видимому, готова поглотить и остальные. И в то время, как все наши древние верования колеблются и исчезают, старинные столпы общества рушатся друг за другом, могущество масс представляет собой единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой все увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс» [53, 32].

С мысли о том, что выход массы (или в терминологии Г. Лебона «толпы») на арену политической истории есть важнейший признак кризиса

---

²⁹ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 31 с.

современного общества в буквальном смысле начинает свою книгу «Восстание масс»³⁰ другой исследователь массовой культуры и массового сознания Хосе Ортега-и-Гассет: «В современной общественной жизни Европы есть – к добру ли, к худу ли – один исключительно важный факт: вся власть в обществе перешла к массам. Так как массы, по определению, не должны и не могут управлять даже собственной судьбой, не говоря уж о целом обществе, из этого следует, что Европа переживает сейчас самый тяжелый кризис, какой только может постигнуть народ, нацию и культуру»³¹.

По словам испанского философа, определяющего основное содержание своей эпохи как «восстание масс», «такие кризисы уже не раз бывали в истории; их признаки и последствия известны»³². А основное содержание и главную опасность такого кризиса точно выражает Г. Лебон, утверждающий, что «Главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы»³³.

Как будто бы ставя окончательную и бесповоротную точку в определении массы, «толпы», как индикатора, уникального показателя реального положения в том или ином обществе, французский исследователь Г. Лебон заявляет: «Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства. Цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидений будущего, более высокую степень культуры, а это все условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда не могла осуществить. Благодаря своей исключительно разрушающей силе, толпа действует, как микробы, ускоряющие разложение ослабленного организма или трупа. Если здание какой-нибудь цивилизации

---

³⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. –М.: АСТ, 2003.

³¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 7 с.

³² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 10 с.

³³ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 12 с.

подточено, то всегда толпа вызывает его падение. Тогда-то обнаруживается ее главная роль»³⁴.

Массы конца XIX и начала XX века самим фактом своего всё более влиятельного существования подчёркивали кризис современного им общества. Которое по всей своей внутренней структуре, по всем своим первичным и вторичным смыслам совершенно не подразумевало возможность даже минимального влияния массы – по факту состоящей из отчужденных чуть ли не от всего в этом обществе – на хотя бы какие-то хоть сколько-нибудь значащие процессы.

Не менее показательным в этом смысле и сущностное отрицание, вольное или невольное, массой базовых принципов современного ей общества, и фундаментальное несогласие со своим статусом в нём. Показательно, что в подавляющем своём большинстве главные характерные черты массы, выделенные уже самими первыми её исследователями, являются антиподами положительных позитивных черт «народа», создавшего и созидającego современное им «свободно-капиталистическое» общество. Понятийными антиподами, которыми – во всей практике своих действий, по всей своей внутренней сути – масса, «толпа», выражает отторжение установленных, общепринятых норм: например, свободы личности, существующей вне «толпы», вне массы, рациональности не только как способа познания, но и как способа жизни, творчества, как фундаментального принципа взаимодействия,

Ведь основным признаком человека массы, «толпы» становится его безликость. «Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, принимают одно и то же направление»³⁵, – уверяет Лебон. А «индивид, пробыв несколько времени среди действующей толпы, ... приходит скоро в такое состояние, которое

---

³⁴ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 187 с.

³⁵ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 114 с.

очень напоминает состояние загипнотизированного субъекта»³⁶. Об этом же прямо говорит и Х. Ортега-и-Гассет: «Толпа – понятие количественное и визуальное: множество. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим «массу». Общество всегда было подвижным единством меньшинства и массы. Меньшинство – совокупность лиц, выделенных особо; масса – не выделенных ничем... Масса – это средний человек. Герои исчезли – остался хор»³⁷.

Такие перемены у исследователей, принадлежащих к «старому» миру – потому что только так они могут быть наблюдателями и исследователями массы, находясь вне её – часто вызывают настоящую оторопь. Вот что происходит, скажем, с базовым принципом свободного индивида-«атома» в современной массе, согласно наблюдениям, Г. Лебона: «В коллективной душе интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают; разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества. Такое именно соединение заурядных качеств в толпе и объясняет нам, почему толпа никогда не может выполнить действия, требующие возвышенного ума»³⁸. А вот что происходит в массе с базовой установкой на рационализм: «Изучая основные свойства толпы, мы указали, что она почти исключительно управляется бессознательным. Ее действия гораздо более подчиняются влиянию спинного, нежели головного мозга, и в этом отношении они приближается к совершенно первобытным существам... Факторы, умеющие производить впечатление на толпу, всегда обращаются к ее чувствам, а не к ее рассудку. Законы логики не оказывают на нее никакого действия»³⁹.

Инаковость, доходящая до крайних проявлений крайнего расизма, отдельность, перманентное самоопределение и непрерывная

---

³⁶ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 115 с.

³⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 17 с.

³⁸ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 115 с.

³⁹ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 115 с.

самоидентификация, жёстко отстаиваемый суверенитет – таковы фундаментальные признаки и «гоббсовского» «народа», и «гоббсовского» индивида-«атома». В прекрасном же новом мире «восстания масс», «человек массы – это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного, кто чувствует, что он – «точь-в-точь, как все остальные», и притом нисколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все»⁴⁰. Более того, «кто выглядит не так, «как все», кто думает не так, «как все», тот подвергается риску стать изгоем»⁴¹.

Именно потому что все эти установки являются принципиально новыми для «старого», «свободно-капиталистического» общества, именно потому что они фундаментально отвергают принципы, на которых базируется традиционный «гоббсовский» «народ» и традиционная «гоббсовская» личность – индивид-«атом», массы получают совершенно конкретную характеристику «бессознательной и грубой толпы, справедливо называемой варварами»⁴². Следует признать, что постоянно преследующее массу со стороны её исследователей определение «варвары» окончательно расставляет все точки в понимании значения влияния массы на современное общество. Ведь в истории – и западной, и восточной, именно «варвары» всегда разрушают прежний порядок. Именно с «варварами» связаны все негативные коннотации, указывающие на неизбежную гибель предыдущего общественного строя, цивилизации – ну кто, кроме «варваров» способен его разрушить! Именно «варвары» – во всех без исключений традициях всех без исключения школ исторической науки, на руинах «старой» цивилизации начинают созидать какую-то новую.

Поэтому такое определение – «варвары», в смысле поиска доказательств гипотезы о том, что рост влияния масс в современном обществе является чётким индикатором его кризиса и, возможно,

---

⁴⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 31 с.

⁴¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 32 с.

⁴² Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 117 с.

предвестником его кардинальной трансформации, служит пусть косвенным, но предельно ярким, эмоционально исчерпывающим доказательством верности предположения об идущей на наших глазах смене общественного устройства. Как говорится, определение «вылезло из подсознания».

Причём из всех качественных характеристик массы постоянно следует совершенно однозначный вывод: «все характерные изменчивые черты, свойственные толпе, не имеющие ни стойкости, ни будущего. Цивилизация теряет свою прочность и оказывается во власти всех случайностей. Властвует чернь и выступают варвары. Цивилизация еще может казаться блестящей, потому что сохранился еще внешний фасад ее здания, созданный долгим прошлым, но в действительности здание уже подточено, его ничто не поддерживает, и оно рухнет с первой же грозой»⁴³. И другой исследователь, обращая внимание на то, что нынешние «избалованные массы настолько наивны, что считают всю нашу материальную и социальную организацию, предоставленную в их пользование, такой же естественной, как воздух, ведь она всегда на месте и почти так же совершенна, как природа»⁴⁴, также замечает: «восставшие массы угрожают тем самым принципам, которым они обязаны жизнью. Если эта порода людей будет хозяйничать в Европе, через каких-нибудь 30 лет Европа вернется к варварству. Наш правовой строй и вся наша техника исчезнут с лица земли так же легко, как и многие достижения былых веков и культур. Вся жизнь оскудеет и увянет. Сегодняшнее изобилие возможностей сменится всеобщим недостатком; это будет подлинный упадок и закат»⁴⁵.

---

⁴³ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 190 с.

⁴⁴ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 190 с.

⁴⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 168 с.

1.3 Масса как целенаправленно формируемая антропологическая сущность

Базовым признаком массы является заурядность, усреднённость людей, её составляющих, доходящая до полной обезличенности. То есть такая подчеркнутая несамостоятельность личности закономерно и логично приводит в массе к окончательному исчезновению личности сознательной, индивида-«атома»: «одинаковое направление чувств и идей, определяемое внушением, и стремление превратить немедленно в действия внушенные идеи – вот главные черты, характеризующие индивида в толпе. Он уже перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует»⁴⁶. Более того, в силу какого-то загадочного феномена, как показывают наблюдения, масса, толпа в интеллектуальном отношении всегда тупее, ниже по-своему, так сказать, суммарному интеллектуальному самого тупого из её составляющих.

Важной характеристикой массы является то, что она, по своей сути, лишена культурных корней, сама себя исключает из реальной исторической памяти и живёт только сегодняшним днём, находится в некоей постоянной современности. «Странная уверенность в том, что она выше всех предыдущих эпох»⁴⁷ – таково отношение к современности у массы. Не служат массе примером прежние образцы, стандарты, нормы. Потому что в условиях научно-технической революции всё происходит заново – и для порождённого внезапно наступившего эпохой изобилия нового человека массы вопросы выживания, тысячами бывшие для него наиважнейшими, самыми главными, поистине жизнеопределяющими, внезапно стали «вопросами второго плана». Научно-техническая революция резко повысила качество жизни массы и наступающее новое, невиданное

---

⁴⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 169 с

⁴⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 19 с

ранее время «именно благодаря своему размаху опрокинуло все заставы – принципы, нормы и идеалы, установленные традицией»⁴⁸.

Люди, внезапно оказавшиеся совсем не там, куда собирались. Люди, лишённые всех известных им из детства статусов. И при этом люди, считающие себя, прежде всего, в силу порождённой заурядностью самовлётности, образцом. Примером для подражания. «Если вы хотите, чтобы средний, заурядный человек превратился в господина, нечего удивляться, что он распоясался...Мы видим, что жизнь заурядного человека построена по этой самой программе, которая раньше была характерна лишь для господствующих меньшинств»⁴⁹.

Именно возникновение такого человека – оторванного от сложившихся за века культурных корней и социальных статусов, то есть вырванного из привычных сфер бытия – становится предвестником возникновения массы. И именно это его базовое состояние – «без руля и ветрил» – делает и его, и всю массу таких людей прекрасным объектом для высокоэффективного внешнего воздействия, внешнего управления, масштабных манипуляций: «Человек массы не хочет оставаться на твердой, недвижимой почве судьбы, он предпочитает существовать фиктивно, висеть в воздухе. Потому-то никогда еще столько жизней не было вырвано с корнем из почвы, из своей судьбы, и не несло неведомо куда, словно перекасти-поле»⁵⁰.

То есть масса, которая, с одной стороны, как антропологическая сущность возникает объективно – «на переломе эпох», в ходе широкого общественно-формационного кризиса и следующей за ним трансформации общества, с другой стороны, практически неизбежно является и целенаправленно формируемой сущностью. Сущностью, форму и содержание которой определяют не только объективно сложившиеся условия её возникновения, но и различные виды, способы, формы внешнего

---

⁴⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 170 с

⁴⁹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 174 с

⁵⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 181 с

воздействия. Возникающие, в первую очередь, в силу самой природы массы: «Масса появилась на свет, чтобы быть пассивной, чтобы кто-то влиял на нее, – направлял, представлял, организовывал – вплоть до того момента, когда она перестанет быть массой или, по крайней мере, захочет этого»⁵¹. Если прибегнуть к аналогии с наукой, то влияние на массу подобно влиянию катализатора на химическое вещество. Так получается, что современный человек массы, как и вся масса, «хозяин всего мира и не хозяин своей судьбе»⁵².

Одна из главных его уязвимостей кроется в его странной уверенности в том, что он – пример для подражания. Венец, закономерный итог многовекового развития человечества. Открытый, по воле истории, всему богатству невиданно богатого мира НТР он замыкается в самолюбовании: «чувствуя себя заурядным, он провозглашает права заурядности и отказывается признавать все высшее»⁵³. «Эпоха самодовольства» – так определяется это доминантное состояние масс, парализующее развитие творческой цивилизации. Человек масс, этот новый «творец истории» (при том, что по своей сути он как раз наоборот – принципиальный «не творец») на всём протяжении существования этого общества бывший руководимым, направляемым, в лучшем случае пассивным исполнителем чужой воли, всегда подчинявшийся другим, внезапно решил сам управлять миром. При том, что он не способен управлять даже самим собой.

Его бесконечная, слепая и настолько же глубокая, насколько неоправданная уверенность в «лёгкости бытия», в том, что жизнь навсегда избыточна, что в ней нет и не может быть для него никаких ограничений – ни моральных, ни материальных, пронзает его ощущением личного всевластия. Причём, в любой сфере. И создаёт, безо всяких на то реальных оснований, в

---

⁵¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 182 с

⁵² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 182 с

⁵³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 183 с

нѐм ощущение власти, ощущение никогда не кончающейся победы, которые, однако, не требуют от него каких-то реальных подтверждений.

Напротив, он полностью удовлетворѐн своим интеллектуальным и нравственным уровнем. Ему не нужны никакие авторитеты, никакая внешняя оценка – потому что априори выше всех авторитетов и всех этих оценок. Всегда и везде он требовательно высказывает, демонстрирует своё – совершенно мнимое – превосходство. Повсюду ведѐт себя так, как будто бы на всѐм белом свете существует только он один. «Не чувствуя под собою страны», других, мира, он влезает в каждой вопрос бытия, старательно навязывая окружающим свои банальности и пошлости как знак «высшей мудрости». И не задумываясь, для утверждения своего мнимого превосходства, прибегает к силе, к тому, что принято называть «прямым действием».

Подобное состояние довольно легко понять, если учесть, что в массе, в толпе благодаря её одномерной численности, человек вдруг начинает чувствовать свою непреодолимую силу. Такую силу, которой человек массы был лишѐн долгие-долгие века подчинения – подчинения меньшинству, подчинения морали, подчинения общественным нормам, подчинения жестоким ежедневным алгоритмам выживания. Осознание этой новой своей силы и позволяет ему действовать в толпе так резко, так аморально, как он никогда бы не позволил бы себе, оставшись в своём прежнем качестве – человека, знающего свой социальный «шесток». Человека, связанного долгом, человека, смысл жизни которого определяется понятием «ответственность».

Собственно, именно безответственность, ставшая родовым признаком человека массы, и открывает двери для прямого и манипулятивно-косвенного внешнего управления и им, и всей однородной ему антропологической сущностью – массой. Такого внешнего воздействия, которое не просто побуждает массу к тем или иным действиям, но и, с помощью непрерывной провокации таких действий, создаѐт в массе новый опыт, подвергает

изменению сознание массы, влияет на её характер и привычки, формирует у массы новую память, новые мотивационные образы. Которые затем, в свою очередь, задают логику дальнейшей трансформации массы в нужном для организаторов внешнего воздействия направлении.

Так происходит потому что «одним из общих свойств толпы является необыкновенная податливость внушению»⁵⁴. Ведь в современной массе «нет предумышленности; она может последовательно пройти всю школу противоречивых чувствований, но всегда будет находиться под влиянием возбуждений минуты. Толпа похожа на листья, поднимаемые ураганом и разносимые в разные стороны, а затем падающие на землю»⁵⁵.

Почву для целенаправленного внешнего воздействия особенно удобряет нечеловечески острая чувствительность массы. Обратной стороной краткосрочности чувств массы, в том числе и спровоцированных извне, становится их высокая страстность, резкая импульсивность и невероятная переменчивость настроений массы: «она не допускает, чтобы что-нибудь становилось между ее желанием и реализацией этого желания, нормальное состояние толпы, наткнувшейся на препятствие, – это ярость»⁵⁶.

Для целенаправленного воздействия на массу особенное удобство представляет свойство массы мыслить образами. Причём, такое мышление образами, которые вызывают другие образы и ассоциации, часто не имеющие рациональной и логичной связи с первыми, начальными в цепи, позволяет управлять ею, встраивая, с помощью нехитрых коммуникационных технологий в этот ряд нужные символы и образы и формируя нужные ассоциации. Тем более, что характерными чертами восприятия массой образов реальности являются – в обязательном и бесспорном порядке – односторонность в их восприятии и трансляции и всегда чрезмерное преувеличение, гипер-стазирование.

---

⁵⁴ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 74 с.

⁵⁵ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 75 с.

⁵⁶ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 77 с.

Подобные особенности системы сознания массы, мышления массы приводят к тому, что масса всегда не критична, не способна на рациональность, анализ, логику. Она напротив – не знает никаких сомнений и не ведаёт никаких колебаний. «Как женщина, толпа всегда впадает в крайности»⁵⁷, – резюмирует Г. Лебон, поясняя, что «толпе знакомы только простые и крайние чувства; всякое мнение, идею или верование, внушенные ей, толпа принимает или отвергает целиком и относится к ним или как к абсолютным истинам, или же как к столь же абсолютным заблуждениям».

Примитивность инстинктов массы, её «варварство» и, что особенно важно, «бессознательность» действий, наглядно доказывается её крайним консерватизмом: «в сущности же в толпе действуют консервативные инстинкты, столь же несокрушимые, как и у всех первобытных людей». Любая идея может быть принята толпой только в одном виде – в предельно однозначной, максимально категоричной и крайне упрощённой форме. Причём, содержание идеи часто становится вторичным по отношению к форме.

И герой массы не может другим. У его образа не бывает нюансов и оттенков – просто потому, что любые «убеждения толпы имеют такие черты слепого подчинения, свирепой нетерпимости, потребности в самой неистовой пропаганде, которые присущи религиозному чувству...Герой, которому поклоняется толпа, поистине для нее Бог».

«Вожаки толпы не принадлежат к числу мыслителей – это люди действия»⁵⁸, подчёркивает Лебон. Показательно, что «они не обладают проницательностью» – просто потому, что «проницательность ведёт... к сомнениям»⁵⁹. Лебон утверждает, что «чаще всего вожаками бывают психически неуравновешенные люди, полупомешанные, находящиеся на границе безумия. Как бы ни была нелепа идея, которую они защищают, и

---

⁵⁷ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 77 с.

⁵⁸ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 79 с.

⁵⁹ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 79 с.

цель, к которой они стремятся, их убеждения нельзя поколебать никакими доводами рассудка... личный интерес, семья – все ими приносится в жертву. Инстинкт самосохранения у них исчезает до такой степени, что единственная награда, к которой они стремятся, – это мученичество»⁶⁰.

Именно тот характерный признак массы, гласящий, что составляющие массу люди теряют и свою волю, и свою веру, требует от них «занимать», «одалживать» их у кого-то – вождя, кумира. Поэтому масса «всегда готова слушать человека, одаренного сильной волей и умеющего действовать на нее внушительным образом». В силу такого базового состояния массы «оспаривать её верования» – это почти то же самое «что спорить с ураганом»⁶¹.

Герметичная замкнутость массы в своей слепой вере – «массы от природы лишены способности постигать то, что находится вне их узкого круга – и людей, и события», самодовольство и самонадеянность, возникающая вследствие выпадения массы из всех привычных иерархий непокорность, и создают невиданную ранее стихийную мощь движения массы. При этом её базовое внутреннее состояние, которое определяется отсутствием идентичности и самостоятельности, логично вытекающей из идентичности, не позволяет ей выбирать даже «маршруты» своего движения: «Они захотят иметь вождя – и не смогут идти за ним; они захотят слушать, и убедятся, что глухи»⁶².

«Политическая тупость сама по себе не была бы опасна, если бы она не проистекала из тупости интеллектуальной и моральной, более глубокой и решающей»⁶³, – так поясняет общую тенденции эры массы исследователь. Обращая внимание на то, что современная ему, высокоразвитая и технически, и технологически цивилизация сложна настолько, что даже не

---

⁶⁰ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 80 с.

⁶¹ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 81 с.

⁶² Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 84 с.

⁶³ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 87 с.

развитие её, а всего лишь поддержание такой цивилизации в рабочем состоянии требует гигантских усилий, основанных на знаниях, опыте, профессиональной квалификации. То есть цивилизация основывается именно на том, что категорически не присуще массе, человеку массу, на том, что вопреки всему устройству массы, требует изначальной самоидентификации, жёсткого следования культурным, в самом широком смысле этого понятия, нормам цивилизации, долгосрочных целенаправленных усилий, на которые способна человеческая личность. Человек же массы в силу уникальных антропологических особенностей – своих и всей массы, способен в лучшем случае всего лишь научиться владеть механизмом цивилизации, но никогда не сможет стать адекватен её основным принципам.

Таким образом, «мы приходим к заключению, что произошло нечто крайне парадоксальное, хотя, в сущности, вполне естественное: как только мир и жизнь широко открылись заурядному человеку, душа его для них закрылась. И я утверждаю, что именно в этой замкнутости души – сущность того восстания масс, в котором, в свою очередь – сущность грандиозной проблемы, стоящей сейчас перед человечеством»⁶⁴.

---

⁶⁴ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 103 с

§ 2. Антропология массы в постмарксистских классовых концепциях А. Грамши и Х. Арент

2.1 Тенденции ревизии марксистской концепции массы постмарксистами

Принципиальной установкой марксизма является взгляд на массу, как с одной стороны, на массу трудящихся, включающую «наинизшие низы», которые «следует поднять к историческому творчеству»⁶⁵. А, с другой стороны, как совокупность угнетаемых классов, которую развитие материального производства выдвигает в первый ряд истории человечества: «Вместе с основательностью исторического действия будет, следовательно, расти и объем массы, делом которой оно является»⁶⁶.

Именно поэтому наиболее адекватные теории марксизма словосочетания со словом «масса», поясняющие её природу – это масса рабочих, масса трудящихся. То есть тому явлению, той антропологической сущности, влияние которой на судьбу всего современного человеческого общества Х.Ортега-Гассет выражает в определении «власть массы», в классическом марксизме места нет. Довольно очевидно (поскольку базовое положение этой философской теории «критерий истины – это практика»), что реальность нового времени потребовала ревизии в отношении понимания роли массы в современном обществе от последователей К. Маркса, постмарксистов XX века – века завершения классического, «марксова», капитализма, в том числе и его высшей формы – «империализма». В первую очередь, от участников немецкой Франкфуртской школы и европейских «ревизионистов», среди которых А. Грамши, Д. Лукач и Л. Альтюссер.

---

⁶⁵ Суходеев В.В., Бушин В.С., Кожемяко В.С. Ленин и революция. М.: Алгоритм, 2018. 240 с.

⁶⁶ Энгельс Ф., Маркс К. Принципы коммунизма. Манифест коммунистической партии. М.: ИТРК, 2016. 68 с.

Первая мировая война и последовавшая за ней в Европе целая череда социальных революций кардинально изменили политическое лицо и Европы, и, с учётом тогдашних роли и значения Европы на планете, и всего мира. Поиск причин побед и, тем более, поражений социалистических революций и движений объективно требовал от продолжателей дела К. Маркса в новых условиях, постмарксистов – в самом широком значении этого термина как продолжателей, людей, развивающих идеи философской школы марксизма в новых общественно-экономических и социально-политических условиях – требовал нового, свежего взгляда на социальную реальность. Которая, за почти уже век, прошедший с момента первой публикации «Капитала», явно изменилась.

Масса как ключевое понятие мироустройства явно присутствует и в работах представителей Франкфуртской школы, и работах таких ревизионистов постмарксистов, как Лукач и Альтюссер. Так, представители Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно утверждают в работе «Диалектика Просвещения», что в реалиях современного массового общества даже «мысль неизбежно становится товаром, а язык — средством его рекламирования»⁶⁷. При этом принципы индустриализма, распространённые на все сферы жизни общества, неизбежно порождают и «индустрию культуры», которая становится массовой. Образы, понятия, символы, идеи такой культуры обязаны быть предельно упрощены – чтобы быть понятными как можно большему числу людей. То есть массе. Причём, массу начинают составлять потерявшие индивидуальность «авторитарные личности», характерными признаками которых становятся цинизм, деструктивность, конвенционализм и свойственная консервативной по своей сути массе покорность власти.

---

⁶⁷ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.-Спб., 1997. 7 с.

А власти, согласно М. Хоркхаймеру, в современном обществе много не бывает – и она постоянно стремится к максимизации, безграничному господству. При этом в современном обществе в силу его упрощённой массовостью структуры, остаётся востребованным только то мышление, которое обсуживает власть, которое рассчитано исключительно на власть как единственного потребителя его продуктов. Массе же остаются только «промытые» семьёй и школой, а также средствами массовой коммуникации мозги.

В такой ситуации вне социального заказа – как со стороны власти, так и со стороны оказавшейся вне классов и вне индивидуальных статусов массы, остаётся только недоступная массам и ненужная власти философия.

Ревизия марксизма, предпринятая постмарксистами Франкфуртской школы, предполагает и иную, отличную от марксовой, теорию происхождения социальности, в том числе социальности масс. По мнению франкфуртцев, технологический проект, родившийся одновременно с «гоббсовским» народом три с половиной века назад, своей конечной целью имеет победу над природой. В том числе и над таким природным явлением как человек. Г. Маркузе, продолжая эту мысль, утверждал, что человек – всегда противник культуры. Потому что культура накладывает ограничения на главный принцип существования человека – поиск удовольствия. Чем выше уровень культуры, чем развитее цивилизация, тем большие ограничения должен накладывать на себя человек. Тем самым Г. Маркузе предлагает свою версию «власти массы» в современном обществе – приобретения власти путём сбрасывания с себя массами с себя и культуры, и цивилизация. Ведь, согласно его работе «Эрос и Цивилизация», «Труд, необходимый для цивилизации, нелибидозен; он связан с «неудовольствием» и поэтому предполагает принуждение»⁶⁸. Масса выталкивает себя из

---

⁶⁸ Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. - М: ООО "Издательство АСТ", 2002. 119 с.

цивилизации (и из «гоббсовского «народа») формированием «общества потребления», в котором соблазн потребления абсолютно первичен, а классовые различия уходят на второй, а то и на третий план. Соблазн непрерывного, перманентного потребления порождает индустрию удовольствий, индустрию развлечений для массы, которая окончательно перестаёт чувствовать себя «узлом рациональности» в цивилизации, которая ей мешает получать удовольствия. Масса рождает и начинает постоянно воспроизводить одномерного человека.

В работах «ревизиониста» постмарксиста Дьердя Лукача ключевым понятием становится отчуждение. Именно преодоление отчуждения, приобретшего в современном обществе, по определению Д. Лукача «космический размах»⁶⁹. Отчуждение достигается исключением сознания индивидов из реальных и практических больших жизненных процессов, сводимых к потребностям трудовой специализации. Следствием этого становится раздробленность сознания индивида, не способного к целостному восприятию социально-исторических процессов и социально-исторических явлений. В таком состоянии человек остаётся только объектом воздействия, так и не становясь субъектом действия – просто в силу ограничений, наложенных на него, его сознание низким горизонтом исключительно эмпирического, получаемого личным опытным (и, как правило, обыденно-бытовым) путём понимания. Поскольку именно отчуждение и создаёт общество, в котором достигнута высшая точка бесчеловечности.

Крах автономии личности, индивида-«атома», происшедший в массовом обществе, является определяющим для формирования новых форм отчуждения в современном, уже пост-капиталистическом и даже пост-империалистическом мире. Изменение сознания индивида, обусловленное этим крахом, наносит удар не только по тонкой духовно-интеллектуально сфере бытия индивида, но и по сознательной самообъективации,

---

⁶⁹ Георг Лукач История и классовое сознание. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.

объективации человека в социальном бытии, преодолении его «социальной немоты»⁷⁰. А поскольку, по Д. Лукачу, «человек есть существо, дающее ответы на поставленные перед ним вопросы, выбирая какую-то альтернативу»⁷¹, то получается, что реальное лишения выбора, как следствие краха автономии личности и её социальной «немоты, и является источником производства отчуждения». То есть источником производства массового общества.

Таким образом, одним из важных пунктов ревизии марксизма в постмарксистскую эпоху становится признание философами-постмарксистами существования неких внеклассовых антропологических сущностей, определяющих как основные вопросы бытия и главные тенденции развития – и капиталистического, и посткапиталистического общества, так и сил, противостоящих капитализму и посткапитализму. Масса, в природном поиске удовольствий, сбрасывающая с себя цивилизацию, прежде всего, цивилизацию капиталистическую, и её своеобразное «отражение» и прямое следствие – власть, неутолимо стремящаяся к безграничному господству, отныне становятся одними из важнейших объектов исследования и постижения в постмарксистской философии.

2.2 Теория культурной гегемонии А. Грамши как способ характеристики массы

В концепциях постмарксистских философов одной из важных, наиболее показательных характеристик массы, раскрывающих особенности её внутреннего содержания, её сознания и особенностей её характера, стал

---

⁷⁰ Лукач Дьёрдь К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. 412 с.

⁷¹ Георг Лукач История и классовое сознание. М.: Логос-Альтера, 2003. 214 с.

описанный в «Тюремных тетрадах»⁷² А. Грамши комплекс современных взаимоотношений между массой и государством.

Именно отмеченный философами-постмарксистами природный крайний консерватизм массы, её чуть ли не первобытная замкнутость, и предопределяет характер таких взаимоотношений. Современное государство, государство времён «власти массы», во-первых, мало напоминает государства XVIII и даже XIX веков – в отличие от них оно становится, что называется, «всепроникающим». И это логично – с ростом массы, ростом её многомерного влияния на обществе и поле взаимодействия массы и государства постоянно расширяется, растёт. И там, где прежним, «старым», государствам хватало даже не силового принуждения, а всего угрозы его применения, теперь для эффективного осуществления власти и требуется выстраивать целые комплексы взаимодействия с такой переменчивой и непостоянной сущностью как масса. Причём новое государство, государство времён «эпохи власти массы» стоит сразу на двух ногах, на двух «китах»: во-первых, на столь любимом массой «прямом действии», на силе, на возможности применения насилия, и, во-вторых, на согласии.

При этом и силовые возможности, своеобразные спецсредства такого государства получают невиданный никогда ранее масштаб – в государствах возникает мощная многоуровневая система государственной безопасности, в которой прямо и опосредованно задействовано невероятное для прежних, «старых», государств людей. А согласие, которое всего пару-тройку поколений назад выражалось всего-то в форме присяги на верность тому или иному королевскому дому, трансформируется в ещё более сложную, многогранную систему.

Особенно важным моментом, замеченным Грамши, здесь становится тот факт, что теперь это согласие – добровольное. Более того – это согласие,

---

⁷² Антонио Грамши Тюремные Тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.

как говорится, инициативное: то есть сама масса этого согласия и требует, и постоянно добивается: «Государство – это вся совокупность практической и теоретической деятельности, посредством которой господствующий класс оправдывает и удерживает свое господство, добиваясь при этом активного согласия руководимых»⁷³.

Ключевых факторов для достижения подобного активного согласия два. Это, во-первых, процесс – декодирование «культурного ядра» массы, точнее – массового сознания. А, во-вторых, это специально приспособленный для осуществления такого процесса социальный институт, который А. Грамши называет «интеллигенцией». Декодируя «культурное ядро» массового сознания, интеллигенция производит его, говоря языком современных IT-технологий, «перепрошивку», и, устанавливая в нём нужные для активного согласия коды, детерминирует, диктует и жизненные смыслы массы, и её поведенческие стереотипы. Делает это интеллигенция, как используя объективное знание о массе, её сознании и базовых чертах характера, так и сообразуясь с интересами главного заказчика такой работы – государства. Именно так достигается, согласно теории, А. Грамши, «культурная гегемония»: «интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления функций, подчиненных задачам социальной гегемонии и политического управления»⁷⁴. Таким путём и получается, что «государство является гегемонией, облеченной в броню принуждения»⁷⁵, где разделить способы и формы культурной гегемонии и принуждения становится уже совсем непростой, как минимум – неоднозначной проблемой.

---

⁷³ Антонио Грамши Тюремные Тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 35 с.

⁷⁴ Антонио Грамши Тюремные Тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 37 с.

⁷⁵ Антонио Грамши Тюремные Тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 37 с.

Культурная гегемония в массовом обществе достигается через единственно доступную изменчивую форму массового сознания. Эта форма – изменение обыденного. Мелкое воздействие на маленького человека. Грамши называет его «молекулярный процесс»⁷⁶. Постоянное повторение прописных истин. Постоянное воспроизведение однозначных образов и банальных психологических установок. Изменений малыми порциями настроений – и в каждом, и во всей массе одновременно. Потому что к остальному – доводам рассудка, логике, системе безупречно выстроенных силлогизмов и прочим интеллектуально-разумным аргументам, обращённым к рассудку, знаниям, нормам высокой культуры – масса, «толпа», в силу особенностей своего устройства, всей своей сути всегда остаётся глуха. Собственно, само это утверждение А. Грамши, фактически является таким независимым аргументом, «перекрёстным доказательством» и подтверждением гипотез других, не постмарксистских исследователей массы, об этих особенностях её сознания и характера.

Показательно, что по А. Грамши, установление культурной гегемонии протекает не как масштабное столкновение больших классовых сил, а как незаметные невооружённым глазом мелкие, подобные комариным укусам, атаки на какую-то небольшую, столь же плохо видимую из-за своего масштаба и значения часть «культурного ядра» сознания массы. Но именно такие маленькие атаки, осуществляемые настолько малыми порциями, что спокойно «перевариваются» массовым сознанием и легко внедряются в его «культурное ядро». Со временем внедряются всё прочнее и прочнее, всё более и более замещая собой прежние представления об окружающем мире, о прекрасном и ужасном, об уродливом и красивом, о зле и о добре. Внедряются, создавая новую совокупность символов и образов, суеверий и смыслов.

---

⁷⁶ Антонио Грамши Тюремные Тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.

Получается, что именно масса, массовое сознание по природе своей становится гарантом не только стабильности и консервативности «культурного ядра» в государстве, но стабильности внедрённой в изначально подверженное внушению и уже декодированное массовое сознание.

А. Грамши, как философский наследник революционных стремлений марксизма, видит возможность кардинального изменения, революции в подрыве такого устройства «культурного ядра», сочетающего и природные особенности массового сознания, и широкие возможности манипуляции им. Исходя из своего анализа массы, он видит её в установлении нового типа гегемонии – культурной гегемонии революционеров. Ведь пока «культурное ядро» массы, доминирующей в обществе, стабильно, в обществе стабильны, то есть неподвижны и консервативны, все стороны жизни. В этой ситуации массовое сознание выступает гарантом непоколебимости существующего порядка и всегда будет направлено на его сохранение – как в силу предельно консервативного характера массы, так и в силу особенностей структурного взаимодействия массы и государства, предопределяющего именно сложившийся тип «культурной гегемонии» на основе согласия.

Подрыв и разрушение по определению А. Грамши, «коллективной воли массы» (а точнее, «коллективного безволия»), и «молекулярная агрессия» в «культурное ядро» не может быть разовым изречением какой-то истины, демонстрацией чуда, производящего озарение, феноменальный и кардинальный переворот в сознании. Нет, исходя из особенностей массового сознания, – такая революция представляет собой «огромное количество книг, брошюр, журнальных и газетных статей, разговоров и споров, которые без конца повторяются и в своей гигантской совокупности образуют то длительное усилие, из которого рождается коллективная воля определенной степени однородности, той степени, которая необходима,

чтобы получилось действие, координированное и одновременное во времени и географическом пространстве»⁷⁷.

По Грамши, получается, таким образом, что главным условием успеха такой работы становится признание того факта, что массовое сознание, во-первых, неким культурным ядром, комплексом устойчивых культурных признаков и принципов всё-таки обладает. Причём, это открытие становится прямым следствием признания базовой консервативности массы, катастрофически боящейся любых инноваций. Ведь любое новшество требует самостоятельной оценки – то есть действия, которое категорически разрушает массу. А, во-вторых, при всей своей консервативности, массовое сознание изменчиво, на него можно воздействовать – нужен только ключ к нему, технология, вскрывающая его.

Показательно, что, опираясь на теорию Грамши об управлении обывденным, как способ тотальной культурной гегемонии в массовом обществе, в современном обществе удалось выстроить коммуникационную культуру «вещи», как того, что формирует окружающую среду. То есть оформляет её однозначными понятиями и на базе этих понятий складывает систему простых «знаков», «символов» и «сообщений», в рамках которой производится социализация человека, в границах которой человек ежеминутно находится с самого своего рождения. Когда однозначно воспринимаемые вещи каждый раз при встрече с ними подтверждают, через частный случай «вещи», непротиворечивую «правильность» существования – от того, что, в соответствии с пожеланиями «замкнутой» на самой себе массы, всего гигантского, но стройного социума, и происходит главное чудо нашего времени: непостоянной, перманентно изменчивой массой управляют. Именно так, через этический и эстетический «дизайн ширпотреба», происходит взламывание «культурного ядра» массы. Более того, в этом

---

⁷⁷ Антонио Грамши Тюремные Тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 77 с.

процессе в отношении одновременно и одномерно аморфной, и одномерно монолитной массы специалистам по подобным сигнальным системам удаётся производить даже «сегментацию» массы на «целевые группы» потребителей – то есть как будто бы индивидуальных получателей сигналов и символов.

Открытые А. Грамши как технологии поддержания человека массы в состоянии атомизации «стандартизация» и «сегментация» демонстрирует суть механизмов того, как выстраиваются «мягкие» внутренние связи в массе – люди массы разделяются («сегментируются»), а затем объединяются по максимально абстрактным интересам. Причём, классическим примером таких объединений становятся, например, объединения спортивных болельщиков. Главным условием существования в них – как это и должно быть согласно характерным признакам массового сознания – становится такой: определившись с кумиром, примкнуть к фанатичной – безо всякой реальной причины – толпе.

Собственно, сама судьба философских открытий постмарксиста А. Грамши, сделанных им в ходе создания «Тюремных тетрадей», сама судьба его предупреждений, с которыми он, по словам С.К. Кара-Мурзы, «обращался к товарищам ради того, чтобы научиться мобилизовать здравый смысл людей, поднять массы трудящихся до уровня интеллигенции, мобилизовать их способности к завоеванию «освободительной гегемонии»⁷⁸, весьма показательна. В условиях господства массы даже самые значимые и самостоятельные открытия упрощаются до прикладных технологий рутинного поддержания обывденного. По-другому – то есть трансформируя открытия в прорывы на новые, более высокие уровни развития человека и общества – масса, в силу своей консервативной природы, не способна.

---

⁷⁸ Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003. 830 с.

2.3 Базовые условия возникновения массы согласно концепциям Х. Арендт

Х. Арендт, в изложении своих постмарксистских классовых взглядов на источники формирования массового сознания, особенно интересна тем, что своими работами наглядно демонстрирует в своём лице все признаки образцово-показательного, типичного человека массы. Здесь и гиперстазирование одной, крайне спорной идеи, одномерное преувеличение значения отдельных явлений со спекуляцией на чувствах, занимающей место объективного знания, неадекватная страстность в описание объекта исследования и даже подчас не чёрно-белая, а чёрно-чёрная картина бытия. Особым стилем Х. Арендт является пренебрежение к очевидным фактам, нарушающих стройность её теории «тоталитаризма», свойственная именно человеку массы – причём, согласно характеристикам, как раз данным ею самою. Важно учитывать также пронизывающую всю работу типичную самонадеянность человека массы, описанного Х. Ортегой-и-Гассетом, берущегося судить о том, о чём он не имеет не то что объективной, а хоть сколько-нибудь корректной информации. Как, скажем, в случае с описанием реалий СССР, о которых, по её же признанию, все источники информации у неё «спорные». Не стоит также упускать из виду, что «Истоки тоталитаризма»⁷⁹ можно рассматривать не только как научно-философское исследование, посвящённое истории возникновения и власти массы, но и как один из первых политических манифестов начавшейся «холодной войны», прямого противостояния политической системы США, в которых живёт и работает Арендт, и политической системы СССР.

Однако, несмотря на это, уже само предположение о том, что Х. Арендт, являясь, с одной стороны, исследователем массы, источников её

---

⁷⁹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

возникновения и наиболее характерных признаков сознания и поведения массы, сама представляет собой элемент массы, безусловно делает её особо важным «свидетелем» в проводимом в этой работе «перекрёстном опросе» философов, в первую очередь, постмарксистов, занятых исследованием особенностей этой антропологической сущности. Такое уникальное состояние – исследователь, одновременно являющийся и объектом исследования, то есть и «преступником», и «следователем» в одном лице, говоря языком Ф.М. Достоевского, – бесспорно, придаёт особое, значение работам Х. Арндт, и в то же время требует от исследователя её концепции происхождения массы тщательного анализа и критического подхода.

Показательно, что базовый признак человека массы, для которого не существует прошлого и будущего, а есть только современность, прямо заявлен Х. Арндт уже в самом начале работы «Истоки тоталитаризма» в эпиграфе со словами Ясперса. Это сознательная исключенность из истории проявляется уже в странности исторической периодизации. Для Х. Арндт всего парой-тройкой десятилетий исчисляется время существования целых исторических формаций. Так, например, империализм у неё заканчивается, не успев как следует начаться, просуществовав меньше 30 лет, меньше половины обычной человеческой жизни. А ведь серьёзные, формационные исторические явления, и уж тем более целые исторические эпохи, на самом деле могут таковыми становятся и признаваться только когда проявляют себя в длительном историческом времени, когда не одним, и даже не двумя, а многими поколениями вырабатываются присущие эпохе, формации, общественному строю, сложные внутренние иерархии, складывается устойчивая формационная структура – с долго, объективно продолжительное историческое время, на протяжении хотя бы нескольких поколений действующими институтами и соответствующими сложившейся структурности традициями. Когда в долго существующем обществе возникают, апробируются и на протяжении жизни нескольких поколений становятся настоящими цивилизационными стандартами – для той или иной

иерархии – исторически устойчивые моральные нормы, психологические архетипы и, как следствие, поведенческие стереотипы. Ведь только в таком случае их слом, разрушение и распад традиции, становится действительно похож на окончательную катастрофу, и действительно вызывает к жизни принципиально новые, невиданные ранее формы социального взаимодействия, приводит к возникновению, возможно, невиданных ранее антропологических сущностей.

У Х. Арендт же эпоха империализма занимает приблизительно столько же времени, сколько ушло у неё на написание одной из книг. Отчего же тогда столь катастрофичны становятся описанные ею последствия его разрушения? Разрушения того строя, которого, с точки зрения исторического времени, исчисляемого даже не веками, а, как правило, тысячелетиями, даже не существовало?!

Самоисключение из исторического времени не позволяет Х. Арендт и внятно объяснить почему же империализм – общепризнанно высшая стадия такого «долгоиграющего» строя как капитализм, вдруг завершается. И почему завершается так выборочно – исключительно в Германии, только одной из стран потерпевших поражение в Первой Мировой войне, да ещё в России, причём в России, по признанию самой Х. Арендт, не то что империализма (даже в крайне скудном арендтовском его описании), а и капитализма-то ещё к началу войны не утвердилось. И если империализм, по Х. Арендт, в 1914 году закончился, то какой же тогда общественный строй установился – после завершения империализма – в тех самых Великобритании, Франции или США, где Х. Арендт с началом «холодной войны» начинает выпускать свои книги?

Очевидно, что самоисключение из исторического времени не позволяет Х. Арендт увидеть, что и весь тот суровый общественный строй, который Х.Арендт определяет, как «тоталитаризм» – по её словам, это объективно возникающая при распаде «империализма» «формация концлагерей» – вмещается всего-то в десять лет нацистского господства в Германии. Причём

8 из которых – 80 процентов, то есть всего существования – цивилизация находится в состоянии жесточайшей войны – самой масштабной, надо заметить, войны в истории человечества. То есть находится в чрезвычайных, неестественных условиях существования, которые объективно не позволяют делать какие-то выводы о сущности формации уж тем более заявлять её реальное существование, как исторической цивилизации. «Историческая эпоха» продолжительностью в 2 года (именно столько длился мирный период в Германии, когда хоть в каком-то приближении к корректности можно попробовать охарактеризовать явление) – такого феномена ни в философии, ни в истории, ни в любых других гуманитарных науках до Х. Арндт не существовало. Единственное здоровое объяснение подобному феномену, на мой взгляд, как раз и заключается в признании того, что в лице Х. Арндт перед нами классический человек массы, зачастую проявляющий в своих работах ключевые атрибуты массового сознания, о котором сам, в общем-то, и пишет.

Да и пресловутый «тоталитаризм» в СССР – это, по Х. Арндт, формация производства злокозненного Сталина. Со смертью Иосифа Виссарионовича, согласно «Истокам тоталитаризма», тоталитаризм в Советском Союзе тут же заканчивается⁸⁰. И что же тогда начинается там, в далёком СССР, дальше, какая историческая формация, какой общественный строй раз уж и «империализмом», и с «тоталитаризмом» Х. Арндт окончательно покончила?

А ведь вопросы корректной исторической периодизации, определения объективно, не по воле отдельного человека, а по всей закономерной логике развития цивилизационных политико-экономических и культурных процессов, складывающихся принципов существования целой исторической

---

⁸⁰ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

формации – иначе о чём тогда этот труд? – предельно важны. Они являются сущностно определяющими для научной попытки охарактеризовать явление. Потому что в противном случае – если признавать научную некорректность как периодизации, так и характеристик явления «тоталитаризма» – остаётся только одно: признать, что никакого отдельного и уникального общественного строя под названием «тоталитаризм» никогда не существовало. А работы Х. Арндт по этой тематике является, видимо, не строго научными, философскими, а пусть и не рядовым, но художественно-публицистическим произведением, вызванным к жизни эпохой «холодной войны» и продиктованными крайне утилитарной задачей: создание в публичном информационном пространстве западного мира из недавнего военного союзника, а ныне противника в «холодной войне» – СССР образа лютого врага, обладающего всеми признаками inferнальной «империи зла».

Однако, даже если принимать во внимание подобную точку зрения, нельзя не признать, что характеристики, данные Х. Арндт как источникам формирования массы в конкретно-исторических условиях в конкретных странах – Германии и СССР, представляющих по своей сути целые тысячелетние межнациональные цивилизации, так и её характерным признакам, проходят объективную «перекрёстную проверку» трудами других исследователей массового сознания – как более раннего времени, таких как Г. Лебон и Х. Ортега-и-Гассет, так и современных Х. Арндт и более поздних – таких как Г. Маркузе, Адорио, Хоркхаймер. То есть при всей потенциальной политической ангажированности абстрактной теории «тоталитаризма» Х. Арндт, следует признать, что в своих конкретных характеристиках массы, данных с позиций и в традициях классовой теории, начатых К. Марксом, Х. Арндт описывает объективно существовавшую, более того – разворачивавшуюся прямо у неё на глазах картину зарождения массы, массового сознания в условиях кризиса привычного для неё и для неё традиционного общества. При этом, так же, как и описываемая ею масса, как типичный составляющий её «атом», Х. Арндт таким кризисом была лишена

привычной среды обитания, с корнем вырвана из той социальной среды, в нормах которой формировалась как личность, в традициях которой намеревалась реализовать себя. То есть по состоянию своего социального статуса, уничтоженного «переломом эпох», Х. Арендт просто не могла хотя бы частично не получить типичных черт человека массы – законного дитя своего времени в своей стране.

Именно свойственное человеку массы самоисключение себя из истории (подмеченное, кстати, самой Арендт в «Истоках тоталитаризма» и привело к тому, что, на мой взгляд, Х. Арендт, что называется, «промахнулась эпохой». Она ведь не только поспешила «закрыть» империализм, непонятно по какой причине определив, что его «экспансии» больше некуда идти, но и не заметила объективного факта – ни в сословной и совсем недавно возникшей, менее чем на полвека до описываемых ей событий, Германской империи, всего-то за поколение до Арендт числившейся романтической «страной поэтов» и состоящей из целого сонма карликовых государств, ни уж тем более в дворянско-крестьянской России и капитализм-то перед Первой мировой войной как доминирующая общественная формация, как социально-экономический строй полностью не утвердился.

Для этого были и объективно-исторические причины – так в Пруссии крепостное право было окончательно отменено всего на два года раньше, чем в России, а в некоторых германских землях-государствах крестьянская зависимость в различных формах просуществовала и до конца XIX века, а эпоха возникновения немецкого капитализма – «эпоха грюндерства» хоть как-то затронула не более трети земель, входящих в Германскую империю, образованную только в 1871 году. В России же классические капиталисты и классический пролетариат, существование и статус которых в обществе и являются самым показательным, ключевыми признаком торжества в обществе капиталистических отношений, установления капиталистической формации, составляли несколько процентов и в населении страны, и в производстве её валового продукта. Уже хотя бы тот факт, что основным

вопросом революции в России в XX веке был вопрос о земле, о присвоении и разделении феодальной земельной ренты, однозначно говорит о том, что установление капитализма в России – в тот момент, когда Х. Арендт здесь уже «закрыла» историю и высшей стадии капитализма – империализма – только-только по факту начиналось.

И совсем не гарантированным фактом была, кстати, предполагаемая, в частности, В.И. Лениным будущая окончательная и бесповоротная победа капитализма в России – чрезвычайно морально специфического общественного строя, плохо согласуемого и с определяющим весь строй жизни русского народа православием, и с географически-климатическими условиями, определяющими особое экономическое устройство жизни в самой холодной стране мира с её предельно рискованными возможностями получения капиталистической прибыли, да к тому заведомо и всегда объективно более низкой, чем в странах с умеренным климатом и другими природными условиями.

То есть если и мог в этот момент какой-то общественно-экономический строй претерпевать в Германии и России какую-то мощную трансформацию, то это явно не мог быть империализм, как высшая стадия капитализма. Логично предположить, что – раз уж существование «перелома эпох» и Х. Арендт, и другими исследователями доказано – что эта трансформация и в совершенно однозначном случае с Россией, в довольно очевидном случае с Германией в 20-х и 30-х годах XX века происходила с остатками (иногда, как в России, с фундаментальными, определяющими всю жизнь страны-цивилизации, иногда, как в Германии, с весьма влиятельными для организации общественного бытия) общества, которое принято называть «обществом служения», традиционным то есть сословным или сословно-классовым предкапиталистическим обществом.

Трансформацию находящегося в глубоком общем кризисе социума, вызванную поиском адекватных ответов на вызовы времени, и возникновение из этой трансформации массы – и как невиданного прежде

здесь, в этих странах-цивилизациях, феномена, вытекающего из особенностей такой трансформации, и как новой, невиданной здесь ранее антропологической сущности – собственно и описывает в своих работах Х. Арндт. То есть по факту в её работах речь идёт о возникновении массы в эпоху разрушения традиционных обществ, в своеобразных формах доживших, добравшихся до начала XX века. Разрушения происходящего, с одной стороны, под давлением общества нового типа – капитализма, а, с другой стороны, в силу внутренней логики эволюции всего комплекса культуры этих стран, где складывается и начинает доминировать в общественном пространстве человек нового типа – вырванный из всех предыдущих культурных традиций индивид-«атом».

То есть в её работах речь идёт о том самом, описанном Гоббсом для Англии XVII века, процессе, когда в традиционном феодальном, отчасти пост-феодальном и сословном «обществе служения» возникает и резко набирает вес и влияние новый тип личности – освобождённый от всех прежних статусов и норм индивид-«атом». Который и является двигателем свободно-капиталистических отношений, и, теряя свои прежние общественные статусы, служит питательной средой для формирования массового общества и массового сознания. Того самого, что в первой половине XX века приводит в Германии и в СССР к уникальной, обусловленной особенностями исторического развития этих стран-цивилизаций «эре власти массе»⁸¹. Которую Х. Арндт объективно и субъективно, вольно и невольно, тщательно-подробно и, в то же время, на основе невероятных домыслов (пусть и субъективно оправданных) описывает. Описывает, будучи и законной, так сказать «внутренней» частью процесса – новым, невиданным ранее (в том числе и в среде немецких евреев) индивидом-«атомом», человеком массы, её типичным и полномочным

---

⁸¹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

представителем в пространстве философского осмысления этой антропологической сущности.

При этом, видимо, следует понимать, что особенности эпохи «власти массы» в обществе «на переломе эпох» в Германии и в СССР выглядят не вполне стандартными по-«гоббсовски». Прежде всего так происходит потому, что здесь немецкая и русская масса порождает свои, вытекающие из уникального характера народов, необычные и непротиворечивые системные ответы на трансформацию здешнего традиционного общества под воздействием наступления капиталистических отношений. В первую очередь потому, что такие, непротиворечивые новые «массовые» социальные модели выглядят вполне логичным для этих стран социальным ответом на наступление западного капитализма в условиях, когда обе эти страны-цивилизации никогда не были «Западом» в его классическом «протестантском», секуляризованном понимании. Более того, даже находящаяся, казалось бы, в самом центре мира Запада Германия, немецкий народ, не считали себя Западом настолько, что, и это особенно показательно, образ идейного противостояния «чистой Германии» и «гнилого Запада» был важным элементом нацистской пропаганды. А пропаганда, как известно, ведётся только на основе бесспорных истин, общепризнанных подавляющим большинством адресатов, потребителей пропаганды.

Тем важнее для нас признание того факта, что даже в этих, уникальных и нестандартных условиях, происхождение массы подчиняется тому же алгоритму, что и классическом «гоббсовском» случае. Итак, во-первых, и в-главных, как и у первых исследователей массы – Г. Лебона и Х. Отерга-и-Гассета, так и в работах, опирающихся на марксову классовую теорию постмарксистов, в описании Х. Арендт источником возникновения массы являются «осколки классов».

Понятно, что, в силу традиций своего философского воспитания, она подразумевает, что это «осколки» классических «марксовых» капиталистических классов – буржуазии и пролетариата. Но откуда взяться

«осколкам» классических классов, если таких классов в России (в СССР до индустриализации) ещё в массовом порядке просто не сложилось, как не сложилось ещё их статусного доминирования в целом ряде, подавляющем большинстве аграрно-индустриальных земель Германии, в том числе и таких крупных как Пруссия, Бавария, Саксония? И если осколки классов уже есть – а именно из осколков неких устоявшихся социальных групп и возникает индивид-«атом», и формируется масса – а капиталистических классов ещё нет, то логично будет предположить, что речь идёт об «осколках классов» какой-то иной, не капиталистической, а, скорее, докапиталистической общественной системы. Другой-то не найти.

При этом получается, что на самом деле она всё-таки описывает «гоббсовскую» массу, пусть не в чистом, не в «кристальном» проявлении, а в виде, обусловленном и реалиями начала XX века, и уникальными особенностями немецкой и русской цивилизаций. Следует признать, что в целом аналогично масса возникала, организовывалась и действовала в гоббсовские времена, во все другие время «перелома эпох» – в Англии и Голландии XVI-XVII веков. Если исходить из появления массы, как доказанного признака кризиса традиционного, устоявшегося общества, то получается, что Германия и Россия и 20-30-х годов, и, в целом, всей первой половины XX века – это страны именно «перелома эпох», ухода, завершения прежнего, докапиталистического традиционного общества – «общества служения». И установления, учреждения какого-то нового общественного строя, нового механизма общественного устройства. Создания общества нового «народа», всегда проходящего через стадию «массы». Показательно, что и в XVI-XVII веках, в веке XX возникала и действовала масса по очень схожим алгоритмам, часто до буквальности аналогично – то есть вне привычных морали и вне нравственных норм стабильных социальных групп и классов уходящего общества. Причём, что характерно, во все эти времена, во все эти эпохи и эры власти масс в арсенале массы обязательно находились вненормативные и незаконные, с точки зрения «уходящего», слабеющего

«старого» общества, силовые методы, акции посредством так называемого «прямого действия».

Первый феномен, свидетельствующий о возникновении массы, который был впервые подмечен именно Х. Арендт, это появление громадного числа «равнодушных»⁸², по определению Арендт, людей. То есть людей перестаёт волновать политическая и нравственная жизнь «старого» общества, мало что в его состоянии отныне задевает их чувства, вызывает их эмоции, мало что по-настоящему их, живых и страстных людей (а Германия 20-х самый большой кипящий политический котёл тогдашнего «сердца мира» – Европы) тревожит и волнует. И именно это прямо говорит об эффекте нарастающего отчуждения масс людей от «старого» общества – ведь равнодушие к проблемам этого общества на самом деле говорит только об одном: люди сами себя из этого общества исключили. Для них оно – постороннее. Чужое. Практически никак с реальными чувствами этих людей не связанное.

Арендт пишет прямо: «Термин «массы» применим только там, где мы имеем дело с людьми, которых по причине либо их количества, либо равнодушия, либо сочетания обоих факторов нельзя объединить ни в какую организацию, основанную на общем интересе»⁸³. Повторюсь: здесь, при рассмотрении этой характеристики, следует учитывать, что «равнодушными» она называет своих немецких сограждан, которые буквально на её глазах на протяжении нескольких лет отчаянно сражались за своё государство и свой народ на страшных фронтах Первой Мировой войны, которые, буквально на её глазах в непрерывной политической борьбе творчески выковывали абсолютно новые политические формы, наполненные невиданным ранее в человеческой истории содержанием, вовлекающим в тотальное

---

⁸² Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.

⁸³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 318 с.

политическое, идейное равнодушие десятки миллионов немцев. Которые, в конце концов, проявляли чудеса равнодушия в преследовании самой Х. Арндт и немецких евреев, в целом. Логично предположить, что речь всё-таки идёт о крайне избирательном равнодушии – равнодушии к тому обществу, которое превратило этих людей в отчуждённую и отторженную от него массу.

Именно в этом отчуждении и отторжении масса, собственно, и формируется.

Формируется как тотальный антипод отторгнувшему её обществу. Х. Арндт уже в предисловии к «Истокам тоталитаризма» прямо, хоть и невольно, указывает на такую ситуацию, потрясающую людей «старого» общества: «Никогда еще наше будущее не было столь непредсказуемым, никогда мы еще не зависели в такой степени от политических сил, относительно которых мы не можем полагаться на то, что они будут руководствоваться нормами здравого смысла или собственными интересами. Эти силы кажутся просто безумными, если судить их мерками иных столетий». Эти «мерки столетий», от которых буквально с «порога» своей книги заставляет саму себя отказаться Х. Арндт, с головой выдают её статус, напрямую апеллирующий, привязанный к нормам «веков», нормам предыдущего «старого» общества. С учётом её демонстративного самоисключения из истории, трудно представить себе о каких всё-таки «столетиях» говорит Х. Арндт, но общий вывод очевиден и подтверждён таким заявлением ещё раз и почти буквально – описанное ей равнодушие является прямым следствием выпадением массы из норм предыдущего общества с его мерками из прошлых «столетий».

Из такого отчуждения от общества, в котором людям массы не нашлось достойного места, вырастает, ещё раз как бы подчёркивая её значение для формирования массы, вторая важная составляющая, второе важнейшее условие формирования массы – выпадение людей, которые должны составить массу, из нормальных, здоровых, полноценных социальных

взаимоотношений. Х. Арендт утверждает, что «главная черта человека массы – не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений»⁸⁴. Люди массы, масса в целом настолько лишена реальной ориентации в реальном социальном пространстве, настолько лишена адекватных и здоровых социальных ориентиров, устойчивых связей, настолько выпадает из нормальных, всегда сложных и многоуровневых отношений социального взаимодействия, что начинает искать одного, «ключевого» врага. В котором – вопреки всей привычной социальной практике, когда у каждого, даже самого простого общественного взаимодействия, контакта обязательно присутствует как минимум две стороны – и, так сказать, добрая, и, так сказать, злая, вопреки всей диалектике развития постоянно усложняющегося человеческого общества, массы пытаются найти чудодейственный и единственный корень всех своих бед. Чудодейственный в том смысле, что его ликвидация, уничтожение тут же должно – самым невероятным, поистине чудесным способом разрешить сразу все проблемы современности.

В Германии этим общепризнанным корнем всех бед становится такая часть немецкого народа, как говорящие на принадлежащем к германской группе языков идише и за века совместного существования глубоко интегрированные в культуру немецкого мира евреи: «В глазах толпы евреи стали служить объективным примером всего, что было ей не по нутру. Если она ненавидела общество, то можно было указать на то, как это общество проявляет терпимость к евреям, а если предметом ненависти было правительство, указывалось на его покровительство евреям или на их срастание с государством. И хотя ошибкой было бы полагать, что толпа

---

⁸⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 390 с.

охотится только на евреев, все же евреям следует отвести первое место среди излюбленных ее жертв»⁸⁵.

Третий важный момент, весьма наглядно демонстрирующий общественную природу происхождения массы – это её подчеркнутая обезличенность. Обезличенность, являющаяся антиподом насаждаемого капитализмом непрерывного личного самоутверждения индивида-«атома», бесконечной личной конкуренции самоидентифицированных через неутолимый личный «интерес» людей. «Массы не наследуют (как это делает толпа хотя бы в извращенной форме) нормы и жизненные установки господствующего класса, а отражают и так или иначе коверкают нормы и установки всех классов по отношению к общественным делам и событиям»⁸⁶, – подчеркивает Х. Арндт. Утверждая тем самым и подчеркивая, что массовое сознание принципиально, на самом фундаментальном базовом уровне не ищет самоидентификации даже в простейших поведенческих, культурно-бытовых, и бытово-эстетических нормах. Характеризуя новый особый стиль массы, возникающий из идеи выпадения человека массы из общества – «declasses всех классов» по её определению, Х. Арндт поясняет: «Жизненные стандарты массового человека обусловлены не только и даже не столько определенным классом, к которому он однажды принадлежал, сколько всепроникающими влияниями и убеждениями, которые молчаливо и скопом разделяются всеми классами общества в одинаковой мере»⁸⁷.

Разрыв массы с отторгнувшим её обществом выражается, по наблюдениям Х. Арндт, в подчеркнутом разрыве даже с рации старого общества. «Еще Бакунин признавался: «Я не хочу быть я, я хочу быть Мы», а

---

⁸⁵ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 392 с.

⁸⁶ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 400 с.

⁸⁷ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 405 с.

Нечаев исповедовал евангелие «обреченного человека», не имеющего «ни личных интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже собственного имени»⁸⁸, – так описывает она основную черту новой рациональности нового человека массы. Именно поэтому он, человек массового сознания, человек массового, так сказать, разума, не восприимчив к «старым» приёмам социализации рациональности – убеждению на основании аргументации, рождающейся из логики «старой» культуры: «Самоотречение массового человека проявлялось здесь как тяга к анонимности, бытию в качестве номера и функционированию только в качестве винтика, короче, как жажда любого преобразования, которое смыло бы прежние лживые самоотождествления с конкретными типами ролей или predetermined функциями внутри общества»⁸⁹.

Своеобразная расплата «старого» общества наступает теперь, «на переломе эпох», в таком виде, как «безразличие к аргументам политических противников» массы. Массы больше «не нуждались в опровержении аргументации противников и последовательно предпочитали методы, которые кончались смертью, а не обращением в новую веру, сулили террор, а не переубеждение. Они неизменно изображали человеческие разногласия порождением глубинных природных, социальных или психологических источников, пребывающих вне возможностей индивидуального контроля и, следовательно, вне власти разума»⁹⁰.

И, наконец, важнейшим условием формирования массы, массового сознания, является массовый террор. Террор, «прямое действие» массы – как по отношению к институтам и лицам «старого» общества, институтам и

---

⁸⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 412 с.

⁸⁹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 413 с.

⁹⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 414 с.

лицам, по каким-то причинам оказавшимся слабее массы, находящихся вне массы, так и по отношению массы к самой себе. Открытие Х. Арендт террора как формы и формирования, и утверждения, и самопрезентации массы и её презентации в обществе, находящемся «на переломе эпох», демонстрирует один из важнейших источников складывания массового сознания. Для которого террор – в том числе информационный террор и шантаж в современном нам обществе, становится уже одной из форм его существования. Причём, что особенно неожиданно – и это тоже одно из открытий Х. Арендт: «Террор массы... применяется без какого-либо предварительного повода, его жертвы невинны даже с точки зрения преследователя. Мы просто обращаем внимание на произвольность выбора жертв, и в связи с этим решающее значение имеет то обстоятельство, что они объективно невинны, что они выбираются вне зависимости от того, что они могли или не могли совершить»⁹¹.

При этом крайне трудно согласиться с утверждением Х. Арендт о том, что для СССР 30-х годов стало явью описанная таким образом ситуация: «Классовая система рухнула и унесла с собой всю ткань из видимых и невидимых нитей, которые связывали людей с политическим организмом»⁹². Дело в том, что историческая реальность и Германии, и СССР, при всём влиянии и значении массы на происходящие события и процессы, не может быть описана вне учёта того, что эти события происходят в по-прежнему существующем классовом обществе. Причём и сама Х. Арендт, даже прямо и до буквальности недвусмысленно заявляя о бесклассовости «тоталитарного» общества, сложившегося в Германии и в СССР, в своей работе «Истоки тоталитаризма» одновременно совершенно прямо и буквально пишет о сохранении классового характера социальных взаимоотношений в нём. Так,

---

⁹¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 417 с

⁹² Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 305 с

она, например, прямо заявляет о возникновении в СССР «рабочей аристократии». А ведь это утверждение совершенно однозначно говорит о признании ей существования рабочего класса в СССР – ведь «рабочая аристократия» без «рабочего класса» существовать никак не может, это взаимодополняющие и синонимичные понятия, существующие только в неразрывной связи. Причём связи не ошибочно терминологической, а именно сущностной.

Той самой системы социальной связи, которая ещё раз, словами самой Арндт, подтверждает существование в СССР того самого рабочего класса, который, как одновременно с разговором о рабочей аристократии и интересах рабочих в СССР утверждает Х. Арндт, вроде бы исчез вместе с «рухнувшей классовой системой», вместе с «падением охранительных стен между классами».

И даже когда Арндт заявляет о несоответствии классовым интересам пролетариата буквально всего происходящего с рабочими в СССР – то есть установления 8-часового рабочего дня, ликвидации безработицы, рост качества жизни рабочих, доходящий, в том числе, и до появления «рабочей аристократии», имеющей доходы выше, чем у самых крупных чиновников и хозяйственных руководителей громадной страны, формировании органов власти исключительно из рабочих, создания пролетарской культуры в литературе, кино и о многом другом, что, по её неожиданному и явно не пролетарскому мнению, никак рабочему не нужно – она, по факту и вопреки своим же заявлениям о некоей бесклассовости, прямым текстом признаёт классовый характер структуры общества в СССР. Признаёт наличие в нём, одновременно с массой, как минимум, двух классов – пролетариата и крестьянства. И даже то, что Х. Арндт, как самозабвенно самовлюблённый в одну из своих идей (которую правильнее называть «условным конструктом») и, в этом смысле, как образцово-показательный человек массы, невероятно чуждый рациональным аргументам, вопреки объективной исторической логики, говорит о том, что индустриализация принесла резкое

ухудшение положения рабочего класса в СССР, она самими этими словами опровергает своё же утверждение о бесклассовом характере общества в СССР.

Важность такого саморазоблачения значима по двум причинам. Первая связана с весьма спорной идеей «тоталитаризма» – ведь именно заявленная Х. Арендт псевдо-бесклассовость только и даёт ей возможность разглядеть в СССР хотя бы фантом некоего нового, надклассового и поэтому тоталитарного общества тоталитарного господства – то ли массы, то ли бюрократии, то ли страшного патологического злодея, скрывающегося под псевдонимом Сталин. Именно мифическая бесклассовость, самим фактом своей тупой и безличной «массовости» накладывающая запрет на культурное и технологическое развитие (ведь главное свойство массового сознания – вечное упрощение, стремление к первобытному примитивному и неспособность к долгим, целеустремлённым действиям) только и позволяла Х. Арендт сочинить из СССР «страну концлагерей», страну рабов, страну не бессмертного полка героев, а страну бессмертного барака. Даже вопреки очевидному факту, что страна «бессмертного барака», страна всё упрощающей «власти масс» не способна выиграть Вторую мировую войну – технологически самую сложную войну в истории человечества. Ведь совершенно очевидно, даже на абстрактно-теоретическом уровне, что технологии и бесклассовая и аморфная масса – это несовместимые, антагонистические понятия. Что массовое сознание, в каждом своём проявлении базирующееся на бесконечно нарастающем упрощении всех возможных процессов, доходящем в процессе разложения массой любой субъектности итоге до суровой первобытности, просто по определению, хотя бы в силу своей вечной переменчивости, перманентной неустойчивости своего социального бытия, неспособна к долгим, целенаправленным сверхусилиям, приводящим к сверхпобедам.

Следует также учесть, размышляя о ложной бесклассовости новых обществ, что и в Германии 30-х, например, ни один из капиталистических

концернов не поменял форму собственности. А ведь отношения собственности являются ключевым индикатором, указывающим на сохранение в новом обществе классового характера социальных взаимоотношений – между буржуазией, капиталистами и наёмными рабочими, пролетариатом, как минимум. Да и немецкие рабочие, пролетарии, трудящиеся на заводах крупнейших немецких концернов, ни своего классового статуса, ни своего классового бытия, ни своего классового сознания точно так же, как и немецкие капиталисты, решительно не меняли.

Собственно, эта, по большому счёту, непротиворечивыми аргументами не подкреплённая гипотеза Х. Арендт о «тоталитаризме» – про якобы вдруг, внезапно, без каких-либо внятных исторических причин, на ровном месте, из ничего возникшем «бесклассовом» обществе победившей всех и вся массы (состоящей «отбросов общества» по определению самой Х. Арендт⁹³, заставляет увидеть ещё одну важную особенность массы и массового сознания. Она заключается в невольном для Х. Арендт, но вполне состоявшемся признании – в пору своего формирования массе не принадлежит тотальная, безоговорочная власть в обществе. Масса, становясь значимым социальным явлением, антропологической сущностью со своим сознанием и со своим характером, находится в широкой социальной коммуникации, непрерывно взаимодействует с множеством не включённых в массу социальных групп, с целыми классами общества.

Причём масса в первой половине XX века, в период своего становления на большей части евроазиатского континента (сложно не увидеть процессов, аналогичным германским и российским в том, что в это время происходило в Испании и Италии, в Китае и в Японии, во Франции и в Индии, взаимодействует как с классами «старого», уходящего общества: в Германии и СССР – это дворянство, родовая знать империй, и крестьянство –

---

⁹³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 450 с

количественно доминирующий имперский социальный слой, «на переломе эпох» становящийся одним из главных «поставщиков» людей массы (прежде всего, в силу потери частью этого класса своего прежнего крестьянского статуса). Так масса взаимодействует и с классами нового, общества: и с классом буржуазии, и меняющимся пролетариатом.

Таким образом, Х. Арендт удалось доказать (иногда вопреки своей воли), что, во-первых, масса возникает только в кризисном обществе, таком обществе, где идёт глубокая трансформация структуры общества, порождающая множество людей, лишённых привычного социального статуса. Во-вторых, формирование массы является ответом части общества на отчуждение и вытекает из возникновения целого слоя «равнодушных людей», которые становятся равнодушными к нормам, жизненным стандартам и мотивациям данного, уходящего, теряющего свою силу «старого» общества. В-третьих, масса складывается из людей, выпавших из здорового социального взаимодействия, окончательно потерявших прежние социальные ориентиры. В-четвёртых, масса разрывает рациональные связи с уходящим, оттолкнувшим её обществом – она всегда обезличена (как антипод постоянно самоидентифицирующегося «народа»), она глуха к логике и аргументам «старого» общества, она избегает любого социального усложнения и требует простых решений, невозможных в «старом», сложном уже хотя бы в силу его вековых традиций, обществе. В-пятых, символом разрыва массы со «старым» обществом является террор. Причём различные практики «прямого действия», шантажа применением силы – в том числе и в логике «бей своих, чтобы чужие боялись» – задают массе состояние постоянного движения, реальной и имитационной экспансии, которая её как раз и оформляет, и структурирует.

И, наконец, важнейшей составляющей происхождения и эволюции массы является её погруженность в непрерывное социальное взаимодействие с другими социальными группами и антропологическими сущностями – как принадлежащими уходящему, «старому» обществу, так и новой

общественной формации, складывающейся в ходе кризиса «старого» общества.

То есть тотальная, безоглядная и всеобщая, бесклассовая или надклассовая власть массы вряд ли возможна в том абсолютном воплощении, как это было представлено Х. Арндт. На самом деле существование и эволюция массы всегда обусловлены особенностями социального взаимодействия массы с другими социальными и антропологическими сущностями, складывающихся и действующих в конкретных исторических, географических, культурных условиях, присущих той или иной цивилизации. Потому что только в таком взаимодействии безличная и бессубъектная масса и проявляется, становится видна наблюдателю.

§ 3. Антропология массы и глобальная Империя в постмарксистской концепции М. Хардта и А. Негри.

Характеристику такого, невиданно сложного взаимодействия массы и классов в современных условиях – перехода от современного общества «модернити» к обществу глобальной Империи – дают в своих работах «Империя» и «Множество» американский литературовед М. Хардт и итальянский левый политик А. Негри. Работы эти посвящены современному состоянию мира – мира, вновь оказавшегося «на переломе эпох».

Если исходить из принципиальной марксистской позиции – «бытие определяет сознание», то главной особенностью времени, наступившего после распада социалистической системы, в постсоветское, так сказать, время, будут кардинальные перемены в «бытие», связанные со вступлением человечества в какой-то новый бытийно-технологический этап.

Согласно работам классических марксистов, в том числе, согласно работе В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма», на рубеже XIX и XX веков происходит окончательная победа индустриального подхода к организации человеческого общества. В европейском обществе, в наиболее развитых странах Азии и Латинской Америки в этот период – начиная с конца XIX века – стартует, с одной стороны, невиданная ранее «стандартизация и алгоритмизация» всех сторон жизни человека и общества, а, с другой стороны, происходит «монополизация» большинства жизнеопределяющих социальных и экономических процессов очень узким слоем людей – «империалистов». Закономерным следствием и продолжением этих явлений становится фактическая полная и окончательная ликвидация свободного рынка и рыночного обмена товарами и услугами, являющегося фундаментальной основой капитализма, в ходе всемирной Великой Депрессии 30-х годов XX века, последовавшей за ней Второй Мировой войной и в период послевоенного обустройства.

Логично и показательно, что в послевоенный период экономическое и социальное развитие, формирование систем государственной социальной инженерии и систем социальной коммуникации стало определяться уже не интересами отдельного, частного предпринимателя-капиталиста – особое, приоритетное значение начинают приобретать долгосрочные государственные интересы и связанные с реализацией этих интересов долгосрочные государственные программы – и в так называемом Первом «свободном» мире, в во Втором – «социалистическом», и в Третьем «развивающемся» мире.

Подобное развитие событий диктовалось, в том числе, и объективными условиями ультратехнологического развития в эпоху нового этапа научно-технической революции (НТР) 50-90-х годов XX века. Новые отрасли экономики, такие, как космос, биоинженерия, атомная энергетика, современные военные, информационные технологии и многие другие, требовали столь значительных объёмов инвестиций и столь сильной концентрации лучших специалистов, которые свободный рынок генерировать не мог.

Показательным следствием и отчётливым индикатором полного завершения «общества свободного рынка» стал отказ от обеспеченных золотом денег. Что, в свою очередь, привело к изменению традиционного происхождения капитала – его в значительной степени стал генерировать не труд капиталистов и наёмных рабочих, а воля нескольких государственных Центробанков, в первую очередь американской ФРС, просто печатающих нужное количество «капитала» для поддержания того или иного математического баланса во всемирной экономике, «обеспечением» которого выступала и выступает инфляция. Именно в этот, послевоенный период – время демонстративного отрыва в западных странах от любых корней, семейных, национальных и даже статусно-профессиональных, массовое сознание и массовая культура, с их выявленным уже первыми исследователями массы – Г. Лебоном, Х. Ортега-и-Гассетом, Х. Арндт,

философами Франкфуртской школы, А. Грамши, подчеркнутым разрывом не только с этикой и эстетикой, но со всей рациональной логикой существования в рамках непрерывно самоидентифицирующейся и самоопределяющейся культуры, постепенно становится доминирующим, объективно приобретая характер одного из основных двигателей развития человеческих сообществ – как национально-государственных, так глобального.

С одной стороны, стандартизованный спрос стандартизованных по своим потребностям масс потребителей становится двигателем всей материально-производственной экономики, задавая параметры её развития возможностями конечного потребительского спроса. С другой стороны, выросшая из заданных потребностями индустриальной экономики стандартов и алгоритмов «массовая культура», запускает и постоянно поддерживает процесс самовоспроизводства стандартных потребностей массы в мировоззрении, этике, эстетике и даже в духовной сфере.

Фактически торжество массы, со всеми её фундаментальными, базовыми антропологическим признаками массового сознания и массового поведения, не просто находит своё отражение в большинстве сфер жизни, но приводит к рождению и развитию целой системы социометрических наук, занятых изучением интеллектуальных и поведенческих стереотипов массы. Применяемая только к универсально стандартизованной массе математическая стереотипизация становится научной нормой для целого ряда гуманитарных наук. Более того, британскими социологами У. Уорнером, Дж. Голдторпом, Энтони Гидденсом для определения типологии «власти массы» даже вводится специальное социологическое понятие – «средний класс», совершенно абсурдное с точки зрения марксизма с его теорией «классовой борьбы» как основного источника развития общества. С кем и за что может бороться «средний класс», если он всегда находится посередине, никогда не становится одним из полюсов социального конфликта?

То есть именно антропологические особенности массы становятся определяющим для важнейших направлений и тенденций развития человечества. В XX веке происходят резкие изменения в структуре занятости, которые лишили рабочий класс не только привычной массовости, но и рождающего его уникальную идентичность навыка к массовым, технологично организованным протестным действиям, являющимся главным инструментом классовой борьбы. Следствием все уменьшающего участия человека в производстве материального общественного продукта становится новая культурная традиция, когда человек свои представления о мире, жизни, человеке получает не из независимого личного опыта, опираясь на архетипы воспитавшей его культуры и сформировавшего его «бытие» класса, а из внешних, совершенно посторонних по отношению к нему, как статусной личности, и принципиально неверифицируемых источников информации. То есть для того, чтобы поддерживать постоянную коммуникацию с окружающими, говорить с ним на одном языке, современный человек обязан принять массовые и унифицированные всеобщие понятийные стандарты, отказавшись по большей части от использования багажа национальной культуры.

Новое значение массы определяется и новым состоянием традиционных массовых институтов. Так принесённый НТР технологический бытовой комфорт, фактически избавляющий человека от серьёзных затрат труда в быту, утверждает, что мужчине и женщине для повседневного выживания больше не нужна основанная на взаимовыручке и разделении семейно-бытовых обязанностей семья – ведь теперь техника готовит для человека пищу, стирает, поддерживает порядок в доме. В этом же направлении работает и изменение в половой структуре занятости – возникла и сложилась новая традиция, в которой мужчина больше не главный добытчик в семье. Такие перемены в повседневном «бытии» делают традиционную семью всё более неустойчивым социальным институтом – а ведь именно в традиционной «нуклеарной», каждый раз уникальной семье и

формируется самостоятельная, самоидентифицированная, постоянно находящаяся в состоянии базового культурного самоопределения личность. Та самая личность, индивид-«атом», создающая гоббсовский «народ» и являющаяся антиподом человеку массы.

Новые профессии, новый профессиональный уклад всё чаще выключают человека из привычных трудовых отношений с личным участием в делах трудового коллектива, исключают его из прямой, а не виртуальной коммуникации, тысячелетиями обязательной для участия в совместном производстве общественного продукта. Таким образом, возникает новый, никогда ранее не виданный, но уже вполне сложившийся, практически типовой новый образ жизни масс людей, и на этом уровне отчуждённых от зримого участия в совместном общественном производстве, как раз и создающем потребность в постоянном личностном ориентировании – определении своего законного места в общем деле и в большом коллективе, таким делом занятом.

Причём на новый стандартный массовый образ жизни накладывается глобальный диктат одной культуры, именуемой «западной», но по факту представляющей собой клиповую культурную «окрошку», опирающуюся на американский вариант протестантской англоязычной культуры. Стандарт, вольно или невольно, но неизбежно требующий культурной унификации и стереотипизации, подгонки личности под некие массово общепринятые в такой культуре ценностные нормы и правила. При этом вольно или невольно, но неизбежно происходит выдавливание на обочину жизни культурных архетипов иных национальных культур, бывших на протяжении предыдущего тысячелетия базовыми для формирования самоидентичности человека, личности. То есть происходит «американизация», резкое упрощение культуры, жизни массы – с отменой в массовом коммуникационном пространстве уникальных, не поддающихся «алгоритмизации» национальных культурных архетипов. Происходит

«отмена сказок». И это состояние сознание массы – потеря глубины культурной традиции – является новым, уникальным, невиданным ранее.

Новым фактором становятся и такие состояния как, с одной стороны, невиданная ранее свобода человека массы. Когда возникает освобождение от целого ряда обязательств «старого человека» – таких, как тяжёлый труд в большом коллективе, существование в большой и постоянной семье (роде, клане), долгое и трудное накопление (знаний, денег, связей) для достижения мечты. И, с другой, обратной стороны, когда, в силу безграничной свободы складывается столь безграничное, никогда ранее невиданное отчуждение человека. В том числе отчуждение и от формирующих уникальную, самоидентифицированную личность вышеперечисленных социальных институтов и явлений.

Таким образом, основным содержанием XX века становится постоянно нарастающее отчуждение человека от совместного с другими членами общества дела. А, значит, происходит отчуждение от собственности, возникающей как продукт этого общего дела, совместного труда. Как продолжение этого процесса возникает отчуждение от рода, с которым человек больше не связан необходимостью совместного выживания, от большой экономики, которой больше не нужны таланты, умения, способности этого человека – он становится нужен, по большей части, как потребитель.

Человек, оставшийся вне подавляющего большинства экономических, социально-государственных, классовых, культурных статусов и здоровых социальных связей, объективно не имеет стойких политических интересов и убеждений. Поэтому классические политические партии, выражающие реальную и конкретную волю того или иного класса, исчезают, уступая место на политической арене мировоззренчески аморфным движениям, поконформистски имитирующих реальную политическую деятельность и основывающихся на манипулятивных технологиях по управлению массовым сознанием.

Логичным следствием такого общественного устройства становится всеобъемлющий кризис традиционных «всёобъясняющих» больших философских, мировоззренческих систем. Ведь торжествующая унифицированная «общечеловеческая» «бесклассовость» именно в силу отсутствия внутреннего конфликта – а как иначе, когда все вокруг одинаковые – духовно импотентна и по определению не способна родить в этой сфере ничего нового. Жиль Делез и Феликс Гваттари так описывают это состояние: «Отныне тело без органов полагается на производство мечтаний, достигает его и присваивает себе»⁹⁴. Если Арендт, как когда-то Гоббс в отношении Англии, описывают массу классическую, появляющуюся на свет при распаде предыдущей общественной формации – пусть распад этот и, в отличие от времени Гоббса, происходит в условиях прямого давления уже сформировавшихся и весьма влиятельных капиталистических элементов в структуре страны-цивилизации, то М. Хардт и А. Негри в своих рассуждениях о глобальной Империи и глобальном Множестве говорят о массе нового типа.

Эта масса, называемая ими так же, как и гоббсовская толпа – *multitude*, именуется Множество, и так же, как и гоббсовская масса, возникает и действует «на переломе эпох». М. Хардт и А. Негри определяют этот перелом как переход от современности, от «модернити» к глобальной Империи. Причём и содержание Империи, и всё её внутреннее устройство несёт на себе отпечаток всех типичных черт массового сознания и массовой культуры.

Основой и возникновения новой массы, Множества, и нового порядка является война. Перманентное в условиях любого «перелома эпох» гражданское противостояние. Всё та же, по большому счёту, гражданская война всех против всех, которая затем приводит к самоидентификации личности, а затем к созданию из «массы» нового «народа». По М. Хардту и

---

⁹⁴ Делез Жиль Логика смысла. М.: Академический проект, 2015. 170 с.

А. Негри такая гражданская война в эпоху современности приобретает новые, невиданные ранее черты – вероятно продиктованные новыми качествами массы в новое время. «Речь идет не об изолированных конфликтах, а об общем, всемирном состоянии войны, которое размывает различие между войной и не-войной до такой степени, что мы уже не можем вообразить себе подлинного мира и даже рассчитывать на него»⁹⁵, - утверждают философы. По их словам, сейчас «все войны – гражданские. Ни одну локальную войну нельзя рассматривать изолированно, нужно видеть в ней часть грандиозного сочетания обстоятельств, в той или иной степени связанную и с другими зонами боевых действий, и с районами, где в данное время они не ведутся»⁹⁶.

В отличие от гражданских конфликтов, описанных Гоббсом и Арндт, в новом глобальном обществе «враг неизвестен и невидим, и все же он присутствует, как нечто типа общей атмосферы враждебности. Вражеский лик просматривается в дымке будущего и позволяет взбодрить легитимацию там, где она ослабла. Такой враг на деле не просто неуловим. Это совершенная абстракция»⁹⁷. Довольно очевидно, что враг-абстракция возможен только при господстве в обществе массового сознания – обезличенного, лишённого той самой самоидентификации, которая всегда делала образ врага предельно конкретным: ведь «враг народа», в его гоббсовском понимании, – это, прежде всего, всегда иной, опасно чужой для этого «народа». И если для самоопределяющейся личности как раз конкретные характеристики «врага» служат одним из способов и методов самоидентификации – в режиме, что называется, «от противного», то как раз

---

⁹⁵ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 105 с.

⁹⁶ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 200 с.

⁹⁷ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 201 с.

для массового сознания, не приемлющего в своих составных частях самостоятельность, индивидуальность, внутренне различие, именно абстрактный образ врага становится предельно естественным.

В этой войне, как в источнике формирования новой массы, массы времён кризиса «модернити», и как способе её (всегда временной) структуризации, враг «должен быть мыслительной схемой в кантовом понимании, однако действующей в обратном направлении: он должен продемонстрировать не то, что есть сила, а то, от чего она нас спасает. Наличие врага указывает на потребность в безопасности»⁹⁸. При этом безопасность становится тем самым кумиром, фетишем по своей сути, который делает всю эту логическую конструкцию бессмысленной. Потому что ради общей, не менее абстрактной, чем враг, безопасности, в первую очередь жертвуют безопасностью вполне конкретной, открывая дорогу навсегда легитимизированному насилию, тому самому всегда присущему массовому сознанию «прямому действию» безо всяких границ, безо всяких причин и без каких бы то ни было оснований. Потому что в мире Империи «различие между легитимным и нелегитимным насилием, между освободительными войнами и войнами, направленными на угнетение, отзывается все менее четким. Все варианты насилия сливаются в разные оттенки серого цвета»⁹⁹.

Показательно, что по меткому наблюдению М. Хардта и А. Негри, образом и символом этой войны становится Голем. По сути, такая же, как масса, изначально аморфная плоть, в которую, как в массовое сознание, лишённое личных, «частных» признаков, с помощью определённых ритуалов вкладывают жизнь. Именно новый Голем, масса нового глобального государства – Империи, и утверждает в ней новый, невиданный ранее консервативно-либеральный строй. Этот казус соединения несоединимого

---

⁹⁸ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 202 с.

⁹⁹ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 125 с.

возникает просто потому, что именно такова масса по своей природе. Она, с одной стороны, по своей первобытной, стихийной природе всегда консервативна. А, с другой стороны, масса всегда верна идее своей свободы без ограничений и хоть какой-либо ответственности (ответственность ведь всегда вырастает из ограничений). Таким образом, именно масса устанавливает новый порядок – общественный строй, рождающийся из утраты идентичности и суверенитета.

А, как напоминают М. Хардт и А. Негри, «свойственный современности суверенитет, как мы подробно рассмотрели, осуществляется посредством установления и сохранения четких границ между территориями, населением, различными социальными функциями... Иными словами, суверенитет осуществляется посредством нанесения на социальное поле разделительных полос»¹⁰⁰. Именно из суверенитета, как плода самоидентификации, позволяющей различать Своего и Чужого, вырастает современность. Именно суверенитет, частный, национальный, государственный, отрицает глобальная Империя. Это ли не является доказательством доминирования в ней массового сознания? Именно поэтому, в полном соответствии с логикой существования всегда стремящейся к тотальному подавлению любых проявлений субъектности массы, вспоминая слова аббата Сиейеса М. Хардт и А. Негри, определяют основное содержание момента как «дурные планы по созданию re-total вместо re-publique, которые могли бы стать фатальными для свободы и разрушительными как для публичного, так и для приватного пространства»¹⁰¹.

Отмена публичного и приватного, внутреннего и внешнего является одним из важнейших условий формирования антропологических особенностей, характера и сознания массы в условиях наступающей глобальной Империи. Жак Боден в 1576 году пояснял, что «суверенитет не

---

¹⁰⁰ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 304 с.

¹⁰¹ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 325 с.

может быть порожден единством Государя и масс, публичного и частного... На самом деле исток политической власти и определение суверенитета кроются в победе одной из этих сторон»¹⁰². Существование, таким образом, современности, «модернити», как её называют М. Хардт и А. Негри, базируется на принципиальном разделении – внутреннего и внешнего, публичного и частного, частного и общественного. Однако масса, по замеченному ещё Х. Арндт признаку фанатичности, как раз фактом своего существования и предполагающего отмену внутреннего, конкретно личного, частного во имя внешнего, публичного, абстрактного, в наступающей глобальной Империи решительно с этим принципом разделения порывает.

Поясняя суть устройства общества времён «модернити» авторы «Империи» указывают, что «В то время как на своей территории национальное государство и сопутствующие идеологические структуры неумолимо работают над производством и воспроизводством чистоты народа, во внешнем мире национальное государство выступает машиной, которая производит Других, создает расовые различия и возводит границы, разделяющие и поддерживающие субъект суверенитета эпохи современности»¹⁰³. На смену такому базовому принципу – фундаментальной и цельной идентичности – приходит «иерархия гибридных и фрагментированных субъективностей».

М. Хардт и А. Негри утверждают, что в новом «имперском мире эта диалектика суверенитета как взаимодействия между порядком гражданским и природным, порядком природы и цивилизации исчерпала себя. В этом смысле современный мир точно является постмодернистским. «Постмодернизм, – говорит нам Фредерик Джеймисон, – есть то, что вы получаете, когда модернизационный процесс завершен и природа ушла навсегда». Они подчёркивают: «В постсовременном мире все феномены и

---

¹⁰² Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 325 с.

¹⁰³ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 126 с.

силы являются искусственными... Присущая современности диалектика внутреннего и внешнего была заменена игрой количественных различий, игрой гибридности и искусственности»¹⁰⁴.

Поэтому «формирование Империи есть не причина, а следствие возвышения» массы. М. Хардт и А. Негри прямо говорят: «не стоит удивляться тому, что Империя, несмотря на все свои усилия, оказывается неспособной к созданию правовой системы, адекватной новой реальности глобализации общественных и экономических отношений. Эта неспособность... объясняется революционной природой масс, чья борьба и создала Империю в качестве собственного перевернутого образа»¹⁰⁵.

В генезисе массы, ведущем нас в Империю, вновь, как и во времена Гоббса, как и во времена Арндт, определяющим оказывается лишение человека здоровых социальных отношений, культурных корней, реальной социальной ориентации: «Вот, здесь человек вне нашего народа, вне нашего человечества. Он постоянно голодает, ничто не принадлежит ему кроме мгновения, продленного мгновения страдания... Он всегда имеет лишь одну вещь: свое страдание, но нет ничего на лице Земли, что могло бы послужить ему лекарством, нет земли, на которую он мог бы поставить свои две ноги, нет опоры, за которую могли бы схватиться две его руки, и, таким образом, ему остается намного меньше, чем воздушному гимнасту на трапеции в мюзик-холле, который, по крайней мере, висит на ниточке»¹⁰⁶. Так, одной цитатой из Ф. Кафки, авторы «Империи» исчерпывающе описывают и происхождение человека массы, и базовое состояние всей массы. Именно поэтому у Жюль Делеза и Феликса Гваттари, которых много цитируют авторы «Империи», возникает чувство голода по реальной жизни: «Нам не хватает творчества. Нам не хватает сопротивления настоящему»¹⁰⁷. Если

---

¹⁰⁴ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 127 с.

¹⁰⁵ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 128 с.

¹⁰⁶ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 128 с.

¹⁰⁷ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 129 с.

исходить из кантианского определения сути свободной человеческой личности «*Sapere aude* (имей мужество пользоваться собственным умом)!»), вряд ли может ли быть более ясная характеристика состояния дел в эпоху наступающей глобальной империи.

Важной особенностью антропологического генезиса массы в это время является её бедность. Современная масса – бедна. И это одна из её немногих чётких идентификаций. Да, согласно меткому замечанию в рецензии на «Империю» Б. Кагарлицкого, «эта бедность – неоднородна»¹⁰⁸, из неё рождаются не вполне одинаковые чувства, стремления, ощущения и мотивации. И поэтому она, по одному только этому признаку – бедности не может быть приведена к одной социометрической константе. Но, тем не менее, именно бедность становится важным признаком принадлежности к массе. Бедность определяет антропологию массы времён наступления глобальной Империи: «Бедняк нуждается, он исключен, подавлен, эксплуатируется — и все же живет! Это общий знаменатель жизни, основа масс... В наши дни... бедняк оказывается подчиненной, эксплуатируемой фигурой, но, тем не менее, фигурой производства»¹⁰⁹. Причём, и в этом состоит ещё одна антропологическая особенность массы времён кризиса «модернити», в силу своей всемирной бедности современная «Масса – не дисциплинированный пролетариат Маркса: она - *Vogelfrei*, «свободная пташка»¹¹⁰.

Для антропологии массы в наступающей Империи важным становится совершенно новая ситуация – нарастающая бессубъектность социальных институтов, их одновременное наличие и отмирание. В нормальном, устоявшемся обществе «модернити» на протяжении своей жизни индивид последовательно проходит такие институты (переходя из школы в казарму и из казармы на фабрику) и формируется ими. Отношение между внутренним и

---

¹⁰⁸ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 190 с.

¹⁰⁹ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 130 с.

¹¹⁰ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 131 с.

внешним, разделение их в этой «лестнице жизни» является крайне важным – именно оно создаёт и уникальную индивидуальную идентификацию, опыт-то у каждого личный, и обеспечивает социализацию личности с учётом такого опыта.

А вот в процессе перехода к имперскому обществу «изменился второй аспект – «социальная фабрика» становится всё более фантомной, «место производства субъективности более не определяется так, как прежде»¹¹¹. Школа, армия, тюрьма, семья теперь не являются ступенями опыта, которые человек проходит постепенно, набираясь специального опыта и поэтапно социализируясь. «Учёба» во всех этих институтах теперь как будто бы идёт одновременно, «сегодня пределы, обычно выделявшие ограниченное пространство институтов, разрушились, так что логика, когда-то действовавшая в основном в институциональных стенах, сейчас распространяется по всей социальной территории. Институциональных границ (армия, школа, семья) больше нет. Внутреннее и внешнее становятся неразличимы»¹¹². Как поясняют исследователи, «Производство субъективности в имперском обществе стремится избежать привязки к какой-либо локальности и сопряженных с этих ограничений. Человек всегда все еще находится в семье, всегда все еще в школе, всегда все еще в тюрьме и так далее... Неопределенность локальности производства соотносится с неопределенностью форм произведенных субъективностей. Имперские социальные институты предстают, таким образом, как изменчивый процесс порождения и разложения субъективности»¹¹³, как раз и фундаментально присущей массе.

Показательным для понимания характера массового сознания, происхождения особенных антропологических черт характера массы времён кризиса современного общества, является осознание современного общества

---

¹¹¹ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 132 с.

¹¹² Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 132 с.

¹¹³ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 188 с.

как общества непрерывного спектакля. Общества, в котором априори не существует того, что не показано. То внутреннее, что не продемонстрировано публично, не существует. Всё возникает только в той точке, где внутреннее и внешнее, частное и публичное сливаются воедино. То есть в новом обществе, в наступающем по всем фронтам имперском обществе именно спектакль, как демонстративная точка демонстративного слияния внутреннего и внешнего, является важнейшей формой существования массового сознания и массовой культуры. «Спектакль является одновременно унифицированным и расплывчатым, так что невозможно отличить внутреннее от внешнего – природное от социального, приватное от публичного», – так расшифровывают его значение М. Хардт и А. Негри. Подчёркивая при этом, что «Не существует какой-то точки, из которой управляют спектаклем»¹¹⁴.

Таким образом, в исследовании происхождения, так сказать, «старта» антропологии массы времён кризиса современности, надо учитывать, что ещё недавно «индивид эпохи современности, находясь в своем доме, в своем приватном пространстве, рассматривает общество в качестве внешнего мира», а ныне, «на переломе эпох» он обязан такую границу стереть. Чтобы не утратить коммуникацию, дающую ему право на жизнь, коммуникацию, которая институализирует его в мире. То есть уникальной особенностью новой массы становится непрерывное стирание границ между внутренним и внешним, тех самых границ, которые и позволяют личности, народу, государству рассчитывать на самоидентификацию и самоопределение в мире.

Это совершенно новое явление, которого не было ни у массы, описанной Гоббсом, ни у массы, описанной Х. Арендт. И, поскольку, власть в Империи, по признанию М. Хардта и А. Негри – биополитическая, то есть опирается на глубинные антропологические особенности сознания и характера массы, её культуры и даже её биологии, означает, что масса способна к сущностной антропологической эволюции и самотрансформации.

---

¹¹⁴ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 302 с.

Что, в свою очередь, ещё доказывает существование массы как антропологической сущности, с одной стороны, а, с другой, заставляет исследовать все её родовые черты, которые и проявляются в особенностях глобальной Империи, описанной М. Хардтом и А. Негри. Следует признать, исходя из проведённого нами исследования, что режим Империи аутентичен и адекватен характеру массы, решающие факторы формирования и наиболее показательные качественные характеристики которого заслуживают отдельного рассмотрения.

Глава II. Масса как антропологическая сущность

2.1 Место, статус и значение массы в организации мир-системы и мир-империи в постмарксистской экономической концепции Валлерстайна.

Уместно осознать, что базовые антропологические черты массы не являются абсолютно неизменными от века к веку, от эпохи к эпохе. Ведь её фундаментальным признаком как раз и является резкая переменчивость – настроений, вождей, суждений, форм. Переменчивость, невиданная ранее в других коллективных антропологических сущностях – например, племенах и народах. При этом важно понимать, что фундаментальными условиями для возникновения массы, формирования особенностей её сознания и наиболее ярких черт её характера являются условия социально-экономические, крепко привязанные к изменениям в характере организации экономики, общественного производства, выстраивания отношений собственности, поддержания или слома культурных традиций и моральных норм. Понятно, что ключевым в этом смысле является выявление базовых, фундаментальных принципов устройства современной экономики. В этом смысле наиболее значительными для темы исследования антропологии массы в современном нам мире принято считать миросистемный анализ, проведённый постмарксистом И. Валлерстайном.

В своих работах по истории возникновения, эволюции и острого современного кризиса одержимого погоней за прибылью капиталистического мира, сложившегося теперь в глобальную Мир-систему, И. Валлерстайн о массе – ни как о явлении, ни как об антропологической сущности – прямо не говорит. Его анализ, комплексный и системный, посвящен громадной всемирной экономической системе и обращён к её базовым экономическим или экономико-социальным жёстко структурированным институтам: монополиям, фирмам, государствам, домохозяйствам. Однако в процессе

изучения того, как «в погоне за наживой», по его словам, накапливается капитал, и как из этой гонки вырастает уникальная мировая система экономики, можно увидеть, что масса, охарактеризованная нами выше и ниже в этой работе, проявляется в мир-системе современной экономики как её неотвязная тень.

В такой ситуации, что называется по косвенным признакам открывая общее содержание и отдельные характеристики массы, можно увидеть, что описанная И. Валлерстайном Мир-система держится на массе, основывается на свойственном именно массе масштабной безличности, замене опыта стереотипами, утрате идентичностей. За большинством характеристик Мир-системы можно увидеть, что именно масса непрерывно воспроизводит смыслы мир-системы, обеспечивая культурную гегемонию массы, порождённой и сформированной «ядром» мир-системы. Очевидно, что только под эгидой неких вненациональных – «общечеловеческих» ценностей, единых и универсальных норм поведения, отмены разграничения по линиям «свой-чужой», «внешнее-внутреннее» – то есть по линиям, требующим обязательной самоидентификации (имперской, национальной, культурной, профессиональной), только и можно гарантированно обеспечить неравноправный, неэквивалентный обмен «ядра» со странами и народами «полупериферии» и «периферии». Да, собственно, и само деление на «ядро» и «периферию», институализированную только относительно этого («ядерного») центра, и является прямым следствием включения прежде самостоятельных культур в аморфную глобальную культурную массу глобального массового общества, по всей своей природе не способного смириться с многообразием идентичностей.

Миросистемный анализ возник в начале семидесятых годов двадцатого века. Возник после «революции 1968 года» (так определяет те события Валлерстайн) как новый взгляд на социальную действительность. Ведь, как утверждает И. Валлерстайн, «Идеи можно понять лишь в контексте своего времени. И это в большей степени относится к целостным картинам мира,

когда идеи, основываясь, прежде всего, одна на другой, приобретают смысл только в совокупности»¹¹⁵. Определяя в рамках системного анализа устройство современного мира И. Валлерстайн поясняет, что «мы говорим здесь не о мировых (или всемирных) системах, экономиках, империях, а о системах, экономиках, империях, которые сами по себе есть мир, хотя обычно – и даже как правило – они не охватывают весь мир. Это основополагающий момент, и прежде всего нужно уяснить его»¹¹⁶. По его словам, нынешняя «миросистема представляет собой некое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам».

Уже из этого фундаментального определения становится понятно, что речь идёт не об организации производства и механизмах экономического взаимодействия, речь идёт, на самом деле, и И. Валлерстайн об этом прямо говорит, о формировании «организма». То есть превращения схематичной экономики, механизма финансово-хозяйственных и промышленно-технологических взаимодействий и связей во вполне одушевлённую, антропологичную систему. Таким образом, с учётом надклассовой глобальности этого организма, единственными возможным антропологическим «наполнением» этого «организма» видится – из всех возможных вариантов – только масса. То есть теперь на всём лежит, образно говоря, клеймо массы.

Это видится и в таком фундаментальном организационном признаке «миро-системы», в которой происходит «осевое разделение труда между центральными (ядровыми) и периферическими (периферийными) производственными процессами; обмен всегда осуществлялся в пользу тех,

---

¹¹⁵ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 50 с.

¹¹⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 63 с.

кто был задействован в производственных процессах ядра»¹¹⁷. Причём, И. Валлерстайн открыл, что и в формировании этой «оси», и в любых других экономических процессах (стремительно превращающихся во второй половине XX века в культурно-экономические) что капитализм всегда и везде, вольно или невольно, но глубоко объективно, в силу всей логики формации – максимизации прибыли как высшей формы накопления капитала – стремится к созданию монополии. А ведь нет другой формы экономической организации более соответствующей, более адекватной антропологии массы, чем монополия. И массе, и монополии в равной степени присущи и отрицание множества идентичностей, и стирание уникальных субъектов, и формирование одномерных стереотипов – прежде всего, в сознании и в поведении.

Более того, при миросистемном анализе очень простой и однозначный ответ на вопрос «Какие производственные процессы свойственны ядру, а какие – периферии?»¹¹⁸ сразу же, что называется, с головой, выдаёт скрытую роль и значение массы в организации современной экономики. Ведь «ответить на этот вопрос можно, посмотрев, что относительно доминирует в том или ином производственном процессе – монополии или свободный рынок»¹¹⁹. И если доминируют монополии, что сразу ясно, что речь идёт о «ядерных», главных частях миро-экономики.

Утверждение о том, что капитализм всегда стремится к монополии, означает, прежде всего, что в этом своё главное устремлении он постоянно стремится к воспроизведению массы. Потому что только масса способна быть и фундаментом, и наполнителем её структуры. Антропологические

---

¹¹⁷ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 74 с.

¹¹⁸ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 71 с.

¹¹⁹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 80 с.

особенности массы требуют именно монополии, как наиболее адекватной сознанию и характеру массы формы устройства экономики.

Капитализм, по И. Валлерстайну, всегда и неизбежно стремится к такой форме организации как монополия. И если этот процесс прекращается, прекращается и капитализм. Просто потому, что «прибыльность ... монополизированных процессов намного выше прибыльности рыночных»¹²⁰. Как подчёркивает И. Валлерстайн, именно «страны, где типичные для ядра процессы были более развиты, стали богаче»¹²¹. Причём, чем новее товар, чем новее технология, позволяющая такой товар производить, тем выше возможность создания монополии. То есть получается, что, чем экономически, технологически развитее часть мироэкономики – государство, федерация государств, межгосударственный союз, тем, совершенно объективно, выше должна там быть тенденция доминированию в тамошнем обществе массы, массового сознания и массовой культуры.

И. Валлерстайн отмечает, правда, что особенности технологического развития в современности таковы, что идеальной монополии достигнуть почти невозможно. И поэтому нормативным явлением становится олигополия. Таким образом, философ-постмарксист приводит ещё один важный довод, свидетельствующий о решающем значении массы на формирование экономической и политической культуры, на любые процессы, идущие в таком обществе. Ведь, образно говоря, от того с каким количеством пассажиров – одним или, скажем тремя, тянет масса упряжку, участь её не меняется: она везёт этих пассажиров, а не едет всё-таки сама. Причём везёт с присущей ей радостью, даруемой привычной для массы утратой собственных устойчивых интересов, конкретных и реальных выгод. Именно из утраты реальных статусов, уникальной идентичности – личной,

---

¹²⁰ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 85 с.

¹²¹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 85 с.

социальной, профессиональной, национальной, масса рождается. Именно из утраты частных идентичностей вырастает базовая для неё аморфность, которая всегда основывается на отрицании ею «отдельности», индивидуальности, многообразной субъектности. И именно так строится любая монополия – все в ней, образно, говоря запряжены в одну упряжку, все, не задумываясь и не рассуждая, толпой бегут к единой для всех цели.

Показательно, что к монополии в современной мироэкономике стремятся не только капиталисты, но и государства. Хотя И. Валлерстайн и называет её, государственную монополию, «квази-монополией», тем не менее, и в «государстве», одном из наиболее важных, системообразующих институтов «мир-системы», складывается та же устойчивая тенденция доказанного нарастания влияния массы.

Там, где монополия, там масса. Там, где масса, там монополия. Видимо, таков мог бы быть девиз антропологического устройства «мир-системы», если бы И. Валлерстайн взялся бы описывать именно эту сторону современного глобального мироустройства. Более ясного и взаимодополняющего индикатора объективности для капитализма стремления и к монополии, и к замене массой народа трудно найти. Причём, что особенно тревожно, в современном государства, такое направление движения показывает, что речь идёт о монополизации чуть ли не всех сторон жизни человека и общества, выраженной в том числе и в форме идеологического государственного господства над ними.

Поясняя объективно-обусловленный характер такого процесса, М. Валлерстайн обращает внимание на то, что в мироэкономике «под отношением ядра-периферии мы понимаем степень прибыльности производственных процессов. А поскольку прибыльность напрямую связана со степенью монополизации, то получается, что ядру свойственны

производственные процессы, которые контролируют квазимонополии»¹²². Причём, «периферии в таком случае остаются по-настоящему конкурентные процессы. Когда происходит обмен, конкурентные товары оказываются в худшем положении, чем продукция квазимонополий. В результате мы можем наблюдать постоянный поток прибавочной стоимости от производителей периферии к производителям ядра, что и получило название неравного обмена»¹²³.

Нарастающее господство массы предопределяют и развитие другой стороны процесса, обусловленной свойством массы к разложению субъектностей. Одной из которых в «мир-системе», по всей видимости, сама масса, даже вопреки своей безличной природе, и становится.

Этот процесс выражается в росте самоидентифицированных социально-антропологических объединений. Процесс противостояния системообразующей массе с их стороны в первую очередь выражается в том, что главным смыслом и содержанием процесса становится обретение ими идентичности. Причём, цена идентичности постоянно растёт: «роль статусных групп, или идентичностей, в современном мире очень высока... по логике развития капиталистической системы, которая захватывает нас все больше, получается, что их значимость будет только увеличиваться»¹²⁴. Более того, И Валлерстайн приходит к выводу, что ещё один базовый институт мирэкономике – домохозяйства «изо всех сил стараются сохранить общую идентичность, делают все возможное, чтобы оставаться частью одной статусной группы, одной идентичности... во всех домохозяйствах наблюдается одна и та же тенденция: все стремятся прийти к

---

¹²² Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 91 с.

¹²³ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 91 с.

¹²⁴ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 96 с.

единой идентичности, создать новые, подчас даже четко не сформулированные статусные идентичности, которые воплотили бы смешение идентичностей, а значит, и объединили бы домохозяйство под единым статусом»¹²⁵.

При этом важность сохранения идентичности в условиях господства массы становится невиданно высока. Дело здесь даже не столько в том, что обладающее идентичностью домохозяйство «это социализирующее агентство миросистемы», что оно «прививает всем нам, но в особенности людям молодым, навыки социальной жизни, учит уважать ее правила и следовать им», а в том, что от того, «как домохозяйство подготовит своих членов к жизни в обществе, как социализирует их» напрямую зависит выживание домохозяйства. И. Валлерстайн о такой цене вопроса сохранения идентичности в современном мире «власти массы» говорит прямо и недвусмысленно: «Если домохозяйство ясно осознает свою статусную идентичность (свою национальную принадлежность, расу, религию, этнос, имеет определенный код сексуального поведения), такое домохозяйство точно знает, как социализировать своих членов. Если домохозяйство еще не определилось со своей идентичностью, но стремится к однородности, стремится создать пусть даже новую идентичность, такое домохозяйство справится с задачей социализации почти так же хорошо. Однако если домохозяйство открыто признает факт раскола идентичности, оно не сможет выступить социализирующим агентством и скорее всего не сможет выжить как группа»¹²⁶.

Поясняя происхождение свободного капитализма И., Валлерстайн особо отмечает значение процесса «гражданственности», как действия по поиску идентичности. Именно идентичность составила основное содержание

---

¹²⁵ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 100 с.

¹²⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 104 с.

главного политического события эпохи развивающегося капитализма, которым стало то, что «гоббсовский» «народ» «превратился теперь в «граждан», и это стало одним из основных последствий того, что власть перешла народу». И. Валлерстайн уверен, что «сегодня... трудно даже представить себе, насколько радикален был переход от «подданных» к «гражданам». Быть гражданином означало наравне с другими гражданами иметь право участвовать в принятии основных государственных решений»¹²⁷.

Новая идентичность – «народ» «граждан» создал новый, единый и общий для взрослых жителей той или иной страны статус: «Если все стали гражданами, значит, не было больше людей со статусом выше статуса гражданина... Быть гражданином значило быть человеком рационально мыслящим, способным принимать политические решения»¹²⁸. Именно это состояние – превращение в какой-то определяющий момент складывания нового мироустройства внестатусного, потерявшего все прежние корни человека предкапиталистической и догражданской массы в идентичного, и поэтому заново статусного «гражданина» – привело к утверждению в большинстве стран всеобщего избирательного права.

Однако по-настоящему трагичной чертой современности становится тот факт, что «в большинстве стран только часть населения в полной мере пользуется правами гражданина»¹²⁹. Довольно очевидно, что главным источником этого процесса стало изменение роли массы, непрерывный рост массы, возникающий из объективного стремления бизнеса и государства к монополизации – чуть ли не в каждом вопросе. То есть И. Валлерстайн, сам

---

¹²⁷ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 131 с.

¹²⁸ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 134 с.

¹²⁹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 136 с.

того, вероятно, не замечая, описывает всё тот же процесс, который анализировали и Т. Гоббс, и Х. Арентс – процесс замещение в кризисном обществе «старого» «народа граждан» массой.

Ещё одной стороной этого процесса становится процесс отчуждения части «народа граждан» от этого народа. Поскольку, как замечает И. Валлерстайн, «если сувереном является народ, то нужно определить, кто является народом, а как выясняется, далеко не все подходят под эту категорию... Стоит только начать перечислять исключения из понятия «народ», и список может получиться очень длинным. Концепция «народа» появилась как концепция включения, а очень скоро оказалось, что это скорее концепция исключения»¹³⁰.

Не менее показательна, в смысле формирования условий роста массы за счёт численного сокращения «граждан» в «мир-системе», и тема «всеобщности избирательных» прав. Ведь за такими, доведёнными до унифицированной всеобщности «гражданскими правами», явно маячит масса. И в этом процессе занятая самым самым естественным для себя процессом – разложением сущностей и субъектов. Всеобщность, размывающая гражданскую идентичность – ведь даже в этом случае, быть, как все, значит, в какой-то мере быть никем, утратить часть (как минимум) своей уникальности, не может не подменять хотя бы какие-то части идентичности их бессодержательными имитациями. Не поэтому ли и складывается всё чаще ситуация, когда «в большинстве стран только часть населения в полной мере пользуется правами гражданина»?

И это при том, подчёркивает И. Валлерстайн, что «можно с уверенностью сказать, что борьба за распределение прибавочной стоимости не кончится никогда. Эту борьбу и называли классовой. Какой бы политический смысл вы ни вкладывали в понятие классовой борьбы, куда

---

¹³⁰ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 139 с.

не деться от этой аналитической категории; можно придумывать ей разные названия, но оставлять без внимания нельзя. Совершенно очевидно, что классовая борьба продолжается постоянно»¹³¹. То есть даже при наличии такого «вечного двигателя» гражданских прав, как классовая борьба, не прекращающаяся и в «ядре» современной «мир-системы», и бушующая на его периферии, только часть населения остаётся не аморфной массой, а гражданами с классовой идентичностью.

Остальным, потерявшим идентичность и, как следствие, ставшими безличной массой, хватает пассивного следования в идейном фарватере идеологии. Доминирование массы здесь, на политическом лице глобальной Мир-системы выдаёт тотальное торжество идеологию – как, по определению И. Валлерстайна, «гармоничной стратегии поведения на социальной арене»¹³². То есть торжество политически аморфной и высоко-толерантной, крайне, до полной бесконфликтности терпимой – по причине отсутствия всегда порождающей конфликт идентичности массы заявляется уже как стратегия.

Интересно, что, по признанию И. Валлерстайна, до тех пор, пока масса не стала доминировать в обществе, «миросистемам идеологии были не нужны, да и наша миросистема обходилась без них»¹³³.

Говоря о современном состоянии Мир-системы И. Валлерстайн прогнозирует хорошо известную и изученную картину «перелома эпох», котрой именно господство массы всегда присуще: «нас ожидают резкие колебания во всех секторах миросистемы... растёт насилие, но усилий и

---

¹³¹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 135 с.

¹³² Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 136 с.

¹³³ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 155 с.

возможностей власти недостаточно, чтобы решительно покончить с этим насилием... значение моральных принципов, которые традиционно прививали своему народу государство и церковь, практически сошло на нет»¹³⁴.

Для понимания того очевидного факта, что нынешний исторический момент, описанный философом-постмарксистом, вполне соответствует по своему антропологическому содержанию временам Т. Гоббса показательны характеристики И. Валлерстайна и поведения системы власти, и индивидов: «система в кризисе, что отнюдь не означает, что она вовсе отказалась от попыток действовать по-старому, по-привычному. Она пытается. Но в этом случае долговременные тренды все ближе приближаются к своим асимптотам, что только обостряет кризис»¹³⁵. В то же время «именно из-за того, что колебания в миро-системе становятся все сильнее, большинство людей старается укрыться от них в стереотипах привычной жизни. Несомненно, в среднесрочном плане самые разные люди попробуют приспособиться к системе в надежде, что она сумеет облегчить возникшие трудности. Это тоже стереотип: память множества людей хранит примеры, что так оно бывало в прошлом, а значит, должно сработать и на этот раз. Но проблема в том, что в условиях системного кризиса даже от такого среднесрочного приспособленчества проку мало. Как мы уже говорили, этим как раз системный кризис и отличается»¹³⁶.

«Нам нужно наконец осознать, что сегодня мы должны сделать все возможное, чтобы мир пошел туда, куда хочется нам. Это задачи

---

¹³⁴ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 177 с.

¹³⁵ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 188 с.

¹³⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 193 с.

интеллектуального, морального и политического плана. Все они разные, но крепко связаны друг с другом. Ни одному человеку не удастся уклониться ни от одной из них. А если кто-то и скажет, что его это не касается, то это будет означать только то, что свой выбор он сделал втайне. Перед нами стоят исключительно трудные задачи. Но, решив их, мы, все вместе и каждый в отдельности, сможем создать или по крайней мере принять участие в создании чего-то такого, что, возможно, позволит нам гораздо лучше реализовывать наши возможности», - подобное заявление И. Валлерстайна не только констатирует «перелом эпох», но однозначно указывает на всё тот же, открытый И. Гоббсом и представленный в противопоставлении «народа» и «толпы» путь – обретение новой идентичности через преодоление «власти массы»¹³⁷.

---

¹³⁷ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 197 с.

2.2 Факторы, определяющие формирование массы, и её качественные характеристики в постмарксистской концепции Х. Арендт

Происхождение массы из кризиса и распада «старого» общества накладывает свой отпечаток на все стороны её существования. Антропология массы складывается из противопоставления ей самой себя всем устоям общества, которое отторгло людей массы от полноценного, здорового участия в жизни такого общества.

Именно поэтому важнейшей составляющей содержания массового сознания является «восстание масс против здравого смысла и всех «вероятностей мира». Это, по словам Х. Арендт «было результатом их атомизации, потери ими социального статуса и всего арсенала коммуникативных связей, в структуре которых только и возможен здравый смысл»¹³⁸. При этом следует учитывать, что речь идёт о понимании «здравого смысла» в традициях «старого» общества, того самого общества, которая по всей логике своего развития и вытолкнуло «атомизированного индивида» за борт этого самого пресловутого «здравого смысла». «В их ситуации духовной и социальной неприкаянности здоровое размышление над тем, что произвольно, а что планируемо, что случайно, а что необходимо, стало больше невозможно»¹³⁹, – так характеризует Арендт такое состояние.

То есть, что называется, родовым признаком массового сознания всегда и везде является непреложный факт – массовое сознание, сознание такой антропологической сущности как масса начинается с утраты. Эта утрата навсегда – отныне, в силу той самой «вечной неприкаянности» массовое сознание вынуждено каждый раз создавать здравый смысл заново. Потому, что для человека массы больше нет стереотипов и алгоритмов статусно,

---

¹³⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 405 с.

¹³⁹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 407 с.

классово детерминированного комплекса понятия «здравый смысл». Он каждый раз с ним «один на один», без опыта веков, который больше не действует. Такая ситуация, по признанию Арендт, возможна только там, где привычный здравый смысл «потерял свою значимость».

Особенностью существования массового сознания является признание того, что весь мир и по каждому вопросу разделяется на два больших и враждебных лагеря – по признаку «кто не с нами, тот против нас». Дело в том, что аморфность, бесструктурность массы создаёт постоянную угрозу её самоуничтожения, самороспуска, самопроизвольной элиминации. Ведь её не связывают ни классовые интересы, ни вековые социальные инстинкты. И поэтому для сохранения единства массе постоянно требуется горячая антитеза, постоянное производство постоянного конфликта, массу актуализирующего и массу объединяющего. Именно этот конфликт, основным содержанием которого и является виртуальное разделение виртуального мира на два противостоящих друг другу непримиримых виртуальных лагеря, и создаёт иллюзию постоянного движения, как раз и удерживающего саму массу вместе.

Такой конфликт, объективно структурирующий и массу, и массовое сознание, расчищает дорогу для выплеска присущей массе агрессивности, формируя в ней так нужную ей для обретения (пусть и разового) структурности имитацию и целенаправленной деятельности, и самоутверждения в социальном взаимодействии – как по отношению к внешнему миру, так и по отношению к внутренней организации самой массы.

По словам Х. Арендт, два таких «родовых признака» – утрата даже не основ и потребности в социализации, а самой социальности уже при рождении, и поддержание в себе непрерывного, неугасимого внутреннего конфликта «двух непримиримых лагерей» – формируют третье достоинство массы. Оно «состоит в ее способности бесконечно воспроизводиться и сохранять свою организованность даже в условиях нестабильности, что

позволяет ей постоянно создавать все новые подразделения и переопределять новые уровни их активности»¹⁴⁰.

В такой ситуации человек массы «чувствует себя в большей безопасности в качестве члена движения, чем в качестве его противника. Это чувство безопасности... столь же важно для сплочения вымышленного мира организации в целом, как и чувство страха перед ее террором»¹⁴¹. То есть объективной потребностью массового сознания является поиск массовой (пусть и одномерной, нерассуждающей) солидарности – во мнениях, чувствах, действиях и акциях – как основной способ защиты от навсегда окружившего, постоянно грозящего ему хаоса. Поиск алгоритмов массовой солидарности, воспроизводящих стабильность (или её иллюзию) в самых нестабильных обстоятельствах, закономерно приводит массовое сознание к производству идеологии, представляющей собой упрощённую, схематичную картину мира, в которой на любой, даже ещё не сформулированный вопрос уже готов банальный и от этого особо убедительный ответ. По Арндт, «Идеология рассматривает действительный ход событий так, как будто он следовал тому же «закону», что и логическое изложение ее «идеи». Идеологии претендуют на познание мистерии исторического процесса как целого – тайн прошлого, путаницы настоящего и неопределенностей будущего, – исходя только из внутренней логики соответствующих своих идей»¹⁴².

Особенностью «идеологического» подхода к любому, самому простому жизненному вопросу, так присущего массовому сознанию, становится постоянно обновляемая, так же, как и массовый «здравый смысл», особенная

---

¹⁴⁰ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 408 с.

¹⁴¹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 409 с.

¹⁴² Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 411 с.

«идеологическая» логика. Её главная особенность состоит в том, что такая логика обязана создавать у массы абсолютно непротиворечивую, полностью, до последнего мазка, завершённую картину бытия, исторического процесса, культурного явления. Для идеологии, как и для массового сознания в целом, всё уже было, всё уже произошло, всё уже раз и навсегда объяснено. «Идеологии никогда не интересуются чудом бытия в настоящем»¹⁴³, – подчёркивает Х. Арендт это невероятное состояние навсегда остановившейся в массовом сознании современности, зафиксированное и объяснённое идеологией.

Запрещение противоречий, присущее массовому сознанию, создаёт такую форму мыслительной деятельности, которой противопоказаны новые идеи. Ведь они подвергают сомнению непротиворечивость идеологической картины бытия. Подвергают сомнению, то есть, саму структуру массового сознания. «Ни новая идея (которая могла бы стать еще одной посылкой с другой цепью следствий), ни новый опыт»¹⁴⁴ ему не нужны. «Идеологии всегда полагают, что одной идеи достаточно для объяснения всего, если развивать выводы из этой исходной посылки, и что любой опыт ничему не учит, так как все уже содержится в этом гладком процессе логического дедуцирования»¹⁴⁵, - объясняет Арендт.

Массовое сознание, загнанное – по собственной воле и, что особенно важно, по собственной природе – в рамки идеологического мышления, «становится независимым от всякого опыта, на котором оно ничему не способно научиться, даже если это опыт совсем недавних событий. Тем самым идеологическое мышление освобождается от реальности,

---

¹⁴³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 411 с.

¹⁴⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 413 с.

¹⁴⁵ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 414 с.

воспринимаемой нашими пятью чувствами, и настаивает на какой-то «более истинной» реальности, скрывающейся за всеми воспринимаемыми явлениями, правящей ими из этого сокровенного тайника и требующей шестого чувства для своего распознавания»¹⁴⁶.

Идеологии, оформляющей массовое сознание и, в свою очередь, формируемой им, свойственно при этом «назойливое настаивание на «научной» природе своих утверждений». Х. Арендт сравнивает эту особенность «с определенной рекламной техникой, которая тоже направлена на массы. И действительно, колонки рекламных объявлений в каждой газете демонстрируют эту «научность», например, когда фабрикант с помощью фактов и цифр, полученных из «исследовательских» лабораторий, доказывает, что именно его мыло – «лучшее мыло в мире»¹⁴⁷.

Основным эмоциональным состоянием массового сознания становится, с одной стороны, всеобщее, неутолимое одиночество, с другой стороны, попытка от такого вечного «одиночества человека в толпе» избавиться, спрятаться в общепринятые и заранее обесмысленные банальности массового сознания. Подобная конструкция сознания напрямую связана с изначальными утратами – социальности, вековой культурной почвы под ногами человека массы. Она и порождает постоянное ощущение потери своего места в мире, которое в нормальных, здоровых социальных отношениях даётся идентичному человеку через ощущение присутствия других людей. Ощущение потери своего места в мире, которое рождается из невозможное в однородной массе установление связи с кем иным, другим, создаёт новое чувство вечной отчуждённости от принадлежности к этому миру. Как поясняет Х. Арендт, в человеке массы, как и в массе в целом «беспочвенность может быть предварительным условием для состояния

---

¹⁴⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 417 с.

¹⁴⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 418 с.

ненужности, так же как изоляция может быть предварительным условием для состояния одиночества»¹⁴⁸.

Обратной стороной этого состояния массового сознания, его своеобразной психокompенсацией, является его крайний вождизм, непрерывное «сотворение кумиров» – от самого бытового уровня до уровня высшей власти. При этом главной характеристикой кумира, вождя массы в массовом сознании становится абсолютная, безграничная непогрешимость, превращение его в массовом сознании в идеальное человеческое воплощение определённого чувства, идеи, символа. По мнению Арендт, высшая задача кумира и вождя в массовом сознании «состоит в том, чтобы олицетворять двойную функцию, характерную для каждого пласта движения, – выступать в качестве магической защиты от внешнего мира и в то же время служить мостиком, с помощью которого масса связывает себя с внешним миром»¹⁴⁹ сознания, «чем поразительная быстрота, с какой забывают вождей, и пугающая легкость, с какой их могут заместить другие кумиры»¹⁵⁰. Это важная особенность массового сознания, в котором изначальная оторванность от исторической, культурной почвы, ощущение непреходящего одиночества, проявляются в неспособности к длительному усилию. Даже если это усилие касается всего лишь удержания внимания, сосредоточенности на каком-то объекте, пусть и представлявшемся ещё недавно образцом и идеалом.

Такая, невиданная в любой другой антропологической группе быстрота смены настроений, обусловлена ещё одним родовым признаком массового сознания – потребностью в непрерывном движении. Движение выполняет

---

¹⁴⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 421 с.

¹⁴⁹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 422 с.

¹⁵⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 423 с.

здесь роль, аналогичную той, что выполняет разделение мира на два противостоящих лагеря, противостоящих друг другу по любому вопросу. То есть с помощью движения преодолевается та самая изначальная бесструктурность массы, которая создаёт постоянную угрозу её самоуничтожения, самороспуска, самопроизвольной элиминации. Для сохранения структурного единства массе постоянно требуется движение, обновление, массу каждый раз заново актуализирующее и объединяющее. Постоянное движение, как и вышеописанный конфликт «двух лагерей», как раз и удерживает массу в единстве, постоянно структурируя постоянно сползающую в аморфность массу, регулярно обновляя массовое сознание: ведь «только пока они движутся, сами и приводят в движение все вокруг себя»¹⁵¹. Поэтому энергия движения, даже самого иллюзорного, всегда привлекательна для массового сознания – она же его и создаёт.

Особенностью и характерным признаком массового сознания, замеченным Х. Арндт, является его склонность к коллективному насилию, (которое в современном мире всё чаще всего принимает форму информационного шантажа). По Арндт, террор является спутником и обратной стороной идеологической обработки. Причём, насилие используется «не столько для запугивания людей, сколько для постоянного воплощения своих идеологических доктрин» массой. Масса и институты её влияния продолжают использовать террор даже тогда, когда первичные психологические цели подавления противника массы достигнуты – ведь насилие, даже только угроза его применения, вызывает наиболее яркие эмоции в массовом сознании. А, значит, способны эффективно воспроизводить формирующие его родовые признаки, каждый раз заново запуская двигатель механизма, обеспечивающего расширение массового

---

¹⁵¹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 425 с.

сознания, каждый раз заново производя его «пересборку» и «перепрошивку», говоря языком современных IT-технологий.

Беспочвенность, выпадение из традиционного «здравого смысла» и «классового интереса» предопределяют тот факт, что масса в своей эволюции может очень далеко отойти от самой связи даже с самыми простыми, на простом биологическом уровне конкретными интересами составляющих её людей. Просто потому, что, как подчёркивает Арендт, «не может пропаганда, основанная на отдельном интересе, эффективно распространяться в массах, отличающихся тем, что они не принадлежат ни к какому социальному или политическому организму и, следовательно, представляют собой поистине хаос интересов»¹⁵². Именно из этого состояния – фундаментального зачёркивания человеком массы в массовом сознании частных интересов вытекает присущей массе фанатизм. Как поясняет Арендт, «Фанатизм, отличающийся по качеству от даже самой необыкновенной лояльности членов обыкновенных партий является результатом отсутствия в массах собственного интереса»¹⁵³.

Выпадение массы из традиционных социальных взаимоотношений приводит к ещё одному удивительному явлению массового сознания. «Массы, в отличие от классов, желают победы и успеха как таковых, в их наиболее абстрактных формах», замечает Х. Арендт. Для массового сознания далёкие от повседневного массового бытия спортивные или военные победы всегда важнее личных, частных проблем, утрат и завоеваний. Эти, казалось бы, далёкие до полной абстрактности для рядового человека массы события, очень часто становятся для него важнее даже его собственного выживания. Арендт подчёркивает, что «Для них важнее победа безотносительная к случаю, и успех, независимый от того, что предпринимается, чем какое-то

---

¹⁵² Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 430 с.

¹⁵³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 431 с.

конкретное дело, способное принести победу, или особое предприятие, сулящее успех»¹⁵⁴. В этом явлении массового сознания проявляется суть внутримассовых связей – массу объединяет не конкретный, зримый, материальный интерес, а эмоция, сильное, мгновенное, ослепительное переживание, а также соответствие происходящего идеологическим установкам. Бегство в толпу. Сознание людей массы связывает их между собой, разово объединяет и разово структурирует не коллективным интересом и действием, как это может происходить, например, в сознательной деятельности классов, а коллективным переживанием, коллективной эмоцией. Которая, как известно, чем она сильнее, тем короче живёт.

Таким образом, не получая опыта целенаправленных коллективных действий, продиктованных конкретным материальным или моральным интересом, и обладая только опытом случайных коллективных эмоций по произвольным поводам, никак друг с другом не связанных, не вытекающих друг из друга, массы «не верят во что-то видимое, в реальность своего собственного опыта». Массы, по Арндт, «не верят своим глазам и ушам, но верят только своему воображению, которое может постичь что-то такое, что одновременно и универсально, и непротиворечиво самому себе. Не факты убеждают массы и даже не сфабрикованные факты, а только непротиворечивость системы, частью которой они, по-видимому, являются»¹⁵⁵.

Поиск массовым сознанием постоянного подтверждения незыблемо непротиворечивой картины мира становится логичной обратной стороной вечного его одиночества, порождённого ужасом выпадения из привычного общества.

---

¹⁵⁴ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 432 с.

¹⁵⁵ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 437 с.

Именно из такого этого состояния массового сознания рождается постоянное переформатирование массами реальности под свои – всегда идеологизированные – представления о ней. Так возникает явление, которое в современном нам мире принято называть «постправда»: «Другими словами ... массами овладевает желание уйти от реальности, потому что благодаря своей сущностной неприкаянности они больше не в состоянии постичь ее случайные, непонятные аспекты»¹⁵⁶. Тоска массового сознания по выдуманному им, никогда не существовавшему миру порождает различные, самые неожиданные социальные конструкты и конструкции. Но наиболее важным здесь является признание очевидного факта: уход масс от реальности – это обвинение против мира, в котором массе не нашлось места. Такое устойчивое ощущение, в свою очередь, порождает в массовом сознании постоянное желание переделки мира, реформаторства ради реформаторства, где конечной целью, идеалом становится общество без случайностей, предельно упорядоченное общество «искусственно построенной... непротиворечивой модели». Как пишет Арендт масса всегда создаёт «целый лживый мир непротиворечивости, который более соответствует потребностям человеческого разума, чем сама реальность. Именно в этом мире благодаря одному только воображению лишённые корней массы могли чувствовать себя как дома и избавиться от нескончаемых шоковых ситуаций, которые реальная жизнь и реальный опыт опрокидывают на человеческие существа и их надежды»¹⁵⁷.

---

¹⁵⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 437 с.

¹⁵⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 439 с.

2.3 Факторы, определяющие формирование массы, и её качественные характеристики в постмарксистской концепции М. Хардта и А. Негри.

Вольно или невольно, но Х. Арендт открыла, что даже на пике торжества массы, её тотальной, казалось бы, власти в оказавшемся «на переломе эпох» обществе становится неизбежное взаимодействие массы с классами, крупными не распавшимися в условиях кризиса и распада общества социальными группами – как принадлежащими к обществу уходящему, слабеющему, «старому», так и общественной формации только приходящей, «новой», наступающей. В свою очередь, одним из самых интересных открытий М. Хардта и А. Негри, в смысле характеристики свойств массы, её культуры и массового сознания, стало открытие принципиального нового характера власти, складывающегося в современном обществе в период его острого кризиса и в ходе потенциального перехода, трансформации его в глобальную Империю. Это «био-политический» характер власти.

То есть в новых условиях, условиях глобальной Империи, влияние массы, видимо, становится настолько всепроникающим, что для управления ею требуется построение систем управления и, как следствие, власти другого уровня. Намного более высокого уровня, доходящего и до биологического влияния на все стороны жизни массы. Показателем нового уровня организации власти, в наибольшей степени, соответствующей особенностям массового сознания – принципиально безличностного и стремящегося к демонстративной бессубъектности, становится сетевая организация и самоорганизация власти, не имеющая единого центра управления.

Причём, сделанный ранее в этом исследовании вывод о природной неуправляемости массы в протяжённом историческом времени, когда масса способна только на краткосрочные реактивные действия, продиктованные сильной эмоцией – в силу отторжения массой «вычисляемой» властью

рациональности и логики, а также подверженности массы, в силу приоритетно-эмоциональной организации массового сознания, практически любым видам манипуляции – доказывает, что власть становится децентрализованно-сетевой и биополитической именно потому, что больше нет других способов, «рычагов» управлять массой, лишённой традиционных рациональности, логики, устойчивых форм социализации, основанных на нравственных нормах.

То есть биовласть, биополитика, о которых говорят М. Хардт и А. Негри, а также целый ряд других философов (в первую очередь, введший этот термин в научный оборот М. Фуко), является прямым отражением прямого и недвусмысленного запроса массового сознания. Которое, получается, и порождает Империю – в том виде, как она описывается современными философами-постмарксистами.

Империя, таким образом, возникает, исходя из приоритетных задач массы. Важнейшими из них становятся, по М. Хардту и А. Негри, глобальное гражданство и свобода перемещения, а также «базовый доход». Собственно, само явление биополитической власти, предполагающей новую формулу осуществления власти – через влияние предельно глубокого, ненасильственно-биологического уровня, показывает, что масса, массовое сознание и массовый характер по-прежнему подвергается эффективному внешнему воздействию. То есть получается, что власть массы в глобальной Империи ограничена этим влиянием, какими-то другими, отдельными от неё, и, видимо, «немассовыми» по своей сути силами. То есть такое глубокое, сложное, сильное и комплексное внешнее воздействие на массу само собой доказывает, что комплексное устройство Империи возникает не из одних только желаний и капризов массы. Но и из взаимодействия массы с другими социальными общностями и антропологическими сущностями: классами и социальными группами, явно (и всё чаще неявно) присутствующими в обществе времён кризиса «модернити». Например, с олигархией, создающими описанную И. Валлерстайном олигополию, чиновниками-

этатистами, по-прежнему существующими рабочим классом и предпринимателями-капиталистами, может быть и с той группой, что А. Грамши называл «интеллигенцией» – ведь кто-то проводит квалифицированную оценку массы, глядя на неё явно со стороны, извне массы.

При этом, согласно М. Хардту и А. Негри, и сам новый, глобально-имперский характер власти и особенности взаимодействия власти с массой делают особенно актуальным один из главных вопросов политической философии, который «состоит в том, что править может только один субъект – монарх, партия, народ или человек; а социальные субъекты, не унифицированные и остающиеся многообразными, править не в состоянии и, напротив, требуют лидерства»¹⁵⁸.

Пытаясь понять новую реальность и системность взаимоотношений массы и других социально-антропологических общностей, чтобы дать, в том числе, и ответ на этот вопрос – о базовом суверенитете в грядущей, стремительно наступающей на нас глобальной сетевой Империи, философы-постмарксисты выявляют факторы, реально влияющие на сознание и состояние массы. Ведь уже установленные исследователями массы качественные характеристики массового сознания, характерные признаки массы как антропологической сущности, способны эволюционировать, подвержены изменениям, вследствие влияния различных факторов – так же, как это происходит с изначальной антропологической сущностью – человеком.

Первый такой фактор, которые выделяют М. Хардт и А. Негри – это детерриториализация грядущей Империи. То есть, по их мнению, «переход к Империи порождается упадком суверенитета современного типа. В противоположность империализму Империя не создает территориальный

---

¹⁵⁸ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 105 с.

центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды. Это – децентрированный и детерриториализованный, то есть лишенный центра и привязки к определенной территории, аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы»¹⁵⁹.

«Живая плоть» глобальной Империя – масса – своими антропологическими особенностями предопределяет и диктует и стиль (форму), и содержание принципиально новой системы организации власти, которая отныне «управляет смешанными, гибридными идентичностями, гибкими иерархиями и множественными обменах посредством модулирования командных сетей»¹⁶⁰. При этом основная идея новой Империи, таким образом, определяется отсутствием любых, хоть каких-то границ. «Её владычество не знает пределов»¹⁶¹, – подчёркивают М. Хардт и А. Негри.

Речь здесь идёт не столько даже об утверждении «пространственной всеобщности», сколько о наиболее адекватной изначальному состоянию массы, её особенностях, идеальной форме её существования – никаких ограничений, никаких самоопределений. То есть, по сути, власть Империи над всем «цивилизованным» миром становится закономерным продолжением, развитием идеи массы, как сущности, старательно избегающей самоидентификации. «Никакие территориальные границы не ставят пределов этой власти, ... сама идея Империи предстает не как способ правления, исторически восходящий к завоеванию, но скорее, как порядок, который на деле исключает ход истории и таким образом навсегда

---

¹⁵⁹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 105 с.

¹⁶⁰ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 101 с.

¹⁶¹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 101 с.

закрепляет существующее положение вещей»¹⁶², - поясняют М. Хардт и А. Негри.

Таким образом, принципиальная бессубъектность массы ведёт к нарастающей бессубъектности человечества в глобальной Империи. Только в таком случае – искоренения субъектности в человеке и человечестве, «нынешнее положение вещей будет существовать всегда и ему всегда было предназначено быть таким»¹⁶³. Иначе говоря, подчёркивают философы-постмарксисты, «Империя представляет свое владычество не как преходящий момент в движении истории, а как способ правления вне каких бы то ни было временных рамок и в этом смысле – вне истории либо как конец истории»¹⁶⁴.

Вторым важнейшим фактором, определяющим состояние массы как антропологической сущности на нынешнем «переломе эпох» – из «модернити» в Империю – становится тот, невиданный ранее факт, что новая власть, власть Империи «распространяется на все уровни социального порядка, достигая самых глубин социального мира». Как собственно, и должно быть, если пытаться осуществлять управление столь переменчивой и столь непостоянной сущностью, как масса. Именно поэтому, исходя из принципов существования массы, Империя вынуждена действовать таким образом: она «не только управляет территориями и населением, она создает тот мир, в котором живет»¹⁶⁵. Именно исходя из особенностей характера массы, Империя, «не только регулирует отношения между людьми, но также стремится к непосредственному овладению человеческой природой».

---

¹⁶² Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 111 с.

¹⁶³ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 113 с.

¹⁶⁴ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 114 с.

¹⁶⁵ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 115 с.

Именно поэтому «объектом её контроля является общественная жизнь в ее целостности»¹⁶⁶.

Повинуясь влиянию массы, новая власть – Империя «выхолащивает время, лишает историю ее временного измерения и помещает прошлое и будущее в рамки собственного этического порядка»¹⁶⁷. Другими словам, важнейшим фактором, определяющим существование массы в глобальной Империи, становится переход от предыдущего «дисциплинарного общества», пытающегося прямым и косвенным воздействием заставить массу принимать какие-то формы, устанавливая границы, разделительные линии в ней, лишая её аморфности, к обществу контроля, не требующему от массы трансформаций и идентификаций, а принимающего эту аморфность как основу нового порядка. Порядка, который в силу неделимой никакими идентификациями аморфности, становится «постоянным и вечным»¹⁶⁸.

М. Хардт и А. Негри заявляют: «мы должны понять общество контроля как общество, ... где механизмы принуждения становятся еще более «демократическими», еще более имманентными социальному полю, распространяясь на умы и тела граждан. Таким образом, практики социальной интеграции и исключения, свойственные системе управления, все более и более становятся внутренней сущностью самих субъектов»¹⁶⁹. Таким образом, когда власть становится полностью биополитической, с одной стороны, «социальное тело целиком поглощается машиной власти и

---

¹⁶⁶ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 116 с.

¹⁶⁷ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 117 с.

¹⁶⁸ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 118 с.

¹⁶⁹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 123 с.

развивается в её виртуальности»¹⁷⁰. Но, с другой стороны, аналогично складывается и ситуация с властью, поглощаемой массой. С одной стороны, «общество, поглощенное властью, добравшейся до центров социальной структуры и процессов ее развития, реагирует как единое тело». А «власть выражает себя как контроль, полностью охватывающий тела и сознание людей и одновременно распространяющийся на всю совокупность социальных отношений»¹⁷¹. С другой стороны, в таком совокупном процессе, основанном на базовой утрате идентичностей, разделить, что здесь власть, а что масса, так сказать, общество, становится почти невозможно. Неслучайно и показательно, что «легитимация имперской машины рождается ... из индустрии коммуникаций»¹⁷². «Это субъект, который производит свой собственный образ власти. Это форма легитимации, которая основывается только на себе самой и непрестанно воспроизводится, развивая собственный язык самоподтверждения»¹⁷³, - отмечают философы.

«Массы вызвали Империю к жизни», - прямо говорят М. Хардт и А. Негри¹⁷⁴, указывая на расширение форм, способов и видов всегда присущего массе «прямого действия» – незаконного, с точки зрения морально-правовых норм уходящей цивилизации, насилия. Они отмечают, что «на самом деле арсенал возможностей легитимного имперского вмешательства весьма обширен, и он может включать в себя не только военную интервенцию, но и другие формы, такие как моральное или правовое

---

¹⁷⁰ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 125 с.

¹⁷¹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 125 с.

¹⁷² Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 126 с.

¹⁷³ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 128 с.

¹⁷⁴ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 129 с.

вмешательство. На самом деле способности Империи к вмешательству лучше понимать не как немедленное применение смертоносного оружия, а как использование для начала моральных инструментов. То, что мы называем моральным вмешательством, сегодня осуществляется множеством структур, включая СМИ и религиозные организации, но ключевыми могут быть названы некоторые из так называемых неправительственных организаций (НПО), которые, именно потому что они не действуют напрямую от имени правительства, руководствуются, как принято считать, моральными и этическими императивами»¹⁷⁵. При этом предельная «атомизация», как базовый признак массы, в глобальной Империи предстаёт как «разобщение масс, разъединение их на противоборствующие лагеря или, точнее, на мириады конфликтующих друг с другом партий»¹⁷⁶.

Такие признаки массового сознания, как негативность, отказ от участия, обнаружение пустоты, пронизывающей все вокруг, становится одновременно признаками безоговорочного «помещение себя в имперскую реальность, которая определяется кризисом». Причём вечный кризис стал единственным содержанием Империи побеждающей массы: «Империя – это пустыня, а кризис здесь неотличим от хода истории»¹⁷⁷.

«Это полночь в ночи призраков. И вновь воцарившаяся Империя, и массы, обладающие новыми созидательными способностями, основанными на интеллекте и кооперации, движутся в потемках, и ничто не может осветить нашу дальнейшую судьбу», - заявляют М. Хардт и А. Негри¹⁷⁸.

Общий характер господства массы в глобальной Империи «в действительности составляют три различные движущие силы, три момента:

---

¹⁷⁵ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 47 с.

¹⁷⁶ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 140 с.

¹⁷⁷ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 54 с.

¹⁷⁸ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 60 с.

один – включающий, другой – дифференцирующий и третий – момент управления»¹⁷⁹.

Первый момент, вытекающий из сути массы, заключается в том, что в глобальной Империи массы «все желанны в пределах ее границ безотносительно к расе, вероисповеданию, цвету кожи, полу, сексуальной ориентации и так далее. В своем включающем аспекте Империя слепа к различиям; она абсолютно нейтральна к ним. Она принимает всех, отодвигая в сторону различия, которые являются устойчивыми или не поддаются контролю и, тем самым, могут дать толчок социальному конфликту»¹⁸⁰. Такое содержание, предугаданное в директивном для массы пренебрежением к различиям составляющих массу людей – потому что именно из этого отрицания различий масса и возникает, этим отрицанием оформляется, институализируется – ещё раз отмечает отмену любых границ как базовый признак Империи массы. «Империя не укрепляет свои границы для того, чтобы оттолкнуть других, но, скорее, втягивает их в свой миролюбивый порядок подобно мощному водовороту. Скрывая линии разделения и различия или пренебрегая ими, Империя являет собой разновидность однородного пространства, по которому без значительного сопротивления или конфликта скользят субъективности. А точнее – бессубъектности»¹⁸¹.

Показательно, что продолжением присущей именно массе бессубъектности становится и второй, казалось бы, дифференцирующий, а значит, и созидающий идентичности, момент в создании Империи массы. Потому что и здесь не так, как прежде: «различия рассматриваются теперь как принадлежащие области культуры и случайные, а не как биологические и

---

¹⁷⁹ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 61 с.

¹⁸⁰ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 63 с.

¹⁸¹ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 68 с.

сущностные... Они являются неконфликтными различиями, видом различий, которым мы можем пренебречь, если это необходимо»¹⁸².

И самым показательным – в смысле понимания степени влияния базовых признаков массы на глобальную Империю – становится следующий за дифференцирующим моментом момент управления и иерархического структурирования. Дело в том, что и здесь, где, казалось бы, невозможно избежать проведения границ, подразумеваемых самим понятием иерархии, самим принципом управления – как раз из разграничения-то и вырастающего – границ не возникает. Империя, по М. Хардту и А. Негри, «подобно самодеформирующейся форме, которая постоянно меняется, от одного мгновения к другому, или подобно сетчатому фильтру, чьи ячейки изменяются от одной точки к другой»¹⁸³. Империя, как масса в своём, так сказать, природном состоянии, «имеет дело со множеством сложных переменных, которые постоянно меняются и позволяют принять самые различные, всегда неокончательные... решения». «Империя не создает разделение, а скорее признает существующие или потенциальные различия, приветствует их и управляет ими в рамках общей экономики господства. Тройственный императив Империи суть инкорпорируй, дифференцируй, управляй» приходит на смену требующего идентичности «Разделяй и властвуй!»¹⁸⁴.

Характерно, что новый суверенитет, как того и требует неспособная к самооформлению, всегда «текучая» масса, «организуется не вокруг одного основного конфликта, но, скорее, посредством гибкой сети микроконфликтов». При этом, «противоречия имперского общества являются неуловимыми, множащимися и нелокализуемыми», а «суверенитет

---

¹⁸² Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 70 с.

¹⁸³ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 71 с.

¹⁸⁴ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 72 с.

определяется разложением... правление функционирует за счет разрушения»¹⁸⁵.

В этом наблюдении философов-постмарксистов хотелось бы особенно подчеркнуть ещё одно применение «говорящих слов». Так применяемое первыми исследователями массы определение «новое варварство» само собой выдавало картину общества, которому предстоит разрушение – ибо варвары это, в первую очередь, те, кто разрушил Рим. Так и применение определения «разложение» в отношении «власти массы» в современном нам и трансформирующемся обществе само собой выдаёт ещё одну важнейшую характеристику современной массы. Это она, масса, разлагается. Разлагается на обретающие новую самоидентичность, идущие путём самоидентификации и самоопределения людей и группы людей. То есть масса объективно ведёт себя так же, как это было во все другие времена, предшествовавшие возникновению из массы нового «народа». На это собственно прямо указывают М. Хардт и А. Негри: «разложение не является aberrацией имперского суверенитета, но самой его сущностью и *modus operandi*»¹⁸⁶.

На то, что современная масса находится в состоянии разложения, указывает несколько признаков. Одним из самых явных и ярких из них является сегментация массы, в том числе, сегментация как обязательная маркетинговая и коммуникационная технология, сегментация как основа любого взаимодействия в современном обществе. Особенно сегментация по вторичным признакам – то есть в этом случае подтверждающая существующую глубину разложения массы.

Утверждение, что «сам по себе маркетинг является практикой, основанной на различиях, и чем больше дано различий, тем больше возможностей развития маркетинговых стратегий»¹⁸⁷ приводит к однозначному выводу о том, что «каждое различие является возможностью»

---

¹⁸⁵ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 75 с.

¹⁸⁶ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 77 с.

¹⁸⁷ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 78 с.

обретения «целевыми группами» устойчивой самоидентификации, прямо ведущей к самоопределению. Ведь «всё более неоднородное и дифференцированное население обеспечивает растущее число «целевых групп», к каждой из которых можно обратиться со специфическими маркетинговыми стратегиями»¹⁸⁸.

Если учитывать, что первичным фактором возникновения массы становится утрата индивидами-«атомами» культурных корней, привычной среды обитания, крепких социальных статусов, то очевидно, что современная сила власти массы проистекает из невиданной прежде глобальной мобильности людей. Десятки и сотни миллионов людей, в поисках работы, лучшей жизненной доли покидают родину, привычные места обитания, выпадают из вековых культурных традиций. «В течение нескольких десятилетий в ходе процесса модернизации происходили массовые миграции из сельских районов в столичные центры в пределах каждой страны и по всему миру»¹⁸⁹. Перед нами постоянно предстаёт картина невиданного прежде глобального перемещения громадных масс людей, теряющих в ходе этого процесса свою национальную, родовую, личную идентичность. И все они становятся решающим фактором в формировании и распространения массового сознания, скачкообразного роста влияния массы в обществе, пришедшем на «перелом эпох».

В то же время совершенно бесспорным фактором, оказывающим влияние на качественные характеристики массы, становится то, что «огромные группы населения воспринимают мобильность как страдание», в том числе и потому, что им «приходится перемещаться со всё возрастающей скоростью, оказываясь при этом в ужасающих условиях»¹⁹⁰. Как подчёркивают философы, даже «самый беглый взгляд на мир, от Центральной Америки до Центральной Африки и от Балкан до Юго-

---

¹⁸⁸ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 77 с.

¹⁸⁹ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 80 с.

¹⁹⁰ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 85 с.

восточной Азии, выявит ужасное состояние тех, кому навязана такая мобильность»¹⁹¹. В этом смысле, попытка выбраться из массы путём установления своей инаковости, своей уникальной идентичности, закономерно ведущего к самоопределению, становится путём освобождения от страданий – то есть одной из самых важных и результативных человеческих мотиваций.

Важным фактором, оказывающим влияние на новые черты характера массы, становится и то, что разложение нового суверенитета функционирует за счет разрушения. «Имперское общество всегда и везде разрушается. В этом и состоит его социальное движение, его сущность»¹⁹². Как и масса, так и новая, происходящая от неё власть Империи «основана на разрыве всякого ясно установленного онтологического отношения. Разложение есть просто знак отсутствия любой онтологии»¹⁹³. В таком состоянии суверенитет «стабилизируется своей нестабильностью», утверждается «паникой и беспокойством, которые он постоянно порождает». «Другой, способный обозначить границы суверенной Самости периода современности, утратил целостность и четкость, и более не существует внешнего, призванного задавать территориальные пределы распространения суверенитета. Внешнее является тем, что придавало кризису его внутреннюю взаимосвязанность. В наши дни американским идеологам все сложнее назвать одного, главного врага»¹⁹⁴.

По М. Хардту и А. Негри, переход от суверенитета эпохи современности к суверенитету имперскому означает переход «от народа к массам, от диалектического противопоставления к управлению смешанными образованиями, от четко выделенной локальности современного суверенитета к а-локальности Империи, от кризиса к разложению». И вновь

---

¹⁹¹ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 181 с.

¹⁹² Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 182 с.

¹⁹³ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 183 с.

¹⁹⁴ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 181 с.

«новая кочевая орда, новая раса варваров возникнет, чтобы завоевать или разрушить Империю»¹⁹⁵.

Общую тенденцию эволюции современной массы в новых варваров, созидающих новый «народ», философы-посмарксисты называют так – «антропологический исход». По их словам, «понятие антропологического исхода всё еще весьма двусмысленно, поскольку его методы, гибридизация и мутация, тождественны способам функционирования имперского суверенитета... но воля быть против, на самом деле, нуждается в таком теле, которое будет совершенно неподвластно принуждению»¹⁹⁶.

Именно поэтому сейчас «новый варвар не видит ничего постоянного. Но именно по этой причине он повсюду находит пути. Там, где другие встречают стены или горные вершины, он тоже видит путь. Однако поскольку он повсюду видит путь, он должен повсюду его расчистить... Поскольку он видит пути повсюду, он всегда стоит на перепутье, никогда не зная, что принесет с собой следующий миг. Все существующее он превращает в руины, но не ради разрушения, но, чтобы проложить через них путь... Новые варвары разрушают утверждающим насилием, прокладывая новые тропы жизни посредством собственного материального существования»¹⁹⁷.

Таким образом, когда диалектика внутреннего и внешнего, в силу особенности характера доминирующей в Империи массы, подходит к концу, «и когда обособленная локальность потребительной стоимости исчезает с имперских территорий, на новые формы рабочей силы возлагается задача по производству нового человека (или, на самом деле, постчеловека). В первую очередь эта задача будет решаться при помощи новых, все более и более аматериальных форм аффективного и интеллектуального труда, в

---

¹⁹⁵ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 181 с.

¹⁹⁶ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 182 с.

¹⁹⁷ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 183 с.

образуемом ими сообществе, посредством искусственности, предлагаемой ими в качестве проекта»¹⁹⁸.

---

¹⁹⁸ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 204 с.

Глава III. Диалектика развития массы в современном мире

3.1 Масса как среда, порождающая сопротивление власти масс, в постмарксистской теории Множества и множеств М. Хардта и А. Негри.

Разложение Империи массы, объективным свидетельством конечности которой является замеченное М. Хардтом и А. Негри появление «новых варваров» – то есть хотя ещё только потенциальных, но уже получивших имя, конкретное обозначение разрушителей ещё неустановившегося глобального имперского мира – ставит на повестку дня любого исследования такой, как оказывается, всё более значимой и всё более влиятельной антропологической сущности как масса, вопрос о том, в какие формы может масса трансформироваться – при, получается, объективно неизбежном окончательном своём разложении, закономерно приводящем к распаду Империи.

Для того, что попробовать спрогнозировать процесс трансформации, а, точнее, закономерной эволюции массы в пост-имперское время, философы-постмарксисты логично обращаются к изучению экономического базиса современного общества. Ведь именно там, в постижении сути невиданных ранее, новых современных экономических отношений и должны скрываться базовые принципы существования и фундаментальные качественные характеристики массы нового, пост-имперского и, вероятно, пост-массового по своему главному содержательному принципу, общества.

Устройство мира определяется устройством, системной организацией нового производства. М. Хардт и А. Негри констатируют, что «в заключительные десятилетия XX века индустриальный труд утратил гегемонию, и на смену ему пришел «неовещественный» труд, то есть - обеспечивающий либо создание нематериальных благ (знаний, информации,

связей или отношений), либо эмоциональной реакции»¹⁹⁹. При этом «нематериальный труд имеет тенденцию приобретать общественную форму сетей, основанных на коммуникации, сотрудничестве и эмоциональной привязанности»²⁰⁰.

Главным следствием распространённости нематериального или, точнее, «неовеществлённого» труда становится появление так называемой «неовеществленной» собственности²⁰¹. М. Хардт и А. Негри предполагают, что деятельность, которую характеризует постоянное неовеществлённое сотрудничество между бесчисленными индивидуальными производителями, производящими информацию, не создает настолько овеществлённый продукт, что его можно было бы обращать в частную собственность.

При этом, ещё одним важным изменением становится изменение характера современной трудовой деятельности, которое приводит к стиранию границ между рабочим временем и свободным временем, между деятельностью на производстве и «работой для себя», между отчужденной деятельностью и творчеством²⁰². Исходя из этой посылки М. Хардт и А. Негри приходят к выводу о том, что теперь «среди различных форм труда нет... приоритетных форм: ныне всякий труд задействован в общественном производстве»²⁰³, а присущее современности, то есть «модернити», движущемся в глобальную Империю, «производство знаний, языковых форм, сетей коммуникаций и отношений социального сотрудничества охватывает

---

¹⁹⁹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 139 с.

²⁰⁰ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 91 с.

²⁰¹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 380 с.

²⁰² Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 90 с.

²⁰³ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 137 с.

все общество, включая его беднейшие слои»²⁰⁴. Как подчёркивают авторы «Множества», «общественное производство осуществляется сегодня внутри и за пределами фабричных стен, оно в равной мере присутствует в рамках отношений найма и вне таковых. Нет общественной черты, которая разделяла бы производительных и непроизводительных работников» Поэтому и приходит «пора полностью отказаться от старого марксистского противопоставления производительного и непроизводительного труда»²⁰⁵.

Именно в этих условиях – общего нематериального и «неовеществлённого» в привычных формах общественного труда – и рождается, возникает новая антропологическая сущность, приходящая, по мнению М. Хардта и А. Негри, на смену массе времён «модернити» и времён Империи. Эту сущность по аналогии с гоббсовской теорией следовало бы назвать «народ», но М. Хардт и А. Негри называют его Множеством – *multitude* (так, кстати, Гоббс обозначал толпу, массу). «С социально-экономической точки зрения множество представляет собой общий субъект труда, то есть подлинное, воплощенное в жизни постмодернистское производство»²⁰⁶, так поясняют его возникновение философы-постмарксисты.

Они утверждают, что «капиталу хотелось бы превратить множество в органическое единство, точно так же, как государство стремится переплавить его в народ»²⁰⁷. Однако сущность биополитического производства такова, по их словам, что тело этого «множества» в процессе внешнего давления

---

²⁰⁴ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 166 с.

²⁰⁵ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 173 с.

²⁰⁶ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 280 с.

²⁰⁷ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 281 с.

трансформируется в новый организм, который оказывается одновременно и внутри процессов капиталистической глобализации, и находится в противостоянии им.

Причём природа биополитического производства позволяет множеству сосредотачивать против имперской мощи всемирного капитала всё то, что в нем есть общего и что оно производит сообща. «Со временем, развив свой потенциал, основанный на такой общности, множество способно пройти сквозь Империю и выйти на волю, чтобы свободно выразить себя через самоуправление»²⁰⁸, - утверждают М. Хардт и А. Негри. Они подчёркивают, что возникающее из массы в глобальной Империи множество имеет волю к сопротивлению потому что «Множество – понятие классовое». Которое, как невиданный ранее, «рассеянный по миру» неструктурированный класс, будет формироваться, приобретать новые, невиданные раньше свои форму и структуру в ходе своей классовой борьбы. Точно по такому же сценарию, какой был заявлен во Франции Жаном-Полем Сартром в отношении еврейства и антисемитизма: еврейство порождено антисемитизмом. Как замечают М. Хардт и А. Негри, «раса возникает вследствие совместного сопротивления расовому угнетению. Экономический класс формируется аналогичным образом, а именно – в коллективных актах сопротивления»²⁰⁹.

Обращаясь к исторической реминисценции авторы «Множества» замечают, что не овеществлённый «нематериальный труд оказался сегодня в положении, которое 150 лет назад занимал промышленный труд, когда на его долю приходилась лишь небольшая часть мирового производства и он был сосредоточен в ограниченной части мира, но, тем не менее, довлел над всеми

---

²⁰⁸ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 285 с.

²⁰⁹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 187 с.

другими производственными формами»²¹⁰. Современное значение нематериального труда в производстве нового общественного продукта оказывают трансформирующее воздействие на всю систему общественного устройства – от работы экономического механизма до организации всего глобального культурного процесса. Из этого общего и солидарного действия и возникает множество, которое, по их словам, «формируется только там, где возникает нечто общее – взаимодействия, коммуникации, новые формы нематериальной деятельности».

Таким образом, понятие множества, по признанию М. Хардта и А. Негри, «призвано продемонстрировать, что ... нет необходимости противопоставлять единство и множественность. Множество – это плюральность, не поддающаяся упрощению; единичные различия, присущие множеству, всегда должны находить выражение и не должны нивелироваться до состояния одинаковости, единства, общей идентичности»²¹¹. Как будто сами удивляясь такому, невиданному пока в социальной истории человечества явлению, авторы теории множества отчаянно заявляют, что «Множество – не просто дезинтегрированная и рассредоточенная многообразность, множество – «это личности, действующие сообща»²¹². То есть, возвращаясь к гоббсовской теории, согласно которой масса неизбежно трансформируется в антропологическую сущность нового типа, нового качества (Гоббс называл её «народ»), можно увидеть, что в новом возможном пост-имперском и пост-глобальном будущем, произойдёт то же, что случилось с массой раньше. Она пройдёт обязательную для рождения «личности» процедуру самоидентификации и самоопределения. Пусть даже

---

²¹⁰ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 207 с.

²¹¹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 178 с.

²¹² Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 178 с.

это будет самоидентификация, требующая невиданного пока равенства между различными идентичностями.

Убеждённые в объективной неизбежности такого развития событий, М. Хардт и А. Негри даже призывают: «нужно задаваться не вопросом: «Что такое множество?», а вопросом: «Чем может стать множество?». Ведь понятно, что присутствие неких общих черт вовсе не будет означать одинаковости. Во все не будет означать единства «унифицированного суверенитета», подверстывающего «личность» под единственно возможного «суверена». Масса, как источник рождения Множества, видимо, задаст ему базовый принцип существования – без суверена, которого, кстати, никогда не было у массы, просто в силу её, массы, всегдашней структурной нестабильности, порождённой её природной бессубъектностью. Поэтому родовым признаком множества, по Хардту и Негри, будет не поиск суверена, а идентичность, установленная через «отсутствие власти», через «кооперацию и сотрудничество не на базе частного, а на базе общего»²¹³.

Чтобы ещё раз разъяснить сотворённое ими понятие множества, философы-постмарксисты противопоставляют множество традиционному гоббсовскому понятию «народа». Они пишут: «В народе социальные различия синтезируются или сокращаются до состояния единообразия. Множество, напротив, не является внутренне единым, а сохраняет плюралистичность и разнообразие»²¹⁴. Такое устройство множества, рождаемого массой глобальной Империи, утверждает принципиально новое состояние, в котором «народ может выступать в качестве суверенной власти, а множество для подобной роли не годится. Оно состоит из собрания личностей – под каждой из них мы подразумеваем социального субъекта, чья оригинальность не может быть сведена к чертам сходства и отличает его от

---

²¹³ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 186 с.

²¹⁴ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 187 с.

других»²¹⁵. При этом, «составляющие народ индивиды неотличимы в их единстве; они обретают идентичность, только закрыв глаза на различия между собой»²¹⁶. Именно поэтому «образующие множество разнообразные личности противостоят недифференцированному единству народа»²¹⁷.

Поясняя далее отличие множества от массы, М. Хардт и А. Негри утверждают, что «компоненты «массы» или «толпы» не проявляют себя как личности»²¹⁸. Таков ключевой признак отличия будущего множества от современной массы. По их мнению, масса «в основе своей пассивна в том смысле, что не способна действовать самостоятельно». Практически цитируя Гоббса, М. Хардт и А. Негри утверждают, что масса («толпа, сборище или сброд», по их определению) может «играть свою общественную роль..., но не способна к проявлению воли»²¹⁹.

Рождение и характерные признаки множества же, по их словам, предопределяет уже не частная идентичность, а нечто общее, пусть пока и невыразимое в конкретных определениях. «Множество – внутренне разнообразный, сложный социальный субъект, строение и деятельность которого базируются не на идентичности или единстве (и тем более не на отсутствии различий), а на том, что в нем есть общего»²²⁰. То есть, как утверждают в своей работе М. Харди и А. Негри, это будущее множество,

---

²¹⁵ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 189 с.

²¹⁶ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 189 с.

²¹⁷ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 190 с.

²¹⁸ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 192 с.

²¹⁹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 193 с.

²²⁰ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 194 с.

«оставаясь пестрым и сохраняя внутренние различия, тем не менее, способно действовать совместно и таким образом управлять самим собою» Потому что «множество – это не политический организм, в котором кто-то один командует, а остальные подчиняются его приказам. Скорее, это самоуправляемая живая плоть»²²¹.

Как поясняет в Предисловии к русскому изданию «Множества» В.И. Иноземцев, множество «они называют сингулярностью, или сингулярием (singularity). Применяя понятие, которым пользуются в естествознании и которое образовано от латинского *singularis* - отдельный, особый. Сингулярий является своего рода «квантом» множества. Но, в то же время, в множестве невозможно встретить двух одинаковых сингуляриев²²². Рассуждая о сингулярии, М. Хардт и А. Негри имеют в виду «социального субъекта, чья оригинальность не может быть сведена к чертам сходства и отличает его от других»²²³, - поясняет В.И. Подчёркивая принципиальность отличия «атомов» множества от «атомов» массы именно по этому признаку – потому что вторые «are not singularities». То есть «не личности», не «отдельные» и «не особые» в буквальном переводе с английского. Таким образом, в Множестве под личностью понимается нечто большее – большее и «человека, который не может и не должен презрительно считаться компонентом безликой и серой массы»²²⁴, и человека, который ищет идентичности в общей воле единого гоббсовского народа²²⁵.

---

²²¹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 195 с.

²²² Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 44 с.

²²³ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 45 с.

²²⁴ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 51 с.

²²⁵ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 51 с.

«Нет такой личности, которая не конституировалась бы во множестве. Нет коммуникации, которая не имела бы всеобщего характера, поддерживающего и приводящего ее в действие. Нет и такого производства, которое не было бы одновременно сотрудничеством, основанным на общности. При таком биополитическом устройстве множества пересекаются с другими множествами, и из тысяч точек пересечения, из тысяч корней, соединяющих множественные производства, из тысяч отражений, рождающихся в каждой личности, неизбежно восстает жизнь множества. Множество представляет собой разрозненный набор личностей, порождающий общую жизнь; это своего рода социальная плоть, организующая саму себя в качестве нового общественного тела», - прогнозируют М. Хардт и А. Негри²²⁶. Само конституирование множества несёт на себе отпечаток происхождения его из массы – бессубъектной и поэтому «безъязыкой». Множество рождается и конституирует само себя, становясь «чем-то вроде языка, способного к самовыражению»²²⁷. При этом, с учётом того, что человеческой истории пока неизвестны такие единые, целостные социальные сущности, главным принципом которых становился бы отказ от концептуального единства, М. Хардт и А. Негри совершают попытку верификации своей концепции Множества. Для этого они доказывают, что «серьезные различия, которые прежде разделяли трудящихся, действительно более не существуют, другими словами, что сложились условия, позволяющие разным типам труда общаться, сотрудничать и наработать общность»²²⁸.

---

²²⁶ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 420 с.

²²⁷ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 409 с.

²²⁸ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 415 с.

Главным основанием того, что такое множество имеет основания быть по М. Хардту и А. Негри является мнение, что «Современное множество едино в своем желании конституироваться как множество». Но, как подчёркивают философы-постмарксисты, «это еще не значит, что оно знает, как это можно сделать»²²⁹. Матрицей неразменной свободы таких личностей и одновременно базовым условием трансформации массы в множество М. Хардт и А. Негри считают «активность таких личностей». Подразумевая, по всей видимости, эту активность как прямое следствие «выпадения их из массы» - по причине возникновения, видимо, какой-то всё-таки новой идентичности, рождение которой всегда как раз и сопровождается бурной экспансией, добывающей прежнее, «старое», уходящее, слабеющее общество, предыдущую формацию.

При этом активность и экспансия, видимо, доходят до такого состояния, когда просто «нет другой основы для производства норм, кроме множества»²³⁰, а, в свою очередь, такое «множество оказывается единственным социальным субъектом, которое способно реализовать идею демократии, понимаемой как управление каждого каждым»²³¹. В таком экспансивном «созидание демократии» главным вопросом, по признанию М. Хардта и А. Негри, вновь становится вопрос о суверене, вопрос о власти – ведь именно обретение власти, пусть и невиданного прежде типа, «это единственный путь, позволяющий закрепить власть множества»²³².

---

²²⁹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 417 с.

²³⁰ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 258 с.

²³¹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 131 с.

²³² Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 272 с.

Таким образом, в описании трансформации массы в множество, созданной М. Хардтом и А. Негри, «речь идет о создании новой формы социальной организации, ... в которой личности контролировали бы через свою биополитическую активность блага и услуги, обеспечивающие воспроизводство множества. Все это ознаменует переход от республики (Res-pubUca) к рес-коммуне (Res-communis)»²³³. Они полагают, что иерархичность и дисциплинированность обществ эпохи модернити может быть с успехом заменена творческим взаимодействием сингуляриев, которые и будут составлять множество²³⁴.

При всей изначальной сложности прогнозирования реально возможной эволюции столь явно недоизученной и столь постоянно и непрерывно изменчивой антропологической сущности, как масса, М. Хардт и А. Негри, тем не менее, сумев выделить разложение субъектности как базовый принцип её существования, показали неизбежность того, что этот процесс когда-нибудь постигнет и её, массу. Понятно, что в условиях объективно идущего кризиса и разложения глобального массового общества, с одной стороны, а, с другой стороны, в условиях не овеществлённого «биополитического» и общественного производства, на авансцену истории должна выйти новая антропологическая сущность, определяемая именно этими факторами. Причём, очевидно, что определяющей для её утверждения в обществе будет становится созидательная деятельность – то есть та, что определяется весьма своеобразная устройством производства общего продукта, далеко не всегда сводимая к привычному материальному труду, далеко не всегда сводимая к прямым оценкам в стоимости, далеко не всегда привязанная к привычным способам самоидентификации и отстаивания своей идентичности. Такой взгляд на будущую эволюцию массы,

---

²³³ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 256 с.

²³⁴ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 110 с.

проистекающую из её качественных характеристик и, что называется родовых признаков массы, должен быть признан интересным и адекватным, «уже хотя бы потому, что возникающее новое основание деятельности общества практически однозначно лишает его всякой возможности развиваться в прежнем капиталистическом русле», - не сомневается автор Предисловия к русскому изданию книги «Множество» В.И. Иноземцев.

3.2 Евреи как модельный образец множества и модель группового сопротивления власти массы в постмарксистской классовой концепции Х. Арндт

Невиданный ранее мир полного и, возможно, окончательного торжества массового сознания, возникший из фактической отмены классов в ультраиндустриальном и ультраимпериалистическом мире глобальной Империи, описанный Хардтом и Негри, уже в силу своей абсолютной новизны не может, к сожалению, представить, показать, продемонстрировать нам конкретные примеры того, как складывается, самоорганизуется и развивается идущее на смену массе множество. Поэтому, на мой взгляд, было бы естественным поискать аналогичные примеры «множеств» в прошлом, в тех эпохах, когда власть массы, массового сознания в какой-то период была почти так же, как ныне, велика, необъятна и, что особенно значимо, безгранична. Но, тем не менее, со временем была повержена созидательной повесткой дня, рождённой позитивным действием «множеств» своего времени – от классического «гоббсовского» народа, прошедшего путь самоопределения и самоидентификации, до по-марксовски конкретных классов, в борьбе за свои конкретные классовые интересы, вольно или невольно, но глубоко объективно, по суровому, но справедливому закону

единства и борьбы противоположностей, толкавших вперёд тяжёлую социальную колесницу человечества.

Х. Арендт, и как сторонний вольный философ-наблюдатель, и как часть массы, вырванная из корней своего традиционного социального статуса трансформацией переживающего острейший кризис немецкого общества-цивилизации, такое множество, вероятно, могла бы попытаться разглядеть в немецких евреях. В той, то есть, близкой ей части немецкого социума, спровоцированного на нарастающее сопротивление постоянно растущей угрозой со стороны немецкой массы: из-за, с одной стороны, резко увеличивающегося в немецком обществе в кризисные времена антисемитизме, а, с другой стороны, по причине прямого террора в отношении не совершивших никаких преступлений, но при этом постоянно наказываемых евреях.

Каковы же характерные признаки подобной социальной группы, вынужденной обществом к сопротивлению, к борьбе за своё существование в условиях крайне враждебной среды, но, одновременно, не способной существовать вне этого общества, неотторжимой частью которого такая социальная группа является?

Первой возможной объективной и базовой для возникновения характеристикой такого «множества» можно считать, наверное, объединение в множество через непрерывную актуализацию им самим чрезвычайно опасной, грозящей самому существованию идентичного множества внешней угрозы. «В этой ситуации евреи, стремившиеся обеспечить выживание своего народа, ... ухватились за утешительную идею, что антисемитизм может, в конце концов, выступить превосходным средством удержать народ вместе. Так что извечный антисемитизм способен даже предстать как вечная гарантия еврейского существования»²³⁵ - так описывает подобную

---

²³⁵ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 190 с.

модельную ситуацию (в отношении евреев) Х. Арендт. Таким образом, сама по себе внешняя, по отношению к множеству, угроза является тем, что заставляет множество принимать форму. Другими словами – сплачивает его, непрерывно актуализируя при этом те самые его базовые принципы и признаки, которые привели к выделению такого множества из массы. То есть угроза сама по себе и становится важным условием существования такого множества. При этом подобное явление является логичным развитием признака массы, которая изначально аморфна и приобретает структуру только в порядке реакции на какое-то внешнее воздействие.

Своеобразным развитием этого признака становится, если исходить из примера немецких евреев, как он описывается Х. Арендт, вероятно, демонстративная презентация множеством себя массовому обществу как невинной жертвы. Поскольку для массы, массового общества приоритетными являются краткосрочные и поэтому ярко эмоционально окрашенные реакции на раздражитель, из которых и складываются «убеждения» массы, выразительный образ невинной жертвы становится способом целенаправленного «воспитания» массового сознания, создания в нём если не устойчивых архетипов, как это происходит в идентичном народе, то продолжительных впечатлений. С одной стороны, подобная коммуникационная технология взаимодействия между массой и множеством способна вполне адекватно, так сказать, природным принципам устройства массы, естественной схеме организации и существования массового сознания. И, с другой стороны, как и в случае с актуализацией внешней угрозы, придаёт и множеству, и взаимодействующим с ним частям массы определённую структуру, заданную как раз потребностями множества.

Ещё одной важной характеристикой такого множества может быть самоисключение его из всех политических процессов в обществе, так сказать, отсутствие инкорпорированности такого множества в системы управления. В том числе, возможно, и по фундаментальным принципам – то есть по причине отказа множества от притязаний на какой-то суверенитет,

неизбежно создающий иерархии, для сохранения множеством приверженности принципу равенства в социальных взаимоотношениях с другими множествами. Ведь именно исключение множества из присущей массы, по-массовому здоровых формальных, нормативных социальных взаимоотношений, превращает множество во внешнюю по отношению к массе, массовому обществу и массовому сознанию, сущность. Как пишет об этом Х. Арндт, «единственным исключением из этого общего правила были евреи. Они не образовывали свой собственный класс и не принадлежали к какому-либо из классов в своих странах. Как группа они не были рабочими, не были людьми среднего класса, не были ни землевладельцами, ни крестьянами»²³⁶. Обязательным и неизбежным следствием такого состояния (и ещё одной формой устойчивого структурирования) как раз и становится такая самоидентификация и самоопределение множества. В том числе, и в индивидах, это множество составляющих, и в самом множестве – как структурированной, стремящейся к отдельной от массы цельности новой, «внеполитической», сущности. Арндт так описывает подобную ситуацию в отношении «множества» народа немецких евреев: «он избегал в течение двух тысячелетий всякого политического действия, не отказываясь при этом от этого своего представления об истории»²³⁷.

Поскольку массовое общество старательно упрощает иерархию, принципиально неиерархично, такое множество должно будет создавать, а затем и олицетворять собой, понятие иерархии – либо приобретая в массовом обществе и массовом сознании привилегированное, уникально высокое положение, либо столь же уникально низкое положение, до состояния отверженности. То есть всем своим существованием такое множество, видимо, обязано воздействовать на базовый принцип существования

---

²³⁶ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 201 с.

²³⁷ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 202 с.

массового общества – его безличность, тотальную бессубъектность, формируя своим «выпадающим» статусом, через возрождение понятия иерархии понятие субъектности. Задавая тем самым, и направление движения, и само движение в принципиально неподвижном, фундаментально стабильном массовом обществе.

Логичным продолжением и развитием процессов самоидентификации в противостоянии лишённой идентичности массе, должно будет стать, вероятно, формирование у множества программы его отделения от массы. То есть оформление того, что в традиционной социологии принято определять, как «социальный расизм». Интересно, что Х. Арндт в «Истоках тоталитаризма» приводит обоснование такой, логичной и закономерной при поиске идентичности ситуации. По её словам, «чем более одинаковы условия, тем труднее объяснить те различия, что действительно существуют между людьми. Ведь таким образом всё более неравными становятся и индивиды, и группы людей»²³⁸, а при утверждении тотального равенства, происходящего из абсолютной неразличимости лишивших себя индивидуальных отличий людей массы, «проблема, несущая особую опасность, заключается в том, что... человек впервые сталкивается с другим человеком в условиях отсутствия защищающих их различий в обстоятельствах и условиях»²³⁹.

Таким образом, очевидная разница потенциалов между сплочённым, способным к целеустремлённым солидарным действиям множества, состоящего из единомышленников, и аморфной, способной исключительно на реактивные действия массой, видимо, неизбежно будет приводить к складыванию у множества инструментов и способов выгодного влияния на массу. Может эта предполагаемая разница потенциалов привести и к

---

²³⁸ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 205 с.

²³⁹ Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 90 с.

формированию целой системы тайного влияния, пусть и не заявленной публично, но от этого не менее действенной анонимной власти такого множества над какой-то частью массы, эффективного влияния на всю массу, формированию реальной власти действенного субъекта над пассивным объектом воздействия. «Некий еврей ... когда один благородный и образованный врач мягко попрекнул его за то, что он гордится (еврейством), несмотря на то что среди евреев нет князей и они не участвуют в управлении государством ... ответил высокомерно: «Мы не князья, но мы правим ими»²⁴⁰, - пишет Арендт о подобной ситуации. Указывая на нормативность в этом случае ситуации имитации представителями множества стереотипов массы: «Выражение «Человек на улице и еврей дома» - стало... реальностью»²⁴¹.

При этом следует учитывать, что на все эти характерные черты множества, готового к сопротивлению, обязательно будут накладывать свой отпечаток и на массовое сознание, задавая направления и тенденции его эволюции, а точнее – придавая какие-то формы текучей переменчивости всегда непостоянной массы. То есть каждое множество в своём противостоянии массе будет становится примером, демонстрировать формы и способы противостояния.

Таким образом, самым фактом своего появления и существования отдельные, другие, иные множества единое и нераздельное массовое сознание будут разрушать. Причём, подобной трансформации массы в множества будет способствовать объективно присущий массовому сознанию непрерывно идущий процесс разложения любых субъектов и сущностей. То есть масса, как целостная антропологическая сущность неизбежно сама обязана стать жертвой такого, объективно идущего в ней процесса.

---

²⁴⁰ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 97 с.

²⁴¹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 98 с.

3.3 Масса как источник перманентного кризиса и трансформации современного общества

Разделение сущностей, формирующих социум, на объективно, в силу своей внутренней структуры способные к осознанному самоопределению и на прочие – к ценностной и рациональной самоидентификации и, как следствие, самоопределению частично и полностью не способные – было замечено ещё Томасом Гоббсом. Британский философ-материалист уже в XVII веке отмечал опасность «недостаточно четкого отличия «народа (populus) от толпы (multitudo)». По словам Гоббса, принципиальное различие между ними состоит в том, что именно народ, а не толпа, способен к самоидентификации и самоопределению. Причём, и это самоопределение, и прямо вытекающая из этого самоопределения воля к власти у народа проявляются даже в такой, вроде бы мало «народной» форме устройства государства, как монархия. «Народ правит во всяком государстве, ибо и в монархическом государстве повелевает народ, потому что там воля народа выражается в воле одного человека», пишет Гоббс. Продолжая эту мысль, он подчёркивал: «Как это ни парадоксально, царь есть народ»²⁴².

Отмена такого – постоянно самоидентифицировавшегося и поэтому непрерывно самоопределяющегося гоббсовского «народа» стала важным источником формирования глобального массового общества. Идентичный, структурированный ценностной иерархией «народ» оказался подменён ценностно аморфной, бессубъектной и от этого часто управляемой извне массой. При этом масса, в поисках структурности, всегда старательно имитирует признаки гоббсовского «народа». И пусть не волю, но как будто бы единое желание (правда, по большей части, в форме кратковременного неистового увлечения, наваждения, устремления непонятно куда и непонятно зачем). И как будто бы единое действие (правда, как правило, всего лишь в

---

²⁴² Гоббс Томас. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. 396 с.

форме страстных воплей в коммуникационном пространстве, демонстративных страданий и весьма публично растрёпанных чувств). Но, в силу своего происхождения, базовых принципов своего характера, своей антропологии, масса оказывается не способна не только на продолжительное волевое усилие ради достижения реальной цели, логично вытекающей из самоидентификации, со всеми её ценностями и приоритетами. Но даже не способна (в первую очередь, по причине отсутствия устойчивой самоидентификации и, значит, самоопределения) такую цель хотя бы сформулировать.

Устанавливая самый важный, ключевой момент в реальном положении дел в «Психологии масс» Г. Лебон подчёркивает, что «тот, кто не умеет владеть собой, осуждён скоро попасть под власть других»²⁴³. В этом, собственно и состоит, смысл новой эры, «эры власти массы» – «кто легко умеет вводить толпу в заблуждение, тот становится её повелителем»²⁴⁴, по словам того же Лебона. Испанский философ Ортега-и-Гассет в своём детальном разборе антропологических особенностей таких явлений как масса и «власть масс» особенно подчёркивает безличность властного начала в такой властной конструкции. Причём, единственным логичным объяснением такой безличности может быть только внутренний отказ – и всей массы, и каждого составляющего её «атома», человека – от самоопределения, от той глубокой ценностной самоидентификации, которая и создаёт народ.

А единственным способом совместного существования и чётким социальным индикатором массы является её одномерный тоталитаризм, который замечал уже Г. Лебон. Резкое, часто одномоментное упрощение социальной структуры, оглушение всех участников «общества массы» (а то, что суммарный интеллект такого общества, «толпы», всегда ниже уровня интеллекта самого глупого из его участников, отмечают практически все его

---

²⁴³ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 105 с.

²⁴⁴ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 105 с.

исследователи), приоритет «простых решений» и «простых действий» слона в посудной лавке – такова рациональность «общества масс». Общества, не имеющего личного, то есть продиктованного интеллектуальной самоидентификацией, взгляда.

Крайний радикализм, бескомпромиссность мнений и взглядов массы, особо подчёркивают неуважение её к индивиду, самоопределившейся, «отдельной» личности – ведь масса именно потому и является массой, что не признаёт личного, «отдельного» самоопределения. Очевидно, что при таком, вполне обоснованном и логичном отношении массы к личности, в политическом, культурном, интеллектуальном смысле масса признаёт только монополию, диктатуру, тиранию – и иначе, в другой системе властных взаимоотношений, существовать не может. Просто потому, что во всех других формах масса рассыпается на «атомы» - индивидов, личности, и затем, логичным и глубоко естественным путём вновь трансформируется в непрерывно возрождающийся, состояний из идентичных личностей и поэтому ценностно иерархически выстроенный народ. Для которого как раз самоопределение и самоидентификация являются базовыми принципами существования.

Народ, в отличие от массы, всегда, и в силу внутренней структуры своей самоорганизации, и в силу внешнего давления (других волевых народов и массы, как сущностного антипода народа) стремится к самоопределению, суверенитету. Признаками которого, в свою очередь, становятся воплощённая в передаваемой по наследству традиции тождественности и однородности этических, эстетических, культурных норм, а также чёткая и структурированная иерархичность – как целей и приоритетов действий, так и социальной организации, этими приоритетами оправданной.

Одновременно и, в отличие от массы, – надолго, народ устанавливает своё коренное отличие и уникальную исключительность по отношению ко всему Чужому, ко всему внешнему – вне зависимости от уровня агрессии по

отношению к самоопределившемуся народу. Как поясняют в своей работе «Империя» Хардт и Негри, «если масса представляет собой неопределенное конститутивное отношение, то народ является конституированным синтезом, готовым для суверенитета. Народ обеспечивает единство воли и действия, независимое от множества воли и действий масс и часто находящееся с ними в конфликте»²⁴⁵.

«На переломе эпох» изначальная масса «лишних людей», выпавших из старого, уходящего общества обязана была трансформироваться в народ. В новую антропологическую сущность, главным признаком характера которой становилась полновластная исторически-логичная и природно-закономерная суверенность. Суверенность в каждом поступке, в каждой идее, в каждом культурном и даже бытовом явлении.

При этом обязательным признаком суверенного и аутентичного характера гобсовского «народа», становится его обособленность, инаковость с чувством превосходства, своеобразный «расизм» по отношению к окружающему миру, Другим. Такими «расистами» внутри народа становится подавляющее большинство составляющих его личностей. Именно он, этот «расизм», фундаментально, на уровне базового функционирования всей сущности народа, неизбежно стирает социальные перегородки внутри него, делает обязательным – хотя бы и для простого выживания этой новой антропологической сущности – постоянно происходящее открытие внутренних «социальных лифтов», обязательность непрерывного обновления социальной структуры и культурной иерархии. Собственно, как раз этих «лифтов», создание новой массы «лишних людей», утрата движения внутри народа становится самым ярким признаком его жесточайшего внутреннего кризиса, свидетельствует о грядущей его трансформации.

---

²⁴⁵ Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 161 с.

Показательно, что структурная аморфность и заведомая краткосрочность существования «толпы», массы, противопоставляемой классическими философами действительному «народу», даже не предполагает её действий хоть в какой-либо системе координат. Просто потому что в её структуре, а точнее – бесструктурности, даже само понятие «верха» и «низа», а, значит, и направлений социального движения, системно отсутствует. Именно эта внутренняя бессистемность, стабильная и непоколебимая аморфность массы которая является её важной, определяющей характеристикой. Именно отсутствие у такой сущности потребности в самоопределении, самоидентификации, просто в силу природной, естественной, если можно так сказать, внутренней логики её возникновения и существования, говорит о том, что наступила эра массы, эпоха «власти толпы».

Весьма логично, что базой новой глобальной «мир-системы», описанной И. Валлоерстайном, стала масса. Ведь само устройство глобального «мира массового спроса» и «мира массовой культуры» с их ориентацией на ценностно «универсального», «толерантного» и бесконфликтного, предельно стандартизованного и, в силу этого факта, максимально обезличенного «среднего потребителя», определяется типичными характеристиками массы – ценностной аморфностью, социальной бесструктурностью, бесцельностью как нормой и случайностью как способом существования.

Гипер-индустриальная глобальность требует уже гипер-унификации и гипер-стандартизации, и, не встречая сопротивления со стороны массы (просто в силу особенностей массового сознания и характера массы), всё больше и больше стирает признаки идентичности, уничтожает даже отголоски архетипов национальных культур. При этом во всё более и более искусственной, безвоздушной среде уже даже не интернациональной, в внациональной, внеклассовой, внеполовой глобальной Империи, может

показаться совершенно очевидным фактом то, что на самом деле сложится новому народу, который всегда приходит на смену массе неоткуда.

Ведь главным признаком народа является его инаковость, отдельность, своеобразный расизм. А перед кем, в отношении кого быть «расистами» «глобальному человечеству»? Ведь инопланетян пока не обнаружено. Попытка же записать в «инопланетяне», Чужие, Другие народы стран периферии и полупериферии уничтожает саму идею глобального мира, лишённого идентичностей. Ведь в этом случае речь начинает идти уже о традиционном, гоббсовском «народе», народе модерна, ценностно отличающемся от неких «чужих». И поэтому строящем свою уникальную – вполне «расистскую», а вовсе не глобально-безличную, без архетипов и сказок, цивилизацию. Пусть и возникает этот народ в «ядре» мир-системы, но это неизбежно, хоть и отсрочено приводит, должно приводить к формированию аналогичных «народов» в периферии и в полупериферии мир-системы – раз уж есть пример и есть вызов, то на него будут отвечать.

То есть получается, что любое отличие, выявленное через действие, обязаны породить самоопределение и самоидентификация. С возникновением уникального творчества, как логическом их следствии. Проблема массы даже не столько в том, что массе, массовому обществу и массовому человеку идея самоопределения и самоидентификации крайне противопоказаны. Проблема в том, что, как открыли философы-постмарксисты, основной процесс, идущий в массе – это разложение. Только так – постоянно разлагая субъекты, масса и может существовать. Именно этот процесс разложения создаёт и первичное движение в формировании массы (недаром она возникает только «на переломе эпох», только в условиях разложения уходящих, старых обществ и формаций), именно этот процесс и обеспечивает её существование, не позволяет, за счёт непрерывного поддержания таким образом – в идущем полным ходом процессе – постоянного внутреннего движения. Которое как раз и не позволяет изначально естественно для неё бессубъектной и безличностной массе

самоликвидироваться. Которое только и позволяет массе сохранять, постоянно воспроизводить в этом движении структурность реально существующей антропологической сущности.

Но, при этом как раз универсальность и объективность основного процесса, идущего в массе – процесса разложения – как раз и превращает саму массу в объект разложения. Не менее очевидно, что, разлагаясь, масса обязана рождать новые антропологические сущности, которые по своей сути, по своей структуре обязаны принципиально от неё отличаться. То есть стремиться к состоянию идентичности, субъектности, структурности. То есть эти новые антропологические сущности неизбежно будут искать уникальную самоидентификацию, находить и устанавливать свой, уникальный и «расистский» суверенитет – в культуре и, как следствие, и в политике, и в государственном строительстве, и в экономике, отталкиваясь, как от противоположного, от тех характеристик, что присущи именно массе.

Таким образом, круг замыкается. Масса стандартизованных, усреднённых, безличных потребителей порождает стандартизованный, усреднённый, безличный глобализм. Который, в отсутствие доказанных творческих возможностей непрерывно глупеющей и самовоспроизводящей всё большую и большую тупость массы, перестаёт развиваться – и в процессе саморазложения, пожирает сам себя. То есть объективно и закономерно запускается и стремительно набирает ход закономерный и объективный процесс антиподов массы – процесс самовоспроизводства множеств творческих, самоидентифицирующихся и самоопределяющихся личностей.

Которые, в свою очередь, закономерно и логично, в своём творчестве формируют уникальные системы ценностей и неизбежно начинают по ценностным признакам объединяться. И, как следствие, по ценностным признакам отделяться, обособляться. И, значит, вновь неизбежно начинают создавать свои «народы», «обладающие единой волей и способные на единое

действие»²⁴⁶. Разрушая тем самым, «мир-систему» глобального массового человечества, которая существования самоопределившихся «расистских» народов и неповторимых уникальных личностей не предполагает.

---

²⁴⁶ Гоббс Томас. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989. 395 с.

Заключение

Подводя итоги проведённого исследования, следует подчеркнуть, что для исследователя оказалось потрясающей глубиной реальное влияние массы на процессы, сейчас происходящие в современном нам мире, на исторические процессы, определившие судьбу нашей страны и мира. Выводы, сделанные в ходе исследования, показывают, насколько масса, её сознание и её культура детерминируют, предопределяют нынешние системные изменения в бытии и сознании и каждого человека, и всей человеческой цивилизации.

При этом ключевым вопросом, принципиальным для установления её природы стало выявление того, что же такое масса. То есть является ли она своеобразной, разовой и случайной суммой человеческих личностей, побочным продуктом сложностей антропологической эволюции или, всё-таки, устойчивой антропологической сущностью, складывающейся, существующей и эволюционирующей закономерно и логично, согласно естеству всей человеческой природы, по алгоритмам и законам, возникающим из непрерывного социального взаимодействия «антропосов», людей, племён, классов человеческой цивилизации.

Основной вывод, который следует из всей работы, посвящённой своеобразному тематическому перекрестному допросу философов-постмарксистов, состоит в утверждении того, что масса – это одна из базовых для человечества устойчивых антропологических сущностей, который свойственны, во-первых, происходящее в конкретных и циклически повторяющихся условиях существования человеческого общества рождение, во-вторых, единые уникальные сознание и поведение, проистекающие из человеческой природы соединяющихся в массу людей, в-третьих, диктуемая уникальным характером массы единая эволюция единой сущности, приводящая её к трансформации в другие, новые и порождённые ею, антропологические сущности.

В ходе получения этого вывода, было достигнуто понимание следующих фактов.

1. Масса возникает, рождается «на переломе эпох», в тот момент, когда существующая общественная формация, социально-экономический строй больше не способны давать адекватные вызовам времени ответы, больше не способны обеспечить должное, требуемое, продиктованное всей логикой внутреннего развития общества качество его существования. Наиболее ярким признаком, предшествующим появлению массы как сущности, становится стремительное нарастание в таком этом обществе числа «лишних людей», людей, «выброшенных за борт» «старого» общественного строя и поэтому вынужденных стать отдельными, иными по отношению к этому общественному строю индивидами.

При этом такие индивиды выпадают сразу из всех привычных, веками работающих статусов – родовых, профессиональных, культурных, политических и других. Ужас такого состояния – один на один с миром, в полном одиночестве – и заставляет индивидов-«атомов» сбиваться в массу. Из которой затем, путём обретения новой идентичности, через различные формы самоидентификации и самоопределения «людей длинной воли» возникают принципиально новые по отношению к старому, уходящему общественному строю социальные группы, классы, народы и формации. Причём, наиболее точной антитезой к понятию массы является понятие народа, который «есть нечто единое, обладающее единой волей и способное на единое действие» и, главное, способен к творчеству – как в каждой идентичной личности, составляющей его, так и в целом системно. Таким образом, масса «заканчивает процесс распада устаревших цивилизаций»²⁴⁷, как резюмировал её исследователь Г. Лебон. То есть масса

---

²⁴⁷ Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002. 108 с.

не только рождается при распаде старой общественной системы, она – ещё и чёткий, упреждающий индикатор острого кризиса этой системы.

2. Основным условием рождения массы становятся обезличивание и отчуждение. Во-первых, с одной стороны, значительная часть индивидов, вливающихся в неё, образующих её, продолжает практику традиционного общества – то есть пытается остаться, как это было прежде, до кризиса уходящего общества, функцией, «винтиком», а не использовать открывшуюся невероятную прежде возможность каждый день иметь смелость жить своим умом, быть уникальным «собой». Во-вторых, с другой стороны, масса воспроизводится из отчуждения. Дело в том, что самоидентификация – это всегда проведение границ, это свойство нового народа делить всех на «своих» и «чужих». Поскольку именно такой процесс постоянен (потому что такое постоянное разграничение и объединяет народ), то всё большее число людей «отчуждается» – например, от собственности, от продуктов труда, от участия в решении политических вопросов. «Отчуждённые» от народа и становятся основным наполнением массы.

3. Обезличенность и отчуждение как источники происхождения массы задают ей единственно возможную форму существования – бесструктурность, аморфность, в социальном смысле – вне-иерархичность. Именно это фундаментально стабильное состояние определяет качественные характеристики её единого антропологически-сущностного сознания. И человек массы, и сама она как единая сущность с единым сознанием не нуждаются в какой-то идентификации, привязке к «корням», учреждению границ – и поэтому всегда «висит в воздухе», существуют только в современности, «здесь и сейчас», и, не имея никакой точки отсчёта для объективной оценки и самооценки, логично находятся в непреходящем самодовольстве.

4. Оторванность от корней и ликвидация любых внутренних границ приводят к тому, что масса становится абсолютно неспособна к сопротивлению внешнему воздействию. Причём герметичная замкнутость

массы – «массы от природы лишены способности постигать то, что находится вне их узкого круга – и людей, и события»²⁴⁸, самодовольство и самонадеянность, как и возникающая вследствие выпадения массы из всех привычных иерархий непокорность, и создают невиданную ранее стихийную мощь движения массы, в том числе и в движении по заданным кем-то извне маршрутам.

5. **Бесструктурность и принципиальная бессубъектность массы** требует от неё, для поддержания своего существования, предотвращения самоуничтожения, самоэлиминации (а такая угроза прямо проистекает из её вечной аморфности, то есть бесформенности) разложения любых субъектов, любых субъектностей, с которыми масса, как сущность, вступает во взаимодействие. Именно непрерывный процесс разложения субъектности становится для массы главным, основным и определяющим. Потому, что в нём она и оформляется, получает пусть краткосрочную, пусть на мгновение, но форму. В этом процессе она и устраняет угрозы своему существованию – ведь каждое обретение субъектности, идентичности, создаёт угрозу её целостности, её сущностному существованию, создавая в неё внутренние границы, отдельные от неё субъекты. **Ход, цели и задачи этого процесса** определяют пути эволюции массы – как комплекс способов и методов по разложению субъектности и поглощения их «осколков» массой. При этом объективный итог этого процесса очевиден – разложение самой массы как сущности, обычно выражаемый, согласно исторической традиции в рождении из неё принципиально новых антропологических сущностей, по своей природе являющимися её антиподами (ведь разложение сущностных черт массы обязано стать полным, таков алгоритм процесса).

Другим важным, определяющим и ключевым выводом исследования следует признать, как раз установление – путём «перекрёстного опроса»

---

²⁴⁸ Лукач Дьёрдь К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. 146 с.

философов-постмарксистов исследователей массы – наиболее важных, так сказать, «сущностных», объективно существующих черт этой антропологической сущности, ещё раз, в порядке проверки, доказывающих существование массы как уникальной антропологической сущности.

В ходе достижения результата в этом направлении было достигнуто понимание следующих фактов.

1. В массе «интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают; разнородное утопает в однородном». Именно поэтому масса «почти исключительно управляется бессознательным. Ее действия гораздо более подчиняются влиянию спинного, нежели головного мозга, и в этом отношении они приближается к совершенно первобытным существам». Таким образом выходит, что «человек массы – это тот, кто не ощущает в себе никакого особого дара или отличия от всех, хорошего или дурного, кто чувствует, что он – «точь-в-точь, как все остальные», и притом нисколько этим не огорчен, наоборот, счастлив чувствовать себя таким же, как все»²⁴⁹. Более того, «кто выглядит не так, «как все», кто думает не так, «как все»²⁵⁰, тот подвергается риску стать изгоем».

2. Основная черта массового сознания «не жестокость и отсталость, а его изоляция и нехватка нормальных социальных взаимоотношений»²⁵¹. Масса целом настолько лишена реальной ориентации в реальном социальном пространстве, настолько лишена адекватных и здравых социальных ориентиров, устойчивых связей, настолько выпадает из нормальных, всегда сложных и многоуровневых отношений социального взаимодействия, что начинает искать одного, «ключевого» врага. В котором – вопреки всей привычной социальной практике, вопреки всей диалектике развития постоянно усложняющегося человеческого общества, массы пытаются найти чудодейственный и единственный корень всех своих бед. Чудодейственный

---

²⁴⁹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 147 с.

²⁵⁰ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 157 с.

²⁵¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 159 с.

в том смысле, что его ликвидация, уничтожение тут же должно – самым невероятным, поистине чудесным способом разрешить сразу все проблемы современности.

3. Массовое сознание начинается с утраты. Эта утрата навсегда – отныне, с момента рождения, массовое сознание вынуждено каждый раз создавать мир, в котором она живёт, заново. Потому, что масса, выключенная из исторического времени и культурной традиции, каждый раз с миром «один на один», без опыта веков и опыта растворённых в массе личностей, и только таким путём способна продолжать своё существование.

4. Особенностью существования массового сознания является признание того, что весь мир и по каждому вопросу разделяется на два больших и враждебных лагеря – по признаку «кто не с нами, тот против нас». Дело в том, что аморфность, бесструктурность массы создаёт постоянную угрозу её самоуничтожения, самороспуска, самопроизвольной элиминации. Ведь её не связывают ни классовые интересы, ни вековые социальные инстинкты. И поэтому для сохранения единства массе постоянно требуется горячая антитеза, постоянное производство постоянного конфликта, массу актуализирующего и массу объединяющего. Именно этот конфликт, основным содержанием которого и является виртуальное разделение виртуального мира на два противостоящих друг другу непримиримых виртуальных лагеря, и создаёт иллюзию постоянного движения, как раз и удерживающего саму массу вместе.

5. Одно из главных достоинств массы «состоит в её способности бесконечно воспроизводиться даже в условиях нестабильности»²⁵². В массе каждая её человеческая частица в условиях социальной нестабильностью защищена как раз её фундаментальной стабильностью, являющейся прямой производной аморфности и бессубъектности массы. Человек чувствует себя в

---

²⁵² Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003. 105 с.

большей безопасности в качестве части массы, чем в качестве отдельной, не включённой в массу личности.

6. Поиск стабильности в самых нестабильных обстоятельствах закономерно приводит массовое сознание к производству идеологии. Которая представляет предельно упрощённую, схематичную картину мира, в которой на любой, даже ещё не сформулированный вопрос уже готов банальный и от этого особо убедительный ответ. Главная особенность идеологии состоит в том, что её логика обязана создавать абсолютно непротиворечивую, полностью, до последнего мазка, завершённую картину бытия, исторического процесса, культурного явления. Для идеологии, как и для массового сознания, в целом, всё уже было, всё уже произошло, всё уже раз и навсегда объяснено. «Идеологии никогда не интересуются чудом бытия в настоящем»²⁵³ – и это невероятное состояние навсегда остановившейся в массовом сознании современности зафиксировано и объяснено идеологией. Таким образом, запрещение противоречий, присущее массовому сознанию, создаёт такую форму мыслительной деятельности, которой противопоказаны новые идеи. Ведь они подвергают сомнению непротиворечивость идеологической картины бытия. Подвергают сомнению, то есть, саму структуру массового сознания.

7. Конструкция массового сознания напрямую связана с утратой массой любой почвы под ногами. Ощущение потери своего места в мире постоянно самовоспроизводится невозможностью найти в однородной массе Другого, установить с ним связь и произвести обмен. Так создаётся чувство вечной отчуждённости от принадлежности к этому миру: «беспочвенность может быть предварительным условием для состояния ненужности, так же как изоляция может быть предварительным условием для состояния

---

²⁵³ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 71 с.

одинокства»²⁵⁴. Обратной стороной этого состояния массового сознания, его своеобразной «психокомпенсацией», является его крайний вождизм, непрерывное «сотворение кумиров» – от самого бытового уровня до уровня высшей власти. При этом высшая задача кумира и вождя в массовом сознании «состоит в том, чтобы олицетворять двойную функцию ... – выступать в качестве магической защиты от внешнего мира и в то же время служить мостиком, с помощью которого масса связывает себя с внешним миром»²⁵⁵.

8. Присущая массе и невиданная в других антропологических сущностях быстрота смены настроений обусловлена ещё одним родовым признаком массового сознания – потребностью в непрерывном движении. Движение выполняет здесь роль, аналогичную той, что выполняет разделение мира на два военных лагеря, противостоящих друг другу по любому вопросу. С помощью вечного движения по любому поводу масса преодолевает свою изначальную бесструктурность, которая создаёт постоянную угрозу её самоуничтожения, самороспуска, самопроизвольной элиминации. Именно для постоянного обновления сущностного структурного единства массе и требуется постоянное движение. То самое непрерывное обновление, что массу каждый раз заново актуализирует и объединяет. Постоянное движение, как и вышеописанный конфликт «двух лагерей», как раз и удерживает массу в единстве, постоянно структурируя постоянно сползающую в аморфность массу. Обязательной формой такого движения становится и террор – уже потому что насилие, даже только угроза его применения, вызывает наиболее яркие эмоции в массовом сознании. А, значит, способны эффективно воспроизводить формирующие его родовые

---

²⁵⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 73 с.

²⁵⁵ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 75 с.

признаки, каждый раз заново запуская двигатель механизма, обеспечивающего расширение массового сознания, каждый раз заново производя его «пересборку» и «перепрошивку».

9. Беспочвенность массы приводит к тому, что массе неинтересны конкретные интересы составляющих её людей. Просто потому, что отдельный, частный и конкретный интерес массе сущностно чужд. Она, в силу своей одномерной однородности, частный интерес, проводящий внутри неё границу, отторгает. Именно из этого фундаментального зачёркивания в массовом сознании частных интересов вытекает присущей массе фанатизм, который как раз и является результатом отсутствия в массе собственного интереса. Выпадение массы из традиционных социальных взаимоотношений приводит к тому, что масса желает победы и успеха как таковых, в их наиболее абстрактных формах. Для массового сознания далёкие от повседневного бытия спортивные или военные победы всегда намного важнее личных, частных проблем, утрат и завоеваний.

10. Обладая только опытом случайных эмоций по произвольным поводам, никак друг с другом не связанных, масса «не верит во что-то видимое, в реальность своего собственного опыта»²⁵⁶. Масса «не верит своим глазам и ушам, но верит только своему воображению, которое может постичь что-то такое, что одновременно и универсально, и непротиворечиво самому себе. Не факты убеждают массу и даже не сфабрикованные факты, а только непротиворечивость системы, частью которой они, по-видимому, являются»²⁵⁷.

Поиск массовым сознанием постоянного подтверждения незыблемо непротиворечивой картины мира становится логичной обратной стороной

---

²⁵⁶ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 90 с.

²⁵⁷ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 91 с.

вечного его одиночества, порождённого ужасом выпадения из привычного общества. Именно из такого состояния массового сознания рождается постоянное переформатирование массами реальности под свои – всегда идеологизированные – представления о ней. Так возникает явление, которое в современном нам мире принято называть «постправда»: «Другими словами ... массой овладевает желание уйти от реальности, потому что благодаря своей сущностной неприкаянности она больше не в состоянии постичь ее случайные, непонятные аспекты»²⁵⁸.

Следствием такого состояния становится стремление массы к переделке мира, к реформаторству ради реформаторства, где конечной целью, идеалом становится общество без случайностей, предельно упорядоченное общество «искусственно построенной... непротиворечивой модели». Поэтому масса всегда создаёт «целый лживый мир непротиворечивости, который более соответствует потребностям человеческого разума, чем сама реальность. Именно в этом мире благодаря одному только воображению лишённые корней массы могли чувствовать себя как дома и избавиться от нескончаемых шоковых ситуаций, которые реальная жизнь и реальный опыт опрокидывают на человеческие существа и их надежды»²⁵⁹.

Третьим основным выводом исследования следует признать открытие особенностей современного состояния массы. Ведь согласно предположениям постмарксистов в современном обществе, где произошёл переход от «модернити» к глобальной Империи именно масса, бессубъектная и бесструктурная, становится базовым имперским «народом», фактически «живой плотью» Империи. И пребывая в этом своём состоянии, которое

---

²⁵⁸ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 95 с.

²⁵⁹ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 97 с.

можно признать вершиной её эволюции, масса вступает в период, эпоху, эру разложения – как самой себя, так и глобальной Империи.

При этом в ходе достижения результата в этом направлении было достигнуто понимание следующих фактов.

1. Глобальное государство, «Мир-система» – глобальная Империя порождена массой, в силу своей природы, стирающей любые границы: между внутренним и внешним, между отдельными прежде социальными институтами, а «производство субъективности в новом имперском обществе стремится избежать привязки к какой-либо локальности и сопряженных с этих ограничений». Происходит детерриторIALIZация деятельности массы. Её владычество больше не имеет географических, культурных, языковых, экономических пределов. Более того, отменяются и временные рамки – то есть, с учётом непоколебимой стабильности массы, можно говорить об отмене ею исторического времени, и, таким образом «конце истории».

Обратной стороной процесса стирания любых границ становится тот факт, что здесь теперь любое явление становится существующим, возникает только в той точке, где внутреннее и внешнее, частное и публичное сливаются воедино – в демонстративном спектакле.

2. Бесконечное стремление к монополии, на котором стоит и современная экономика «Мир-системы», и современное государство – глобальная Империя, порождается массой, является наиболее адекватной массе форме организации деятельности. Прежде всего, потому, что монополия, как и масса, стремится к установлению тотальной однородности, отмене и разложению любых других, не включённых в монополию (и массу) сущностей. При этом экономика «Мир-системы» базируется на том, что монополия является наиболее прибыльной, а, значит, всегда наиболее приоритетной формой ведения деятельности.

3. Фундаментальная неуправляемость массы, порождённая её аморфностью, в том числе аморфностью ценностной, приводит к созданию нового вида влияния на неё, включения её в общественные процессы – «био-

политического производства» и «био-политического» управления. Намного более высокого, то есть, уровня, доходящего и до биологического влияния на все стороны жизни массы. Показателем нового уровня организации власти, в наибольшей степени, соответствующей особенностям массового сознания – принципиально безличностного и стремящегося к демонстративной бессубъектности, становится сетевая организация и самоорганизация власти, не имеющая единого центра управления.

Более того, система управления осуществляет переход от предыдущего «дисциплинарного общества», пытающегося прямым и косвенным воздействием заставить массу принимать какие-то формы, устанавливая границы, разделительные линии в ней, лишая её аморфности, к обществу контроля, не требующему от массы трансформаций и идентификаций, а принимающего эту аморфность как основу нового порядка. Порядка, который в силу неделимой никакими идентификациями аморфности, становится «постоянным и вечным». Причём, теперь, с одной стороны, «социальное тело целиком поглощается машиной власти и развивается в её виртуальности»²⁶⁰. Но, с другой стороны, аналогично складывается и ситуация с властью, поглощаемой массой. А единственным способом легитимации такого симбионта становится коммуникация.

4. Всегда свойственный массе террор, насилие и «прямое действие» в глобальной современности резко расширяются. Теперь арсенал возможностей такого вмешательства «весьма обширен, и он может включать в себя не только военную интервенцию, но и другие формы, такие как моральное или правовое вмешательство», которые осуществляют СМИ и НКО.

5. Общий характер господства массы в глобальной Империи «в действительности составляют три различные движущие силы, три момента:

---

²⁶⁰ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 105 с.

один – включающий, другой – дифференцирующий и третий – момент управления». Но реализуя все три этих момента глобальная Империя, как того и требует сущность породившей её массы, «являет собой разновидность однородного пространства, по которому без значительного сопротивления или конфликта скользят субъективности. А точнее – бессубъектности»²⁶¹. Характерно, что новый суверенитет, как того и требует неспособная к самооформлению, всегда «текучая» масса, «организуется не вокруг одного основного конфликта, но, скорее, посредством гибкой сети микроконфликтов». Именно поэтому «противоречия имперского общества являются неуловимыми, множащимися и нелокализуемыми», а «суверенитет определяется разложением... правление функционирует за счет разрушения»²⁶². Причём, «разложение не является aberrацией имперского суверенитета, но самой его сущностью и *modus operandi*»²⁶³.

б. Важным изменением становится изменение характера современной трудовой деятельности, которое приводит к стиранию границ между рабочим временем и свободным временем, между деятельностью на производстве и «работой для себя», между отчужденной деятельностью и творчеством. Именно в этих условиях – общего нематериального и «неовеществлённого» в привычных формах общественного труда – и рождается, возникает новая антропологическая сущность, приходящая на смену массе. времён Её называют Множеством. Возникающее из массы в глобальной Империи множество имеет волю к сопротивлению потому что «Множество – понятие классовое». Которое, как невиданный ранее, «рассеянный по миру»

---

²⁶¹ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 107 с.

²⁶² Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 108 с.

²⁶³ Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 108 с.

неструктурированный класс, будет формироваться, приобретать новые, невиданные раньше свои форму и структуру в ходе своей классовой борьбы.

Таким образом, основная сущностная проблема массы, и доказывающая её существование как антропологической сущности, и предопределяющая пути её эволюции состоит в том, что основной процесс, идущий в массе – это разложение. Ведь, во-первых, объективно это процесс социального взаимодействия, на производство которого способны только человеческие существа и очеловеченные, антропологические сущности. А, во-вторых, процесс разложения, который трансформирует массу в новые, другие, но вполне антропометрические – то есть измеряемые по человеческим стандартам сознания и поведения – сущности как раз и выявляет основное, сущностное в ней. Это – устойчивая форма существования человека в мире.

Причём это доказывает и то, что, разлагаясь, масса рождает новые антропологические сущности. И то, что эти новые антропологические сущности неизбежно будут искать уникальную самоидентификацию, находить и устанавливать свой, уникальный и «расистский» суверенитет – в культуре и, как следствие, и в политике, и в государственном строительстве, и в экономике, отталкиваясь, как от противного, от тех характеристик, что присущи именно массе.

Получается, что нынешнее господство массы стандартизованных, усреднённых, безличных потребителей порождающее стандартизованный, усреднённый, безличный глобализм - это вполне закономерный продукт человеческой жизнедеятельности. И, как любой продукт человеческой жизнедеятельности, это господство массы, и этот глобализм, являются состояниями временным и непременно преходящими. Человечество не может не накапливать в себе изменений, инноваций, не может не развиваться, а значит не может не обновляться. Не может не породить новые антропологические сущности – как с принципиально новым, никогда ранее не виданным содержанием, так и такие давно известные, но всегда немного

новые, как масса. Именно так идёт ход человеческой истории, обеспечивая процесс вечного самовоспроизводства творческих, самоидентифицирующихся и самоопределяющихся личностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонио Грамши Тюремные Тетради. М.: Издательство политической литературы, 1991. 560 с.
2. Антропологический синтез: религия, философия, образование. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2001.
3. Антропология Власти, т.т.1-2 — СПб.: изд-во СПбГУ, 2006.
4. Арндт Х. Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. Борисовой И.В. и др.; послесл. Давыдова Ю.Н.; под ред. Ковалевой М.С., Носова Д.М. — М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
5. Арндт Х Люди в темные времена: Очерки. / Пер. с англ. и нем. Г. Дашевского, Б. Дубина. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 312 с.
6. Арндт Х Хайдеггеру восемьдесят лет // Вопросы философии. - 1998. — № 1. — С. 126 -134.
7. Арндт Х. Ситуация человека. Разделы 24-26 главы V // Вопр. философии. 1998. — № 11. — С. 131-141.
8. Арндт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
9. Аристотель. Никомахова Этика / Аристотель. Сочинения: в 4-х т. Т4/ Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. С. 53 - 295.
10. Аристотель. Политика / Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 457 с.
11. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Наука, 1973. - 444 с.
12. Бакшутов В.К. Философская антропология: Смена парадигм. — Екатеринбург, 1998.
13. Библихин В.В. Новый ренессанс. — М.: Наука. Прогресс-Традиция, 1998.

14. Блинов, А.С. Национальное государство в условиях глобализации: контуры построения политико-правовой модели формирующегося глобального порядка /А.С.Блинов. М.: МАКС Пресс, 2003. 149 с.
15. Богатуров, А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945-1995) / А.Д.Богатуров. М.: Конверт — МОНФ, 1997. - 349 с.
16. Бурдые, П. Социология политики /П.Бурдые. М.: Socio-Logos, 1993. 336 с.
17. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 415 с.
18. Валлерстайн И. Время и длительность: в поисках неисключенного среднего // Философские перипетии. 1998. № 409'98. Сер. Философия. С. 186- 197.
19. Валлерстайн И. Геополитические миро-системные изменения: 1945 — 2025 // Вопросы экономики. 2006. № 5. С. 67 - 83.
20. Валлерстайн И. Динамика (незавершенного) глобального кризиса: тридцать лет спустя // Union Magazine. Союз во имя будущего. 2009. № 1. С. 5- 13.
21. Валлерстайн И. Изобретение реальностей Времени-Пространства: к пониманию наших исторических систем // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории / Под ред. Н. С. Розова. Новосибирск, 2001. С. 102 - 116.
22. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М.: Логос, 2003.
23. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006.
24. Валлерстайн И. После либерализма. М.: УРСС, 2003. 256 с.
25. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 — 2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 31- 42.

26. Валлерстайн И. Утопийское, или исторические возможности XXI века // Прогнозис. 2006. № 1(5).
27. Вебер М. История хозяйства. Город. М.: Канон-пресс, 2001. 576 с.
28. Василенко, И. Диалог культур, диалог цивилизаций /И.Василенко //Вестник Российской академии наук. Т.66. 1996. — №5. — С. 394-402.
29. Виндельбанд В. От Канта до Ницше // Виндельбанд В. История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками. — М.: Канон-Пресс: Кучково поле, 1998. 494 с.
30. Вундт В. Введение в философию. М.: ЧеРо: Добросвет, 1998, 2000. 354 с.
31. Гаджиев, К.С. Введение в геополитику. / К.С. Гаджиев. М. : Логос, 1998. 416 с.
32. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2000. 479 с.
33. Георг Лукач История и классовое сознание. М.: Логос-Альтера, 2003. 416 с.
34. Гиббон, Э. История упадка и крушения Римской империи / Э. Гиббон. -М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 704 с.
35. Гиренок Ф.И. Антропологические конфигурации философии. //Философия науки. Вып. 8: Синергетика человекомерной реальности. — М., 2002.
36. Громов И.А., Стельмашук Г.В. Культура как предмет социально-философского познания. — СПб, ЛГОУ, 2004.
37. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. Тверь: Леан, 1997. 288 с.
38. Гулыга А. В. Кант. М.: Молодая гвардия, 1981. 303 с.
39. Гоббс Томас. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Мысль, 1989.
40. Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1989. № 11. С. 31- 43.

41. Гюстав Лебон Психология народов и масс. — М.: Академический проект, 2011. 238 с.
42. Давыденкова А.Г. Философия личности и культурно институциональные процессы. — СПб, ЛГУ, 2005.
43. Давыденкова А.Г., Яцук Д.Н. Человеческая природа как основа нравственных норм и моральной философии. //Гуманизм и право: Межвуз. сб. научн. тр. — СПб, 2002.
44. Давыдов Ю. Н. Ханна Арендт и проблема тоталитаризма // Новое и старое в теоретической социологии. — М., 1999. Кн. 1. — С. 144- 160.
45. Делез Жиль Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза: пер. с фр. М.: ПЕРСЭ, 2000. 351 с.
46. Делез Жиль Логика смысла. М.: Академический проект, 2015. 472 с.
47. Европа и будущее трансатлантических отношений. Речь Федерального министра иностранных дел Йюшки Фишера в Принстонском университете 19 ноября 2003. // Международная политика. 2003. - №6.
48. Каппелер, А. Россия многонациональная империя / А. Каппелер. — М.1. Прогресс, 1996. 510 с.
49. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003. 830 с.
50. Клаус, В. Смысл расширения Евросоюза: выступление на конференции Института экономических исследований Мюнхенского университета в июне 2004 года /В.Клаус.// Россия в глобальной политике. 2004. - №4.
51. Клонингер С. Теории личности. — СПб.: Питер, 2001.
52. Косич И. В. Ханна Арендт. Философия и политика// Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1991. №6. С.79 - 92.
53. Лебон Г., Психология толп. СПб, 2002.
54. Лукач Дьёрдь К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991. 412 с.

55. Лурье С.В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. — М.: Академический проект: Альма Матер, 2005.
56. Маликова Ю. О. Решение проблемы соотношения морали и политики в философии Ханны Арендт.: Дис. канд. филос. наук/ МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 2005. 48 с.
57. Мишкинене Ю. Б. Арендт и Хайдеггер: попытка сравнительного анализа фундаментальной онтологии человека и онтологии политики / МГУ им. М. В. Ломоносова. Филос. фак. — М., 1990. 146 с.
58. Мотрошилова Н. В. Социально-исторические корни немецкой классической философии. М.: Наука, 1990. 205 с.
59. Мусихин Г.И. Модели современного капитализма в новой политэкономии: между наукой и идеологией // Политические исследования. 2009. № 3. С. 84- 97.
60. Мушинский В. Ханна Арендт и ее главная книга // Свободная мысль. 1992. — № 8. - С. 72- 81.
61. Нарский КС. Западноевропейская философия XIX века. -М.: Высш. шк., 1976. 584 с.
62. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М.: АСТ, 2003.
63. Петров М. К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. - 196 с.
64. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. С. 224
65. Петров М. К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996. 512 с.
66. Петров М.К. Предмет и цели изучения истории философии // Вопросы философии 1969, № 2
67. Петров М.К. Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода: монография / М.К. Петров; Южный федеральный университет. - Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2015. - 398 с.
68. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. М.: Наука, 1991. 328 с.

69. Петров М.К. Язык и предмет истории философии. М.: Наука, 1991.
70. Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. В 3 кн. / Издание 7-е, стереотипное. М: Академический проект, 2009.
71. Рахманов А.Б. К критике мир-системной теории И. Валлерстайна // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 4. С. 65- 81.
72. Рахманов А.Б. Современные теории глобального общества: И. Валлерстайн, Дж. Модельски, Дж. Гольдстайн // Вестник МГУ. Сер. 18. 2004. № 2.
73. Семенов Ю.И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.
74. Сморгунова В. Ю. Гносеологические проблемы политической философии: Гносеологический потенциал политики: Ханна Арендт об истине и политике / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Образование, 1997. С.4 - 16.
75. Сморгунова В. Ю. Ханна Арендт и проблема истины политического знания// Современная зарубежная философия: проблемы трансформации на рубеже XX-XXI веков. СПб., 1996. С. 43 - 48.
76. Соловьев Э. Ю. Проблемы философии истории в поздних работах Канта // Вопросы теоретического наследия И. Канта. / Калинингр. ун-т. Калининград, 1978. Выпуск 3. - С. 67 - 74.
77. Соловьев Э. Ю. Теория "общественного договора" и кантовское моральное обоснование права // Философия Канта и современность. М.: Мысль, 1974. С. 184 - 236.
78. Стёпин В.С. Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
79. Судаков А. К. Абсолютная нравственность и этика автономии И. Канта. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. / ИФРАН. М., 2000. 31 с.

80. Суходеев В.В., Бушин В.С., Кожемяко В.С. Ленин и революция. М.: Алгоритм, 2018. 240 с.
81. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М., Институт психологии РАН; Издательство КСП, 1999.
82. Тойнби, А. Постижение истории. / А. Тойнби. М.: Издательство Прогресс, 1991. 608 с.
83. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 208 с.
84. Трубина Е. Г. Идентичность в мире множественности: прозрения Ханны Арендт // Вопросы философии. 1998. — № 11. — С. 116 -130.
85. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. — СПб, Питер, 2005.
86. Ульяновский А.В. Социальный миф как бренд: философская антропология, эстетика на границах запрета, etc. Т.Т. 1, 2. — СПб., Питер, 2003,2004.
87. Уолцер, М. О терпимости / М. Уолцер. М.: LOGOS, 2000. - 184 с.
88. Уортман, Р.С. Сценарии власти : мифы и церемонии русской монархии Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. / Р.С.Уортман. М. : ОГИ, 2002. 608 с.
89. Файн Р. Фетишизм политики: критический анализ работ Ханны Арендт // Рубеж. Сыктывкар, 1999. — № 13/14. — С. 36- 64.
90. Федералист. Политические эссе А.Гамильтона, Дж.Мэдисона и Дж.Джея / А. Гамильтон и др. М.: Арена, 1993. 319 с.
91. Фукидид. История. Книга 1. Историки античности. Т. 1. Древняя Греция / Фукидид. М.: Правда, 1989. 624 с.
92. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 362 с.
93. Хардт, М., Негри, А. Империя / М. Хардт, А. Негри. М.: Праксис, 2004. 440 с.

94. Хардт, М., Негри, А. Множество: Война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
95. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М.-Спб., 1997.
96. Царев Р.Ю. Концепция мир-системы И. Валлерстайна: генезис и сущность. Автореферат диссертации. Курган, 2002. — 20 с.
97. Шудра О. В. Ханна Арендт: суждение об ответственности // Московский журнал международного права = Moscow journal of international law. — 1995. № 3. — С. 125- 138.
98. Шудра О. В. Ханна Арендт о «радикальном зле» // Известия вузов. Правоведение. СПб., 1995. — № 6. — С. 95- 102.
99. Энгельс Ф., Маркс К. Принципы коммунизма. Манифест коммунистической партии. М.: ИТРК, 2016. 68 с.
100. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; Пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; Сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. - М: ООО "Издательство АСТ", 2002. 526 с.